

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Типографія бывш. Ѳ. Б. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 12.
1881.

ОСЕТИНСКІЕ ЭТЮДЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(ОСЕТИНСКІЕ ТЕКСТЫ).

Всеволода Миллера.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Подъ общимъ названіемъ „Осетинскіе Этюды“ мы предполагаемъ издать рядъ матеріаловъ и изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью изученіе языка осетинъ, ихъ эпическихъ сказаній, религіозныхъ воззрѣній и ихъ прошлаго. „Осетинскіе Этюды“— результатъ нашихъ двухлѣтнихъ занятій осетинскимъ языкомъ и поѣздки въ Осетію, предпринятой нами лѣтомъ 1880 года. Осетины представляютъ значительный интересъ для лингвиста и этнографа: первый найдетъ въ ихъ языкѣ несомнѣнныя черты иранской группы индо-европейской семьи языковъ; второй заинтересуется ими, какъ народомъ нашего, индо-европейскаго, рода-племени, сохранившимъ до нашихъ дней свою особность и древній складъ жизни, среди горныхъ трущобъ Кавказа и среди другихъ народовъ, чуждыхъ ему по языку и происхожденію. Какая судьба загнала осетинъ въ нынѣшнія мѣста ихъ поселенія, какое воспоминаніе сохранили они о своемъ прошломъ, какія свѣдѣнія сохранились о нихъ въ историческихъ документахъ, каковъ складъ ихъ жизни, каковы ихъ религіозныя воззрѣнія, какое мѣсто занимаетъ ихъ языкъ въ группѣ иранскихъ языковъ, каковъ современный его строй, на какія нарѣчія онъ распадается, каковы произведенія осетинской поэзіи—вотъ вопросы, которые занимали насъ въ нашихъ занятіяхъ и на которые мы по возможности старались дать отвѣтъ.

„Осетинскіе этюды“ распадаются на двѣ части. Въ первую—входятъ собранные нами на мѣстѣ матеріалы, именно а) *Нартскія сказанія* въ осетинскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ, б) *Сказки, преданія и пѣсни*, в) *Примѣчанія* къ тѣмъ и другимъ (а и б), г) *Мѣстныя преданія*, записанныя нами по русски въ аулахъ Камунтѣ, Галіатѣ и Стыръ-Дигорѣ.

Во вторую часть войдутъ слѣдующія, уже готовыя къ печати, изслѣдованія: а) Звуки осетинскаго языка и ихъ выраженіе въ алфавитѣ, б) Фонетическій строй осетинскаго языка и отношеніе его къ строю иранскаго праязыка, в) О діалектахъ осетинскаго языка, г) Историческія свѣдѣнія объ Осетинахъ и вопросъ о ихъ происхожденіи и д) Религіозныя воззрѣнія осетинъ.

При скудости средствъ къ изученію осетинскаго языка, мы не могли разсчитывать достигнуть поставленной себѣ цѣли безъ помощи самихъ осетинъ и безъ личнаго знакомства съ этимъ народомъ. Въ виду этого мы предприняли лѣтомъ 1880 года поѣздку на Кавказъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ осетинами. Ознакомившись съ живымъ *иронскимъ* нарѣчіемъ въ Владикавказѣ, мы предприняли экскурсію въ Дигорію, для изученія *дигорскаго* нарѣчія и прожили по нѣскольку дней въ аулахъ Камунтѣ и Стыръ-Дигорѣ. Въ этой поѣздкѣ сопровождалъ насъ природный дигорецъ, учитель въ реальномъ владикавказскомъ училищѣ, г. Кокіевъ и его содѣйствію мы обязаны отчетливымъ воспроизведеніемъ въ транскрипціи дигорскихъ текстовъ, которые въ нашемъ собраніи впервые являются въ печати.

При изданіи осетинскихъ текстовъ мы поставили на первый планъ точность транскрипціи и потому намъ пришлось во многомъ отступить отъ алфавита, установленнаго для осетинъ акад. Шёгреномъ. Подробную мотивировку нашей транскрипціи читатели найдутъ во второй части „Осетинскихъ этюдовъ“ въ главѣ о звукахъ осетинскаго языка и ихъ выраженіи въ алфавитѣ. Мы сочли нелишнимъ снабдить осетинскіе тексты удареніями и для этой цѣли, не всегда довѣряя своему слуху, перечли наши тексты два раза, первый разъ въ Владикавказѣ вмѣстѣ съ г. Кокіевымъ, второй разъ въ Москвѣ вмѣстѣ со студентомъ Петровско-земледѣльческой Академіи дигорцемъ г. Тункаевымъ. Если кое-гдѣ ударенія не выдержаны, если въ одномъ и томъ же словѣ въ разныхъ мѣстахъ текста ударенія являются на разныхъ слогахъ, то это зависитъ отъ того, что осетинское удареніе не рѣзко, а слабо и иногда трудно уловимо и при томъ переходитъ въ одномъ и томъ же словѣ на

разные слога, подъ вліяніемъ сосѣднихъ словъ. Намъ еще не удалось вывести точныхъ законовъ, управляющихъ осетинскимъ акцентомъ, но нѣкоторыя наблюденія, уже сдѣланныя нами, будутъ сообщены во второй части.

Въ заключеніе считаемъ пріятнымъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность гг. Кокіеву и Туккаеву за живое участіе, которое они принимали въ нашей работѣ. С. В. Кокіевъ взялъ на себя трудъ составить русско-осетинскій глоссарій и доставилъ намъ его изъ Владикавказа въ декабрѣ 1880 г. С. А. Туккаевъ помогалъ намъ въ занятіяхъ въ Москвѣ въ теченіе зимы и лѣта текущаго года и доставилъ два дигорскіе текста въ наше собраніе. Оба были намъ полезны при объясненіи отдѣльныхъ словъ и разстановкѣ удареній.

Всев. Миллеръ.

ВВЕДЕНІЕ

Наше собраніе осетинскихъ текстовъ открывается рядомъ такъ называемыхъ *нартскихъ* сказаній, записанныхъ мною лѣтомъ въ 1880 г. въ Владикавказѣ, Алагирѣ и Садонѣ со словъ нѣкоторыхъ стариковъ-осетинъ. Эти, наиболѣе древнія и цѣнныя, сказанія находятся, можно сказать, въ періодѣ вымиранія. Ихъ помнятъ и разсказываютъ въ настоящее время еще нѣкоторые старики, молодое же поколѣніе знаетъ очень мало о нартахъ, не болѣе чѣмъ подмосковные крестьяне объ Ильѣ Муромцѣ или Добрынѣ Никитичѣ. Въ виду этого главной цѣлью моей поѣздки въ Осетію было записать какъ можно болѣе нартскихъ сказаній, такъ какъ, быть можетъ, чрезъ 15, 20 лѣтъ уже некому будетъ въ Осетіи прославлять подвиги Батразовъ, Урызмаговъ и другихъ удалыхъ нартовъ.

До сихъ поръ въ осетинскомъ изложеніи были извѣстны только два сказанія, записанныя осетиномъ учителемъ г. Цораевымъ и изданныя въ „Осетинскихъ текстахъ“ г. Шифнера *) Гораздо болѣе сказаній извѣстны въ русскомъ изложеніи гг. Джантемира и Гацыра Шанаевыхъ. Первый напечаталъ десять №№ въ V-омъ выпускѣ извѣстнаго, издающагося въ Тифлисѣ, сборника Свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ; второй—три обширныхъ сказанія въ IX-омъ выпускѣ того-же изданія. Д-ръ Пфафъ, прилежный изслѣдователь юридическаго быта осетинъ и ихъ исторіи, сообщаетъ нѣкоторые эпизоды изъ „эпопеи“ (слишкомъ громкое названіе) о Батразѣ въ описаніи своего путе-

*) См. приложеніе къ XIV тому Записокъ Имп. Ак. Наукъ № 4. Одно сказаніе (стр. 43) носитъ заглавіе: Хӕмҫыдзӕй фурт чысыл Батырадзӕй кӕдӕг—Хвалебная пѣснь маленькому Батырадзу, Хамыцову сыну, другое (стр. 71) Нарты Урызмӕджы кӕдӕг—Хвалебная пѣснь въ честь нарта Урызмага.

шествія по Осетіи *) и пользуется нѣкоторыми сказаніями, какъ источникомъ для ранней исторіи осетинъ Но подобный взглядъ на значеніе осетинскаго эпоса объясняется крайнимъ увлеченіемъ г. Пфафа осетинской народностью. Прежде чѣмъ пользоваться нартскими сказаніями для историческихъ выводовъ, слѣдовало бы уяснить, *которыя* изъ нихъ составляютъ исключительное достояніе осетинъ. Изъ изданныхъ матеріаловъ по народной поэзіи горскихъ народовъ видно, что *карты* и сказанія о нихъ такъ же хорошо извѣстны и другимъ, сосѣднимъ съ осетинами, народамъ сѣвернаго Кавказа, чеченцамъ, балкарцамъ и особенно кабардинцамъ. Всѣ эти народы думаютъ, что раньше нынѣшняго поколѣнія людей, въ ихъ странахъ жили богатыри-силачи (по кабардински нарт, по чеченски нярт, по аварски и кумыкски нарт—великанъ), совершавшіе разные удивительные подвиги силы и храбрости. Съ такимъ же основаніемъ какъ д-ръ Пфафъ пользуется кабардинецъ Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ, въ своей исторіи Адыхейскаго народа **), черкесскими сказаніями о нартахъ и отыскиваетъ въ разныхъ именахъ богатырей народныя воспоминанія объ историческихъ лицахъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь адыхейскаго племени. Такъ напр. въ нартѣ Сосруко (иначе Ҫсосироко или Коссирихъ, осет. Созрыqо) онъ усматриваетъ имя *кесаря* и въ черкесскомъ преданіи о чудесномъ рожденіи Сосруко изъ камня—отголоски римскаго преданія о рожденіи Юлія Цезаря (цезарское сѣченіе), будто бы занесеннаго нѣкогда къ черкесамъ.

Въ настоящее время, когда только что начинаютъ обнародывать народныя эпическія сказанія кавказскихъ горцевъ, еще рано ставить вопросъ, у котораго изъ этихъ народовъ они возникли впервые и въ какое время распространились среди другихъ народовъ. Можно только констатировать фактъ, что большая часть, напримѣръ, осетинскихъ сказаній извѣстна

*) См. Сборникъ Свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, стр. 164, въ статьѣ „Путешествіе по ущельямъ сѣверной Осетіи“.

**) Изд. въ Тифлисѣ въ 1861 г. г-мъ А. П. Берже и имъ-же въ нѣмецкой передѣлкѣ въ Leipzig'ѣ въ 1866 г. подъ заглавіемъ: Die Sagen und Lieder des Tscherkessen-Volks, gesammelt vom Kabardiner Schora-Bekmursin-Nogmov, bearbeitet und mit einer Vorrede versehen von Adolf Bergé.

кабардинцамъ и чеченцамъ и что, за немногими исключеніями, имена осетинскихъ нартовъ носятъ не осетинскій, а кабардинскій или иностранный характеръ. Главныя личности осетинскихъ сказаній: Батраз, Урызмäг, Созрыqо, Сатана, Хäмыц, Аміран, Сырдон, Кілахсäрттон, встрѣчающіяся въ собранныхъ нами образцахъ, хорошо извѣстны кабардинцамъ и балкарцамъ, а нѣкоторыя грузинамъ, на что́ мы укажемъ въ замѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ №№-мъ. При первомъ знакомствѣ съ осетинскими сказаніями, кажется, что они прикрѣплены къ почвѣ Осетіи: напримѣръ, по дорогѣ въ Дигорію, при поворотѣ въ долину Уруха, внизу подъ ауломъ Наръ, намъ показывали могилу нарта Сослана, недалеко оттуда-же овальную площадку, обложенную камнями и называемую нарты ныхас — нартское сборище, въ аулѣ Стыръ-Дигорѣ живетъ родъ Хäміцаітä, производящій себя отъ Хäміц'а; Осетинскія святилища—Рекомъ, Мыкалыгабыртэ явились изъ слезъ, пролитыхъ богомъ о смерти нарта Батраза; но подобныя-же пріурочиванія именъ нартовъ къ мѣстности встрѣчаемъ и у Кабардинцевъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ о кабардинскихъ нартахъ г. Урусбіевъ, издавшій въ русскомъ изложеніи четыре балкарскія нартскія сказанія *). Памятниковъ, свидѣтельствующихъ о существованіи нартовъ, въ Кубанской области очень много. Мнѣ разсказывали очевидцы, что при впаденіи рѣки Тиберды въ Кубань, близь Хумаринскаго укрѣпленія, находится на одной высокой скалѣ большой замокъ, носящій и по нынѣ названіе „Чуана“. По преданіямъ въ немъ нѣкогда жилъ нартъ Гиляхсыртанъ злоязычный **). На лѣвомъ берегу Тиберды также есть другой замокъ „Сынты“ ***), по красотѣ превосходящій „Чуана“. Близь Чуана лежитъ большой камень, называемый камнемъ нарта Сосруко. По одному сказанію, Сосруко взъѣхалъ на этотъ камень на своей лошади, и она оставила

*) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. I. Отд. II. Тифлисъ, 1881 г.

**) У осетинъ эта личность называется Кілахсäрттон или Чілахсäрттон, но злоязычіемъ по преимуществу отличается Сырдонъ, кабардинскій Ширданъ.

***) Не этотъ ли замокъ извѣстенъ подъ именемъ Тынты-калакъ въ осетинскихъ сказаніяхъ?

на камнѣ слѣды своихъ копытъ. Тамъ-же виднѣются слѣды собаки, которая тоже взошла на камень, и даже мочи лошади Сосруко *). Топографическихъ указаній въ осетинскихъ сказаніяхъ немного: упоминается чаще всего городъ Тѵнтѵ, г. Гори, а на сѣверѣ Кäсäцi бѵдѵр — Касажская равнина, т. е. нынѣшняя кабардинская, въ которой нѣкогда жили предки осетинъ. Въ кабардинскихъ же сказаніяхъ нарты совершаютъ набѣги къ рѣкамъ Тану (Дону) и Идылю (Эдилю, Волгѣ) и какъ главная гора, извѣстная кабардинцамъ, упоминается Бештау. Такъ нартъ Сосруко говоритъ про свои года: „Когда Бештау былъ не больше кочки и черезъ Идыль шагали мальчики, я былъ старикъ въ полной силѣ“ **).

Обращаемся къ замѣчаніямъ объ отдѣльныхъ №№-хъ.

№ I. *Рожденіе Батраза.* Этотъ нартъ считается главной личностью между богатырями и занимаетъ въ осетинскихъ кадäг'ахъ—(хвалебныхъ разсказахъ) ***) то-же мѣсто, что̀ Илья Муромецъ въ нашихъ былинахъ. Варіантъ о рожденіи Батраза (или Батырадза) см. въ Сбор. Св. о Кавк. Гор. V отд. II. Чудесный мальчикъ, встрѣченный Хамыцемъ, называется здѣсь Ацеко сынъ Бцепа. Принимаетъ ребенка Батраза не Сосланъ, какъ въ нашемъ варіантѣ, а (что̀ гораздо вѣроятнѣе) вѣщая Сата́на. Другой варіантъ, записанный г. Пфафомъ (см. Сборн. Св. о Кавказѣ т. I стр. 172) разсказываетъ о рожденіи Батраза то-же, что другія сказанія о рожденіи нарта Созрыко. Сата́на стояла на берегу чернаго моря. Ее видѣлъ съ противоположнаго берега пастухъ Тельвесъ (?) и соблазнился ея красотой. Зародышъ развивается внутри камня.

№ II. Подробностей о смерти Батразова отца Хамыца въ другихъ изданныхъ сказаніяхъ нѣтъ. Въ нашемъ варіантѣ виновникомъ смерти Хамыца называется маликъ города Тунта. Въ другихъ сказаніяхъ говорится глухо о трехъ убійцахъ, изъ которыхъ главный Сайнэгъ-алдаръ. (Сбор. Св. о Кавказѣ I стр. 166 и

*) См. О. с. стр. III.

**) См. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горцахъ. Вып. V, отд. II, стр. 50 „Изъ кабардинскихъ сказаній“.

***) Разсказываютъ о нартахъ прозой, но при этомъ подыгрываютъ на двухструнной балалайкѣ (фäндур) и говорятъ на распѣвъ.

Сб. Св. о Кавк. Горцахъ IX отд. II стр. 9). Въ изводѣ, изданномъ въ Осет. текстахъ Шифнера—эти убійцы Бурэфэрныгъ и Челесханъ (стр. 43—55).

№ III. Месть Батраза за смерть отца. Варіанты см. въ Осет. текстахъ Шифнера стр. 43—55; въ Сбор. Св. о Кавк. Горц. Вып. V отд. II стр. 32—35 и Сбор. Св. о Кавказѣ I стр. 166.

№ IV. Смерть Батраза. Варіанты: „Осет. тексты“ Шифнера стр. 49 и слѣд. *Зэды* и *дауэи* жалуются богу на Б-дза и богъ научаетъ ихъ раскалить мѣдную половину черепа богатыря и тѣмъ погубить его. Смерть чрезъ *балсаюво колесо* приписывается въ другихъ сказаніяхъ нарту Сосрыко (см. Сб. Св. о Кав. Горцахъ, Вып. V отд. II стр. 10—12) и Сослану.

Д-ръ Пфафъ упоминаетъ любопытное сказаніе, сущность котораго состоитъ въ томъ, что Батразъ видитъ на дорогѣ клубокъ—котораго нить есть длина земли и мѣшокъ съ „земною тягою“, который онъ не въ состояніи поднять. См. Сбор. св. о Кавказѣ I стр. 169. Срав. нашу былину о Святогорѣ.

Другія сказанія о Батразѣ разсказываютъ о его отношеніяхъ къ дочери Сайнэга-алдара. См. Сбор. Св. о Кавказѣ I стр. 164 и 165. *Батирасъ* упоминается Ногмовымъ въ числѣ кабардинскихъ нартовъ (Sagen und Lieder etc. p. 29).

№ V. Варіантовъ сказанія о схваткѣ Батраза съ Бедзенегомъ мы не встрѣчали.

№ VI. Варіанты рожденія Созрыко: Рожденіе изъ камня приписывается, какъ мы видѣли, Батразу. Игра съ сыновьями Бурэфэрныга приписывается Батразу (см. Осет. Тексты Шифнера стр. 43 слѣд.). Нѣкоторыя черты состязанія Созрыко съ Елтаганомъ можно найти въ кабардинскомъ сказаніи о состязаніи Сосруко съ великаномъ (см. Сбор. Св. о Кав. Гор. V отд. II стр. 54 слѣд.).

№№ VII и VIII сложены изъ отдѣльныхъ сказаній о Хамыцѣ, Созрыко и Урызмагѣ. О ребенкѣ, ѣдущемъ съ нартами въ походъ, разсказывается въ одномъ изъ сказаній, собранныхъ Джантемиромъ Шанаевымъ (см. Сб. Св. о К. Г. V отд. II стр. 13 слѣд.). Ребенокъ здѣсь называется Тотрадзомъ, сыномъ Алымбека, а предводителемъ Нартовъ не Урызмагъ, а

Сосрыко. Альбековъ сынъ Тотырашъ упоминается и въ кабардинскихъ сказаніяхъ (см. Сб. Св. о К. Г. V отд. II стр. 53). Балкарскія сказанія о Урызмагѣ см. въ Матер. для Опис. Мѣст. и Племенъ Кавказа, Вып. I отд. II стр. 1—6 и 38—42.

№№ IX и X. Варіантовъ рожденія Сатáны мы не встрѣчали. Сказанія о связи Урызмага съ сестрою его Сатáной очень распространены. Ср. варіантъ въ Сбор. Св. о Кав. Г. Вып. V отд. II стр. 15 слѣд., и тамъ-же разсказъ о томъ, какъ Сафа чудеснымъ ножичкомъ соблазнилъ Сатàну (стр. 17 слѣд.). Балкарскія сказанія о Сатàнѣ въ Матер. для Опис. и т. д. Отд. II passim.

№ XI. Варіанты разныхъ чудесъ, которыя видитъ на дорогѣ Созрыко см. въ Сб. Св. о К. Г. V Отд. II стр. 35—37 въ сказаніи о Сосланѣ и Сб. Св. о Кавказѣ, т. I стр. 174. Варіантъ обращенія Урызмага въ собаку—можно указать въ чеченской сказкѣ о Султанѣ, см. Сб. Св. о К. Г. Вып. IV Отд. II стр. 21 слѣд.

№ XII. Сказанія объ Амиранѣ изъ рода Дарезановыхъ вѣроятно зашли къ осетинамъ изъ Грузіи. Ср. средневѣковой грузинскій романъ—Amiran Daredjaniani, о которомъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія акад. Броссэ въ Bulletin Scientifique publ. par l'Acad. Impér. des Sciences de St-Petersb. T. III 1838 p. 7 и слѣд.

№ XIII. Осетинскому, какъ и другимъ кавказскимъ преданіямъ Прометеева цикла, мы посвящаемъ отдѣльную статью.

Всѣ №№ до XIV записаны мною въ Владикавказѣ отъ старика Таймураза Хетагурова и урядника Гаги Есенева.

№ XIV. Записанъ мною на Садонскомъ серебряномъ рудникѣ. Варіанты мнѣ не встрѣчались.

№ XV. Сказаніе о Ростомѣ и Безанѣ, записанное мною въ Алагирѣ, любопытно потому, что напоминаетъ извѣстный эпизодъ Шахъ-намэ—убіеніе Зораба его отцомъ Рустэмомъ. Имя Ростомъ встрѣчается въ грузинской исторіи. Есть преданіе о томъ, что три царевича изъ Сидамоновой фамиліи—Ростомъ, Бибила и Цилосанъ, съ сыновьями и свитою изъ 70 человѣкъ переселились изъ Кабарды (въ то время еще занятой Оссами—

это было во времена императора Юстиніана) въ сѣверную Грузію. См. родословную потомковъ Ростома и Цилосана въ соч. Броссэ—Hist. de la Géorgie, II стр. 630, Addit. et Éclair. стр. 385.—Другое сказаніе о Ростомѣ, записанное мною въ Садонѣ по русски см. ниже. Въ одномъ варіантѣ сказанія о Ростомѣ, записанномъ г. Кокіевымъ въ Бесланѣ, какъ я знаю изъ письма ко мнѣ г. Кокіева, про Ростома между прочимъ говорится, что онъ „ámардта Турантѵ äлдарѵ"—т. е. убилъ властителя туранцевъ. Это подтверждаетъ наше предположеніе о связи осетинскаго Ростома съ персидскимъ. Впрочемъ къ осетинамъ иранское сказаніе, быть можетъ, перешло черезъ посредство грузинъ.

Второй Отдѣлъ. № 1. Сказка изъ міра животныхъ. Три другія сказки этого рода—„Вошь и блоха", "Лиса плутовка" и „Свинья" изданы въ „Осетинскихъ текстахъ" г. Шифнера (стр. 61—70). Варіантъ къ хитрости лисицы, помогающей человѣку отдѣлаться отъ волка, см. въ русской сказкѣ сборника Ив. Ваненко—Дѣтскія сказки, гдѣ, впрочемъ, волка замѣняетъ медвѣдь.—Осетинская сказка записана мною въ Камунтѣ отъ Бимболата Бозирова. Нарѣчіе Камунты представляетъ переходъ отъ иронскаго къ дигорскому.

№ II. Записанъ тамъ-же отъ Ильи Дзилихова.

№№ III—VII включительно представляютъ образчики чистаго дигорскаго нарѣчія. № III записанъ мною въ аулѣ Стыръ-Дигорѣ отъ старика Баде Гобеева; № IV пересказанъ по дигорски студентомъ г. Тукаевымъ съ напечатаннаго г. Медоевымъ по русски дигорскаго преданія. (См. Терскія Вѣдомости за 1880 г.) № V есть преданіе фамиліи Туккаевыхъ, сообщенное мнѣ г. Туккаевымъ. № VI мѣстное стыръ дигорское преданіе, записанное мною въ Стыръ-Дигорѣ отъ Баде Гобеева. № VII. Записанъ тамъ-же, отъ того-же.

№ VIII. Представляетъ образчикъ обрядовыхъ осетинскихъ пѣсенъ. Аларды—самый злѣйшій изъ святыхъ, насылающій оспу. Другой образчикъ пѣсенъ въ честь этого существа можно прочесть въ статьѣ г. Гатіева—Суевѣрія и предразсудки у осетинъ, напеч. въ Сбор. Свѣд. о К. Г. Вып. IX, отд. III стр. 49. См. также объ Алардѣ Сб. Св. о К. Г. Вып. III, отд. II стр. 40 и Сб. Свѣдѣній о Терской Области стр. 303.

№ IX. Продуктъ новаго, болѣе художественнаго творчества. Пѣсня сложена по поводу выселенія осетинъ (магометанъ) вмѣстѣ съ чеченцами въ Турцію въ 1865 г. Во главѣ выселенія, какъ извѣстно, стоялъ осетинъ, бывшій генералъ русской службы, Муса Кундуховъ. Всѣхъ выселилось около 22,000 человѣкъ большей частью чеченцевъ. Между осетинами Кундуховъ увлекъ за собою нѣсколько семействъ своихъ родственниковъ и родичей. Я имѣлъ подъ рукою довольно плохой списокъ, который помогъ мнѣ разбирать г. Кокіевъ. О судьбѣ горцевъ-переселенцевъ см. очеркъ г. Инала Канукова въ Сб. Св. о К. Г. Вып. IX отд. III стр. 84 слѣд.

№ X. Образчикъ рѣчи, произносимой на могилѣ при посвященіи коня покойнику. Сообщенъ мнѣ г. Кокіевымъ изъ Владикавказа. Другой образчикъ очень краткій напечатанъ въ „Осетинскихъ текстахъ“ ак. Шифнера (стр. 86 слѣд.). Содержаніе еще одного бäхфäлдīсvн'а было изложено по русски акад. Шёгреномъ въ журналѣ Маякъ за 1843 г. Т. VII Матеріалы стр. 84 и слѣд. и затѣмъ перепечатано ак. Шифнеромъ въ Осет. текстахъ стр. 25—30. Нашъ образчикъ записанъ по дигорски.

Относительно русскаго перевода замѣчу вообще, что я заботился *исключительно* о близости и точности, желая облегчить насколько возможно пониманіе осетинскаго текста. Для этой же цѣли я снабдилъ текстъ примѣчаніями, разъясняющими отдѣльные обороты и выраженія.

Во вторую часть войдутъ слѣдующія, уже готовыя къ печати, изслѣдованія: а) Звуки осетинскаго языка и ихъ выраженіе въ алфавитѣ, б) Фонетическій строй осетинскаго языка и отношеніе его къ строю иранскаго праязыка, в) О діалектахъ осетинскаго языка, г) Историческія свѣдѣнія объ Осетинахъ и вопросъ о ихъ происхожденіи и д) Религіозныя воззрѣнія осетинъ.

При скудости средствъ къ изученію осетинскаго языка, мы не могли разсчитывать достигнуть поставленной себѣ цѣли безъ помощи самихъ осетинъ и безъ личнаго знакомства съ этимъ народомъ. Въ виду этого мы предприняли лѣтомъ 1880 года поѣздку на Кавказъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ осетинами. Ознакомившись съ живымъ *иронскимъ* нарѣчіемъ въ Владикавказѣ, мы предприняли экскурсію въ Дигорію, для изученія *дигорскаго* нарѣчія и прожили по нѣскольку дней въ аулахъ Камунтѣ и Стыръ-Дигорѣ. Въ этой поѣздкѣ сопровождалъ насъ природный дигорецъ, учитель въ реальномъ владикавказскомъ училищѣ, г. Кокіевъ и его содѣйствію мы обязаны отчетливымъ воспроизведеніемъ въ транскрипціи дигорскихъ текстовъ, которые въ нашемъ собраніи впервые являются въ печати.

При изданіи осетинскихъ текстовъ мы поставили на первый планъ точность транскрипціи и потому намъ пришлось во многомъ отступить отъ алфавита, установленнаго для осетинъ акад. Шёгреномъ. Подробную мотивировку нашей транскрипціи читатели найдутъ во второй части „Осетинскихъ этюдовъ“ въ главѣ о звукахъ осетинскаго языка и ихъ выраженіи въ алфавитѣ. Мы сочли нелишнимъ снабдить осетинскіе тексты удареніями и для этой цѣли, не всегда довѣряя своему слуху, перечли наши тексты два раза, первый разъ въ Владикавказѣ вмѣстѣ съ г. Кокіевымъ, второй разъ въ Москвѣ вмѣстѣ со студентомъ Петровско-земледѣльческой Академіи дигорцемъ г. Тункаевымъ. Если кое-гдѣ ударенія не выдержаны, если въ одномъ и томъ же словѣ въ разныхъ мѣстахъ текста ударенія являются на разныхъ слогахъ, то это зависитъ отъ того, что осетинское удареніе не рѣзко, а слабо и иногда трудно уловимо и при томъ переходитъ въ одномъ и томъ же словѣ на

разные слога, подъ вліяніемъ сосѣднихъ словъ. Намъ еще не удалось вывести точныхъ законовъ, управляющихъ осетинскимъ акцентомъ, но нѣкоторыя наблюденія, уже сдѣланныя нами, будутъ сообщены во второй части.

Въ заключеніе считаемъ пріятнымъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность гг. Кокіеву и Туккаеву за живое участіе, которое они принимали въ нашей работѣ. С. В. Кокіевъ взялъ на себя трудъ составить русско-осетинскій глоссарій и доставилъ намъ его изъ Владикавказа въ декабрѣ 1880 г. С. А. Туккаевъ помогалъ намъ въ занятіяхъ въ Москвѣ въ теченіе зимы и лѣта текущаго года и доставилъ два дигорскіе текста въ наше собраніе. Оба были намъ полезны при объясненіи отдѣльныхъ словъ и разстановкѣ ударенія.

Всев. Миллеръ.

ВВЕДЕНІЕ

Наше собраніе осетинскихъ текстовъ открывается рядомъ такъ называемыхъ *нартскихъ* сказаній, записанныхъ мною лѣтомъ въ 1880 г. въ Владикавказѣ, Алагирѣ и Садонѣ со словъ нѣкоторыхъ стариковъ-осетинъ. Эти, наиболѣе древнія и цѣнныя, сказанія находятся, можно сказать, въ періодѣ вымиранія. Ихъ помнятъ и разсказываютъ въ настоящее время еще нѣкоторые старики, молодое же поколѣніе знаетъ очень мало о нартахъ, не болѣе чѣмъ подмосковные крестьяне объ Ильѣ Муромцѣ или Добрынѣ Никитичѣ. Въ виду этого главной цѣлью моей поѣздки въ Осетію было записать какъ можно болѣе нартскихъ сказаній, такъ какъ, быть можетъ, чрезъ 15, 20 лѣтъ уже некому будетъ въ Осетіи прославлять подвиги Батразовъ, Урызмаговъ и другихъ удалыхъ нартовъ.

До сихъ поръ въ осетинскомъ изложеніи были извѣстны только два сказанія, записанныя осетиномъ учителемъ г. Цораевымъ и изданныя въ „Осетинскихъ текстахъ“ г. Шифнера *) Гораздо болѣе сказаній извѣстны въ русскомъ изложеніи гг. Джантемира и Гацыра Шанаевыхъ. Первый напечаталъ десять №№ въ V-омъ выпускѣ извѣстнаго, издающагося въ Тифлисѣ, сборника Свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ; второй—три обширныхъ сказанія въ IX-омъ выпускѣ того-же изданія. Д-ръ Пфафъ, прилежный изслѣдователь юридическаго быта осетинъ и ихъ исторіи, сообщаетъ нѣкоторые эпизоды изъ „эпопеи“ (слишкомъ громкое названіе) о Батразѣ въ описаніи своего путе-

*) См. приложеніе къ XIV тому Записокъ Имп. Ак. Наукъ № 4. Одно сказаніе (стр. 43) носитъ заглавіе: Хӕмҫуӷ фырт чысыл Батырадзӷ кӕдӕг—Хвалебная пѣснь маленькому Батырадзу, Хамыцову сыну, другое (стр. 71) Нарты Урызмӕджы кӕдӕг—Хвалебная пѣснь въ честь нарта Урызмага.

шествія по Осетіи *) и пользуется нѣкоторыми сказаніями, какъ источникомъ для ранней исторіи осетинъ Но подобный взглядъ на значеніе осетинскаго эпоса объясняется крайнимъ увлеченіемъ г. Пфафа осетинской народностью. Прежде чѣмъ пользоваться нартскими сказаніями для историческихъ выводовъ, слѣдовало бы уяснить, *которыя* изъ нихъ составляютъ исключительное достояніе осетинъ. Изъ изданныхъ матеріаловъ по народной поэзіи горскихъ народовъ видно, что *нарты* и сказанія о нихъ такъ же хорошо извѣстны и другимъ, сосѣднимъ съ осетинами, народамъ сѣвернаго Кавказа, чеченцамъ, балкарцамъ и особенно кабардинцамъ. Всѣ эти народы думаютъ, что раньше нынѣшняго поколѣнія людей, въ ихъ странахъ жили богатыри-силачи (по кабардински нарт, по чеченски нярт, по аварски и кумыкски нарт—великанъ), совершавшіе разные удивительные подвиги силы и храбрости. Съ такимъ же основаніемъ какъ д-ръ Пфафъ пользуется кабардинецъ Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ, въ своей исторіи Адыхейскаго народа **), черкесскими сказаніями о нартахъ и отыскиваетъ въ разныхъ именахъ богатырей народныя воспоминанія объ историческихъ лицахъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь адыхейскаго племени. Такъ напр. въ нартѣ Сосруко (иначе Ҫсосироко или Коссирихъ, осет. Созрvqо) онъ усматриваетъ имя *кесаря* и въ черкесскомъ преданіи о чудесномъ рожденіи Сосруко изъ камня—отголоски римскаго преданія о рожденіи Юлія Цезаря (цезарское сѣченіе), будто бы занесеннаго нѣкогда къ черкесамъ.

Въ настоящее время, когда только что начинаютъ обнародывать народныя эпическія сказанія кавказскихъ горцевъ, еще рано ставить вопросъ, у котораго изъ этихъ народовъ они возникли впервые и въ какое время распространились среди другихъ народовъ. Можно только констатировать фактъ, что большая часть, напримѣръ, осетинскихъ сказаній извѣстна

*) См. Сборникъ Свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, стр. 164, въ статьѣ „Путешествіе по ущельямъ сѣверной Осетіи“.

**) Изд. въ Тифлисѣ въ 1861 г. г-мъ А. П. Берже и имъ-же въ нѣмецкой передѣлкѣ въ Leipzig'ѣ въ 1866 г. подъ заглавіемъ: Die Sagen und Lieder des Tscherkessen-Volks, gesammelt vom Kabardiner Schora-Bekmursin-Nogmov, bearbeitet und mit einer Vorrede versehen von Adolf Bergé.

кабардинцамъ и чеченцамъ и что, за немногими исключеніями, имена осетинскихъ нартовъ носятъ не осетинскій, а кабардинскій или иностранный характеръ. Главныя личности осетинскихъ сказаній: Батраз, Урызмäг, Созрыqо, Сатана, Хäмыц, Аміран, Сырдон, Кілахсäрттон, встрѣчающіяся въ собранныхъ нами образцахъ, хорошо извѣстны кабардинцамъ и балкарцамъ, а нѣкоторыя грузинамъ, на что́ мы укажемъ въ замѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ №№-мъ. При первомъ знакомствѣ съ осетинскими сказаніями, кажется, что они прикрѣплены къ почвѣ Осетіи: напримѣръ, по дорогѣ въ Дигорію, при поворотѣ въ долину Уруха, внизу подъ ауломъ Наръ, намъ показывали могилу нарта Сослана, недалеко оттуда-же овальную площадку, обложенную камнями и называемую нарты нухас— нартское сборище, въ аулѣ Стыръ-Дигорѣ живетъ родъ Хäміцаітä, производящій себя отъ Хäміц'а; Осетинскія святилища—Рекомъ, Мыкалыгабыртэ явились изъ слезъ, пролитыхъ богомъ о смерти нарта Батраза; но подобныя-же пріурочиванія именъ нартовъ къ мѣстности встрѣчаемъ и у Кабардинцевъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ о кабардинскихъ нартахъ г. Урусбіевъ, издавшій въ русскомъ изложеніи четыре балкарскія нартскія сказанія *). Памятниковъ, свидѣтельствующихъ о существованіи нартовъ, въ Кубанской области очень много. Мнѣ разсказывали очевидцы, что при впаденіи рѣки Тиберды въ Кубань, близь Хумаринскаго укрѣпленія, находится на одной высокой скалѣ большой замокъ, носящій и по нынѣ названіе „Чуана“. По преданіямъ въ немъ нѣкогда жилъ нартъ Гиляхсыртанъ злоязычный **). На лѣвомъ берегу Тиберды также есть другой замокъ „Сынты“ ***), по красотѣ превосходящій „Чуана“. Близь Чуана лежитъ большой камень, называемый камнемъ нарта Сосруко. По одному сказанію, Сосруко взъѣхалъ на этотъ камень на своей лошади, и она оставила

*) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. I. Отд. II. Тифлисъ, 1881 г.

**) У осетинъ эта личность называется Кілахсäрттон или Чілахсäрттон, но злоязычіемъ по преимуществу отличается Сырдонъ, кабардинскій Ширданъ.

***) Не этотъ ли замокъ извѣстенъ подъ именемъ Тынты-калакъ въ осетинскихъ сказаніяхъ?

на камнѣ слѣды своихъ копытъ. Тамъ-же виднѣются слѣды собаки, которая тоже взошла на камень, и даже мочи лошади Сосруко *). Топографическихъ указаній въ осетинскихъ сказаніяхъ немного: упоминается чаще всего городъ Тунтъ, г. Гори, а на сѣверѣ Кäсäцi бъдур — Касажская равнина, т. е. нынѣшняя кабардинская, въ которой нѣкогда жили предки осетинъ. Въ кабардинскихъ же сказаніяхъ нарты совершаютъ набѣги къ рѣкамъ Тану (Дону) и Идылю (Эдилю, Волгѣ) и какъ главная гора, извѣстная кабардинцамъ, упоминается Бештау. Такъ нартъ Сосруко говоритъ про свои года: „Когда Бештау былъ не больше кочки и черезъ Идыль шагали мальчики, я былъ старикъ въ полной силѣ“ **).

Обращаемся къ замѣчаніямъ объ отдѣльныхъ №№-хъ.

№ I. *Рожденіе Батраза.* Этотъ нартъ считается главной личностью между богатырями и занимаетъ въ осетинскихъ кадäг'ахъ—(хвалебныхъ разсказахъ) ***) то-же мѣсто, что̀ Илья Муромецъ въ нашихъ былинахъ. Варіантъ о рожденіи Батраза (или Батырадза) см. въ Сбор. Св. о Кавк. Гор. V отд. II. Чудесный мальчикъ, встрѣченный Хамыцемъ, называется здѣсь Ацеко сынъ Бцепа. Принимаетъ ребенка Батраза не Сосланъ, какъ въ нашемъ варіантѣ, а (что̀ гораздо вѣроятнѣе) вѣщая Сата́на. Другой варіантъ, записанный г. Пфафомъ (см. Сборн. Св. о Кавказѣ т. I стр. 172) разсказываетъ о рожденіи Батраза то-же, что другія сказанія о рожденіи нарта Созрыко. Сата́на стояла на берегу чернаго моря. Ее видѣлъ съ противоположнаго берега пастухъ Тельвесъ (?) и соблазнился ея красотой. Зародышъ развивается внутри камня.

№ II. Подробностей о смерти Батразова отца Хамыца въ другихъ изданныхъ сказаніяхъ нѣтъ. Въ нашемъ варіантѣ виновникомъ смерти Хамыца называется маликъ города Тунта. Въ другихъ сказаніяхъ говорится глухо о трехъ убійцахъ, изъ которыхъ главный Сайнэгъ-алдаръ. (Сбор. Св. о Кавказѣ I стр. 166 и

*) См. О. с. стр. III.

**) См. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горцахъ. Вып. V, отд. II, стр. 50 „Изъ кабардинскихъ сказаній“.

***) Разсказываютъ о нартахъ прозой, но при этомъ подыгрываютъ на двухструнной балалайкѣ (фäндур) и говорятъ на распѣвъ.

патцáх ку нä ӏс. Стäі мäлíк зáхта: Áцъ кýдъ qъбýл ärбáкä-нӯт, ӯі куд зáхта: мáхäі äттämä патцáх нäӏс, зäĭгâ!» Käі jäм áрвъста [13]), удóн Хämýц сéппäттäр фäцáхта, jäхâдäг та jäм бáрвъста, зäĭгä: «Jу к'ӯрĭ ämĭýд дäттýн дун мämmâ куд рáцäӯаі Käсâцi бъдýрмä». J'âмĭудмä мäлíкäн ärтâ бóнъ к'удĭ, ӯäд ӯі зáхта: «Хämýц тъхцíн лäг ӯ, äз ку нä бáфärсон кӯлъ-бадäг ӯс [14]), кäд мäн ӏстъ бáцамонӣд?» Стäі jäм бáцъдӣ ämâ jä бáфарста. Ӯі ін зáхта: «Хämýцъ бäх ӯ хäірâцітäі гурд, ссар бĭräĭъ царм ämâ jä дä бâхъ бärзâіл ärцáунд; ӯäд Хämýцъ бäх дäумâ j'âргом нä рáдцäнӣс.» Ӯі бáкодта áфтä. Стäі ӯі-фäстä ärбáцъдӣ мäлíк Käсâцi бъдýрмä, Хämъц дäр ärбáцъдӣс сä ämĭудмä. Хämýцъ бäх jâ'ргом мäлíкмä нä рáдта ämâ Хämýц лĭдън бáідъдта: бáräі нä лýĭдӣ, jä бäх äі хáста, нä jä бáфä-рäста ýромън. Стäі мäлік jä фäстä сӯрън бáідъдта ämâ jä ámардта ämâ jä jä бâхъл бáбаста. Ӯäд бäх мард jä ӯâлä бáстäі jä хäдáрмä бáцъдӣс ämâ нъӯáсъдӣ. Хämýцъ бíнонтä зáхтоі: Ӯі нä бâхъ ӯáсън ку ӯ, ämâ нä бáлцонäн ärцâун áфон ку нä ма ӯ!» Ämâ jäм рáцъдъстъ ämâ фéдтоі: сä дӯáрмä бäх мард jä ӯâлä бáстаі лäӯý. Стäі jä бíнонтä зáхтоі мáрдäн: „Käд фäстíjä мард фäдâ, ӯäд рӯхсáг ӯ [15]), käд рáзäі мард фäдâ, ӯäд тä хäірâцітä áхäс-сänт, дäӯâн рáзäі тъх нӣчӣ бáкодтаїд, фäлâ хіндзíнадäі фäстíjä дä ámардтоі“. Стäі Нарт зáхтоі: „Máхäн Тýнтъ-калачі мäлíкмä хäцýн qäӯý, фäлâ máхäн бон ку нäу, Батрáз ку нäу ам“. Бат-рáз удĭ ӯцъ рäстâцi Курдáлägоммä. Стäі Нарт äрâмбърд-кодтоі äфсâдтä ämä árвъстоі ізâръ дъмгâj рáісомі дýмгämмä, рáісомі дъмгâj Батрáзмä, куд ссäӯá ämä ін зäĭá: „Дä фýдъ дун ámардта мäлíк ämä мах Тýнтъ-калáкмä цäӯâм дä фýдъ тӯг ӏсъммä [16]), дäхâдäг дäр куд ärцäӯаі árдäм“. Стäі дъмгâ зáхта Батрáзäн: Дä фýдъ дун мäлік ámардта; käд бáдгä кäнýс [17]), сýст ämä рáцӯ, käд лäугâ кäнýс, ӯäд та бáдгä ма ӯал скä, ämä таĭд рáцӯ“. Батрáз дъмгâjä ку фéqуста jä фъд ън käі ámардтоі ӯі, ӯäд цäýммä състáдӣ, фäлâ ін jä хäзгӯл ӯáтъ бáмбäхста jä гâрстä, jä топ, jä кард, jä ӯарт. Бацъдӣ ämä ácаста ӯáтъ дӯáр jä кӯхäі ämä рáіста jä гâрстä.

Сосрыко. Альбековъ сынъ Тотырашъ упоминается и въ кабардинскихъ сказаніяхъ (см. Сб. Св. о К. Г. V отд. II стр. 53). Балкарскія сказанія о Урызмагѣ см. въ Матер. для Опис. Мѣст. и Племенъ Кавказа, Вып. I отд. II стр. 1—6 и 38—42.

№№ IX и X. Варіантовъ рожденія Сатáны мы не встрѣчали. Сказанія о связи Урызмага съ сéстрою его Сатáной очень распространены. Ср. варіантъ въ Сбор. Св. о Кав. Г. Вып. V отд. II стр. 15 слѣд., и тамъ-же разсказъ о томъ, какъ Сафа чудеснымъ ножичкомъ соблазнилъ Сатàну (стр. 17 слѣд.). Балкарскія сказанія о Сатàнѣ въ Матер. для Опис. и т. д. Отд. II passim.

№ XI. Варіанты разныхъ чудесъ, которыя видитъ на дорогѣ Созрыко см. въ Сб. Св. о К. Г. V Отд. II стр. 35—37 въ сказаніи о Сосланѣ и Сб. Св. о Кавказѣ, т. I стр. 174. Варіантъ обращенія Урызмага въ собаку—можно указать въ чеченской сказкѣ о Султанѣ, см. Сб. Св. о К. Г. Вып. IV Отд. II стр. 21 слѣд.

№ XII. Сказанія объ Амиранѣ изъ рода Дарезановыхъ вѣроятно зашли къ осетинамъ изъ Грузіи. Ср. средневѣковой грузинскій романъ—Amiran Daredjaniani, о которомъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія акад. Броссэ въ Bulletin Scientifique publ. par l'Acad. Impér. des Sciences de St-Petersb. T. III 1838 p. 7 и слѣд.

№ XIII. Осетинскому, какъ и другимъ кавказскимъ преданіямъ Прометеева цикла, мы посвящаемъ отдѣльную статью.

Всѣ №№ до XIV записаны мною въ Владикавказѣ отъ старика Таймураза Хетагурова и урядника Гаги Есенева.

№ XIV. Записанъ мною на Садонскомъ серебряномъ рудникѣ. Варіанты мнѣ не встрѣчались.

№ XV. Сказаніе о Ростомѣ и Безанѣ, записанное мною въ Алагирѣ, любопытно потому, что напоминаетъ извѣстный эпизодъ Шахъ-намэ—убіеніе Зораба его отцомъ Рустэмомъ. Имя Ростомъ встрѣчается въ грузинской исторіи. Есть преданіе о томъ, что три царевича изъ Сидамоновой фамиліи—Ростомъ, Бибила и Цилосанъ, съ сыновьями и свитою изъ 70 человѣкъ переселились изъ Кабарды (въ то время еще занятой Оссами—

Ӯäлáрвäі зáхмä ку äрцӳдī, ӯäд сӳдзä кóдта; īх цīтӣjä jä'рдäг рáтӕдта ämа́ jä сáрӕл цäвáрдта ӯазáл куд käнá áфтä. Стäі äрцӳдīс Нáртмä ämä сӕн зáхта: „Цämа́н ӯä qäӯн? Qáзгä мä käнӯт, äвӳ цӕ? Хämӳцäі тӕхцíндäр куд рáзӕндī?“ Удóн ӕн зáхтоі: „Цӕмá дӕн äі нӕммáхсäм? Дä фӳдӕ дӕн ámардта Тӳнтӕ-калачі мäлíк!“ Стäі Батрáз цämа́idäріттäр jä фӳдӕ тӯг ӣсӕнӕл нӕллäудīс.

III. Батрáз jä фӳдӕ тӯг куд рáіста.

Батрáз áцӕдīс äфсáдтīмä Тӳнтӕ-калакмä jä фӳдӕ тӯг ӣсӕммä. Хастӕл нӕллáудӕстӕ äфсáдтä ämа́ jугáі мáрӕн бáідӕдтоі. Стäі Батрáз зáхта: „Käд нä qáзӯт, ӯäд áцäӯт ämа́ дуӯáдäс цäдӳ гáлтä ákänӯт ämä мä сáрмадӕн ärбáласӯт, ӯäд äз мäхáдäг бáзондӕнäн цӕ käнӳн qäӯӳ“. Сáрмадӕн ärбáхастоі ämа́ дуӯáдäс мīрӄáj тóппӕхос нӕккóдтоі ін jä хӯлфӕ ämа́ jä сӣфтӕхтоі. Стäі Батрáз jäхӣцäі сӣфтӕхта сáрмадӕнӕ ämа́ зáхта тóпдӕjäн: „Хорз мä сáраз Тӳнтӕ-калакмä ämа́ мä фӗхс“. Фӗхстоі jä ämä сáмбäлдī Тӳнтӕ-калáкӕл ämä сä хäдӕ́рттä сӕн jулдäр фӗхäлдта. Стäі áгӯрӕн бáідӕдта мäлік käм бáдӕ ӯі, фäлä мäлíчі хäдӕ́р ӳмäн нīчī ámонӕ, ӯі та, чī нä ін jä ámonӕ, ӯі мáрӕ. Ӯі фáстä Батрáз jäхáдäг ссардта мäлíчі ämä ӯі ін бáкувдта: „Дä хóрзäх мä ӯäд, мä ӯд мӕн ма ámар, цас дäхáдäг зäѓáі, ӯjас дä фӳдӕ тӯг бáфīдцӕнäн!“ Батрáз ӕн зáхта: „Äз дä áгурдтон, дäӯáі äттáмä мä фӕдӕ тӳгмä äз дäӯäі фос ämä äхцá нä бáцагӯрдӕнäн“. Стäі jä сäр ін рáкодта ämä jéмä рáхаста. Тӳнтӕ-калачі лäппӯjä, чізгäі, хорз дӕ́умаjä käі ссáрдта, jулдäр jéмä рáхаста. Мäлíчі сäр ärбáхаста ӯäлмäрдтäм ämä jä фӳдӕ інгáн käм удī, ӳрдäм äі бáхаста ämä jä ӳцӕ ран, jä фӳдӕ нӕвáрзан qīлӕл ärцáухта. Ӯі фáстä нартӕ ärбáмбӕрдкодта ämä кувд [18]) скодта: „Мä фӳдӕ тӯг рáістон!“ зäѓгá; ämä цä jу ӄӯрī бáурäдта ämä мīнáс фäкóдтоі.

онъ прибылъ, то горѣлъ; онъ оторвалъ половину льда ледника и положилъ себѣ на голову чтобъ простыть. Потомъ прибылъ онъ къ Нартамъ и сказалъ имъ: „для чего я вамъ нуженъ? Шутите вы со мною или что? Какъ оказался кто-нибудь сильнѣе Хамыца?“ Они сказали ему: „Зачѣмъ будемъ отъ тебя это скрывать? Отца твоего убилъ маликъ города Тынта“. Вотъ и пошелъ Батразъ мстить за смерть отца.

III. Какъ Батразъ мстилъ за смерть своего отца.

Батразъ съ дружиной пошелъ къ городу Тынту отомстить за смерть отца. Дружины пошли биться и по одиночкѣ начали убивать. Батразъ сказалъ: „Если вы не шутите, то ступайте, приведите 12 паръ быковъ и мою пушку притащите; тогда я самъ уже буду знать, что слѣдуетъ сдѣлать“. Пушку притащили, 12 мѣрокъ пороха всыпали въ ее жерло и ее зарядили. Потомъ Батразъ самъ себя въ пушку зарядилъ и сказалъ наводчику: «хорошенько мною прицѣлься въ городъ Тынтъ и выстрѣли». Выстрѣлили имъ и очутился онъ въ городѣ Тынтѣ и всѣ (ихъ) дома разрушилъ. Потомъ началъ Батразъ искать, гдѣ сидитъ маликъ, но никто маликова дома ему не показываетъ, а онъ кто не показываетъ, того убиваетъ. Затѣмъ Батразъ самъ нашелъ малика и тотъ просилъ его: „Да будетъ мнѣ твоя милость, не убивай моей души, сколько ты самъ скажешь, то и заплачу я за смерть твоего отца“. Батразъ сказалъ ему: „Я тебя искалъ; помимо тебя я за кровь моего отца не возьму ни скота, ни денегъ“. Онъ отсѣкъ ему голову и съ собой унесъ. Въ городѣ Тынтѣ сколько мальчиковъ, дѣвушекъ, хорошихъ вещей нашелъ, все съ собою онъ взялъ. Затѣмъ голову малика онъ понесъ на могильникъ, принесъ туда гдѣ была могила его отца и повѣсилъ на шестѣ на томъ мѣстѣ, въ отцово изголовье. Потомъ онъ собралъ Нартовъ и сдѣлалъ *кувдъ*. „Я отомстилъ за кровь отца!“ сказалъ онъ. Цѣлую недѣлю онъ (нартовъ) удерживалъ и они пировали.

IV. Хцау Батрáзы куд áмардта.

Ју бон к'удĭ ўäд Батрáз зáхта: «Аз ам зäххы́л нĭцы бáкäндзынäн ämе́ та мä бы́натмä цäу́н.» Стäі ўäлáрвмä áцыдĭ ämá фäндáгыл сáмбäлдыстыы ил авд ўáцiллаj. [19]) Ӯi сын зáхта: «Äз смах ку áгурдтон!»—ämá сä фѐхста ämá сы цыппáр áмардта, äртá та Хцáумä áлыгдыстыы. Батрáз jä бы́натмä ссы́дĭ, äртá ўáцiллаj та Хцáумä қáст кäны́нц, фäлä сäм Хцау нä бáiқуста. Стäі Батрáз ўäлáрвäі рáцыдĭс ämá áгурдта ўáстырцiтä ämá сыл фäндáгул сáмбäлдĭ ämä сä äргáрах-ласта; äртá сы áмардта, цыппáр дзы Хцáумä қаст-кäны́ммä áцыдыстыы; фäлá Хцау сäм нä бáiқуста. Стäі ўáстырцiтĭмä ўáцiллатä äрáмбырдыстыы ämá уна́фä-ско́дтоі ämá зáхтоі: «Батрáзы мах ку н'áмаräм, Хцаудäр нäм нä қўсы!» Стäі Батрáз Хäзмы-бындырмä [20]) ку áцыдĭс, ўäд ум äі äхсы́н бáiдыдтоі нäмы́гäі ўáстырцiтä ämá ўáцiллатä. Ämä зáхта: «Аі дĭссаг нäу! ĭх мыл ўáры ävы́ мемá хäцгá ĭсчĭ käны ку нä зо́ныы. Адо́н мä знäгтä ӯдзы́стыы», зáхта, ämä нämгу́тä äрбáтымбыл-кодта ämä сä фѐхста ämá ил äрхáудтоі: сä ávдäі ámардта — цыппáр ўáстырцij ämä äртä тбаўáцiллаj [21]). Но̀цiдäр зáдтä [22]) Хцáумä бáцыдыстыы ämä зáхтоі: «Кäд тä фäндý дын Батрáз, ка́д тä фäндý дын мах!» Хцáу сын зáхта: «Äнáзäдтä äз нĭцы бáкäндзынäн!» Амä árвыста Батрáзы Кáсäцi-бындырмä ämá jä фáстijä Балсäцi [23]) цалх. Батрáз ку фäка́стĭ ўäд зáхта: «Äвáтцäгäн мä Хцау мáрыммä қáвы, ӯi áттämä Балсäцi цалх цämáн árвыста мä фáстä!» Стäі сӯрын äі бáiдыдта Бáлсäцi цалх. Батрáзы Курдáлägон ку сыхтá, ўäд jä хӯлфäі ју ѣанк хо́мäі бáззадĭ; ӯi ку ссы́гдĭ, ўäд Батрáз ärхáудта ämá Бáлсäцi цалх jä ўáлä рáцу-бáцу бáiдыдта ämá jä ámардта. Хцау зáхта: «Мä фы́ртыы мäхáдäг ámардтон; нур äі чĭ áхäссдзäнĭс Со́пijaj зáппäдзмä?» [24]) Ämá зáдтäн зáхта: «кäд ыл қаст-ко́дтат, ўäдтáр áцäӯт нур ämá jä áхäссӯт Со́пijaj зáппäдзмä». Удо́н ку нуццы́дыстыы, ўäд jä täф сыл сӯáхта, ämä jä ўäлä ју ärты́ссäдзы

IV. Какъ Богъ убилъ Батраза.

Однажды Батразъ сказалъ: „Я здѣсь на землѣ ничего не сдѣлаю, пойду опять въ мое жилище!“ Вотъ онъ пошелъ на небо и на пути встрѣтились ему семь *уациллов*. Онъ сказалъ имъ: „васъ я и искалъ“, и выстрѣлилъ: четырехъ изъ нихъ убилъ, а трое побѣжали къ Богу. Батразъ пришелъ въ свое жилище, а тѣ три уациллa Богу жалуются, но Богъ ихъ не выслушалъ. Затѣмъ Батразъ сошелъ съ неба и искалъ уастырджіевъ; онъ встрѣтился съ ними на пути, выстрѣлилъ въ нихъ, троихъ изъ нихъ убилъ, а четверо отправились къ Богу жаловаться; но Богъ ихъ не послушалъ.

Вотъ собрались съ Уастырджіями Уациллы, составили совѣтъ и сказалъ: „Отчего намъ не убить Батраза, вѣдь Богъ насъ не слушаетъ“. Вотъ какъ пошелъ Батразъ на Хазмійское поле, начали тамъ въ него стрѣлять пулями уастырджіи и уациллы. И сказалъ онъ: „Развѣ это не чудо! Снѣгъ ли на меня идетъ или со мной кто-либо воюетъ,—не знаю; (вѣрно) это мои враги (будутъ)“, сказалъ онъ, собралъ пули (въ комокъ), выстрѣлилъ въ нихъ (уациллъ) и они на него упали. Семерыхъ изъ нихъ онъ убилъ, четырехъ Уастырджіевъ и трехъ Тбаууацилловъ. Снова пошли ангелы къ Богу и сказали: „какъ хочешь—либо Батразъ, либо мы!“ Богъ сказалъ имъ: „Безъ ангеловъ я ничего не подѣлаю“, и послалъ Батраза на кабардинское поле, а вслѣдъ за нимъ Балсагово колесо. Замѣтивъ (колесо) Батразъ сказалъ: „вѣрно Богу нужно меня убить, иначе къ чему онъ послалъ за мной Балсагово колесо!“ И начало гнать его Балсагово колесо. У Батраза, когда его жегъ Курдалагонъ, одна кишка внутри осталась сырой (т. е. не прокалилась). Когда она загорѣлась, то Батразъ упалъ и Балсагово колесо стало по немъ кататься (взадъ и впередъ) и его убило. Вотъ Богъ сказалъ: „я своего сына самъ убилъ, кто теперь его снесетъ въ Софійскій склепъ?“ И сказалъ Богъ ангеламъ: „Хотя вы на него и жаловались, но ступайте теперь и отнесите его въ Софійскій склепъ“. Когда они сошли, то онъ пустилъ на нихъ свой духъ и шестьдесятъ (ангеловъ) упали на него, а тѣ, что въ жи-

та ӕрхӕ́удтоі; стӕі чӣ бӕ́ззад ӯм зӕдта̂і ӕгӕ́с, удо́н ссы́дуст Хцӕ́умӕ ӕмӕ̂ бӕ́qаст-кодтоі: «Аі! jӕ 'гас нун цускодта? Фӕла̂ jӕ мард нӕ фӕццӕ́хта.» Хцау сун зӕ́хта: «Ӯі мӕ унӕ́ф удӕ́с ӕмӕ̂ ул jӕ тӕф сӯ́ахта; нур ӕ́цӕӯт ӕма jӕ ахӕссӯт ӕмӕ̂ jӕ Со́пijaj зӕ̂ппӕдӡ бӕ́нугӕнӯт". Ӕмӕ̂ зӕ́хтоі удо́н: „Мах ӕі нӕ бӕ́фӕраздӡустӕм!" Хцау сун зӕ́хта: „Ӯj мӕ qӯ́ттаг ӯ!" Ӕмӕ̂ jӕ ку ӕ́хастоі Сопijaj зӕ̂ппӕдӡмӕ, ӯӕд Батра́з jӕ ӄӕ́хтӕ сӕ́рӕста зӕ̂ппӕдӡмӕ ӕмӕ̂ нӕ ку́мдта. Стӕі зӕ̂дтӕ ін зӕ́хтоі: „цӕӯ́л нӕ ко́мус зӕ̂ппӕдӡмӕ?» Батра́з зӕ́хта: „Хцау ку нӕ у́нун, ӯӕд ӕз куд бӕ́комон?" Стӕі Хцау ӕрцу́дӣ jӕм ӕмӕ̂ ін захта: „Мӕ скӕ̂нгӕ-лӕппӯ [25]), цӕӯ́н нӕ бӕ́комус?» — Ӕз дӕ ку нӕ удто́н! — Стӕі Хцау ӕртӕ̂ цӕссу́ӆі ра́ппӕрста іл; удо́нӕі jу удӕ́с Та́ранцӕлос, [26]) і́ннӕ та удӕ́с Мукалу-гӕбу́ртӕ, ӕртӯ́ккаг удӕ́с Рӗком. Афтӕ jӕ цӕвӕ̂рдтоі зӕ̂ппӕдӡу ӕмӕ̂ нур ӯм лӕӯ́у.

V. Батра́з ӕмӕ̂ Бӕдӄа̂нӕг.

Батраз бӕ́дтӣ ӯӕла́рву Курдалӕгоммӕ. Нарт ӕрӕ̂мбурдустu Сӕ́qоладоммӕ [27])ӕмӕ ӯм qӕ́зудустu ӕмӕ кӕ́фудустu. Со́qур ӯӕjiӆi [28])фурт, Бӕдӄа̂нӕг, хо́ххӕі кӕ́стӣ удо́ммӕ: «Цӕі ӕмӕ нуццӕ́ӯон! На́рту хорз ӕ́дӕм qӕ́зунц ӕмӕ удо́н дӡу́матӕ ра́хӕссон ӕмӕ сӕ бӕ́фхӕрон». Соqур ӯӕjі́г jӕ фу́ртӕн дӡӯру: «Ма кӕ, ма цӯ: Бо́ратӕі лӕг дӡу ӯм фӕзу́ндӕн ӕмӕ дӕ бӕ́фхӕрдӕнӣс». Ӯі нӕ бӕ́qуста jӕ фу́дмӕ, фӕла̂ ӕ́цудӣс ӕмӕ нуццу́дӣ На́рту ӕ́дӕммӕ ӕмӕ сӗ́мӕ qӕ́зун ӕмӕ кӕ́фун бӕ́ідудта. Jулдӕр сӕ бӕ́фхӕрдта ӕмӕ сун сӕ дӡу́матӕ ра́хаста ӕмӕ jӕ хӕдза́рмӕ ссу́дӣ. Ра́iсом та jӕхӄ цӕдта̂-кӕнu: «цӕ́ӯон ӕмӕ та нуццӕ́ӯон, зӕ́хта Бӕдӄа̂нӕг, «На́рту ӕ́дӕммӕ ӕмӕ та схӕ́ссон сӕ дӡу́матӕ ӕмӕ сӕ бӕ́фхӕрон»! Ӕмӕ та сӕм нуццу́дӣс ӕмӕ сӗ́мӕ кӕ́фu ӕмӕ qӕ́зu. Ӯ́цu сахӕ́тул ӯӕла́рвӕі кӕсу́ Батра́з, Хӕмӯ́цu фурт, ӕмӕ зӕӄу́: «м' ӕ́дӕму ӕ́стӕу jу сту́л лӕг кӕ́фu ӕмӕ qӕ́зu». Ӕрцу́дӣс ӯрдугӕі ӕмӕ цӣтӣjӕ ӕрдӕ́г рӕ́тудта ӕмӕ jӕ jӕ сӕ́рул цӕвӕ̂рдта, кӕд нӕ ӯӕдӕ́ сугдӣ. Стӕі ку фӕцӕ́iцudӣ Батра́з Бӕдӄа̂нӕгмӕ, ӯӕд

выхъ (цѣлы) остались, пошли къ Богу и пожаловались: „Эхъ, его жизнь намъ что сдѣлала? Но его смерть насъ перебила!“ Богъ имъ сказалъ: „это было мое рѣшеніе, что онъ духъ свой на васъ испустилъ; теперь же ступайте, отнесите его и погребите въ Софійскомъ склепѣ“. И сказали ангелы: „Мы съ нимъ не справимся“. Богъ имъ сказалъ: „Это мое дѣло!“ Когда они отнесли къ Софійскому склепу, Батразъ *уперся* ногами въ склепъ и не *поддавался*. И сказали ему ангелы: „отчего ты не хочешь въ склепъ?“ Батразъ сказалъ: „Какъ мнѣ хотѣть, когда я Бога не вижу?“ Вотъ пришелъ Богъ къ нему и сказалъ ему: „Мой названный сынъ, чего ты не слушаешься?“ —Потому что тебя я не видѣлъ! —Тогда Богъ три слезы на него выронилъ и изъ нихъ одна была Таранджелосъ, другая стала Мыкалыгабыртä, а третья Рекомъ. Такъ положили Батраза въ склепъ и теперь онъ тамъ находится.

V. Батразъ и Бадзанагъ.

Батразъ сидѣлъ на небѣ у Курдалагона. Нарты собрались у рѣки Сакола, плясали тамъ и играли. Слѣпаго великана сынъ, Бадзанагъ, съ горы смотрѣлъ на нихъ: „Дай-ка я сойду! нартскіе богатыри (соб. хорошіе люди) играютъ; унесу я ихъ вещи и обижу ихъ“. Слѣпой великанъ своему сыну говоритъ: „Не дѣлай этого, не иди; изъ Бораевыхъ (какой нибудь) человѣкъ тамъ появится и тебя обидитъ“. Тотъ не послушалъ отца, но пошелъ, спустился къ Нартскимъ людямъ и началъсъ ними играть и плясать. Онъ обидѣлъ ихъ всѣхъ, унесъ ихъ вещи и домой пришелъ. По утру онъ опять собирается: „Пойду-ка опять спущусь!“ сказалъ Бадзанагъ, „къ Нартскимъ людямъ, опять унесу ихъ вещи и ихъ обижу“. И вотъ онъ опять къ нимъ сошелъ и съ ними пляшетъ и играетъ. Въ это время смотритъ съ неба Батразъ, Хамыцевъ сынъ, и говоритъ: „Среди моихъ людей какой-то сильный человѣкъ пляшетъ и играетъ“. Пошелъ онъ оттуда, оторвалъ половину отъ ледника и положилъ себѣ на голову, иначе онъ сгорѣлъ-бы. Какъ пошелъ Батразъ къ Бадзанагу, то съ обѣихъ боковъ у

йа дуӯа̊ фӓйна̊ фа́рсӓй йа са̊рӓн сӯа́дӓттъ хуза̊н дон та́ґдӣс. Ку' рба́цъдӣс Бӓдз̧а̊нӓцӣ цӯр ку' лла̊удӣс, ӯӓд ӓм Бӓдз̧а̊нӓг ра́кастӣс ӓмӓ за́хта: «Аӣ, мън мӓ фъд кӓма̊й за́хта дӓхӣ́ ка́ққӓ, ӯцъ лӓг мӓм ку' рцъ́дӣ». Батра́з Бӓдз̧а̊нӓцӣ ӓрта̊ ха́ттъ ма йа ка́фън бӯа́хта, цъппа́рӓм зълда̊м йа ка́хӓй йа за̊хмӓ нъццафта ӓмӓ йа ро́нбастмӓ а́саґдӣс; стӓй Бӓдз̧а̊нӓгӓн йа кӯхъл ӓрба́хӓцъдӣс ӓмӓ ін йа фа̊рстӓ ӓрба́тъдта йӓхӣ́мӓ. Ӓмӓ фӓлӣ́дз̧ъ Бӓдз̧а̊нӓг йа дуӯа̊ ка́хъл йукӯхӓгӓй йа хӓдз̧а́рмӓ, хо́хмӓ. Йа хо йӓм кӓсъ́ ӓмӓ зӓґъ́: «Хцаӯӓй бӯзнъг, м'а̊фсъмӓр сцда̊ӯъ ӓмӓ схасъ На́ртъ сърх да́рӓстӓ»! Йа фъд йӓм дз̧ӯръ: «цъ сърх да́рӓстӓ схасъ, ӯй фе̊ндз̧ънӓ»! Ӯа́лънцӣ ба́цъдӣ Бӓдз̧а̊нӓг ӓмӓ йа йу кӯх ӓмӓ йа йу фарс йа ӯа̊лӓ нал ъстъ. Йа фъ́дмӓ ба́цъдӣ Бӓдз̧а̊нӓг ӓмӓ йа ба́фарста: «цӓма̊й тъхцӣ́н ӯ Батра́з»? Йа фъд ън за́хта: «Батра́з йӓхӣ́ ба́исӓрста ӓмӓ ӓндо́н ӯ,—ӯмӓй тъхцӣ́н ӯ».—Со́qур хӓра̊г! за́хта Бӓдз̧а̊нӓг, мӓн [30]), цӓ́ӯл нӓ ба́исӓрстаі?—Стӓй Бӓдз̧а̊нӓг дуӯа́дӓс тӯма́нъ йа дз̧ъ́ппъ а́вӓрдта ӓмӓ а́цъдӣс Курда́лӓгоммӓ ӓмӓ ін за́хта: «Мӓн дӓр баісӓрд Батра́зъ куд ба́исӓрстаі а́фтӓ». Курда́лӓгон ън за́хта: «Нӓ ба́уромдз̧ънӓ, ба́сӯдцънӓ, ӓмӓ мън тӓрӣ́ґӓд ӯда̊нӣс». «Тӓрӣ́ґӓд мън ӓппъ́ндӓр ма кӓ, сӓрда̊гка́г дън мъзд дуӯа́дӓс тӯма́нъ сха́стон». Стӓй йа Курда́лӓгон цӓвӓрдта ку́нцгомъ ӓмӓ йіл дӯртӓ цӓва̊рдта ӓмӓ дъмъ́н ба́ідъдта. Арт ку сцъ́дӣс, ӯӓд фӓққа̊р-кодта Бӓдз̧а̊нӓг: «Ба́съхтӓн, Курда́лӓгон! ӓмӓ мӓ аіс»! Курда́лӓгон ӓм фе̊вналдта ӓмӓ ра́іста йа стцітӓ ӓмӓ сӓ а́ппӓрста.

VI. Со́зръqо.

Со́зръqо Бо́ратӓй удӣс, фӓла̊ мад ӓмӓ фъ́дӓй нӓ ра́ігурдӣ. Сата́на хорз ӯс удӣс [31]) ӓмӓ зӓдта̊й а́лчӣдӓр за́хта: «мӓхӣ́цӓн ӓі хӓзґу́л ку ба́кӓнӣн»! Йу бон к' удӣ, ӯӓд Сата́на йа хӓла́ф цӓхса́дта ӓмӓ йа дӯръл ба́ітъдта хӯрмӓ. Ӯа́стърці ӓрцъ́дӣ ӓмӓ за́хта: «дӓ хӓла́ф та мън кӓда̊м цӓудӓнӣс»! Ба́цъдӣ Ӯа́стърці хӓла́фмӓ дӯръ ӯӓла̊мӓ ӓмӓ хӓла́фъл фӓмъ́ста; стӓй ӯмӓй дӯръ губъ́нъ ба́цъдӣ ӯд. Сата́на

него на головѣ текла вода подобно роднику. Когда пришелъ онъ и около Бадзанага сталъ, то взглянулъ на него Бадзанагъ и сказалъ: «Эхъ, пришелъ тотъ человѣкъ, о которомъ мнѣ отецъ сказалъ: „берегись его!“ Батразъ позволилъ Бадзанагу еще три раза проплясать, а къ четвертому повороту онъ хватилъ его ногой на землю и вдавилъ его до пояса; потомъ потянулъ Бадзанага за руку и оторвалъ къ себѣ его бокъ. И побѣжалъ Бадзанагъ на двухъ ногахъ съ одной рукой въ свой домъ на гору. Смотритъ на него его сестра и говоритъ: „Благодарю бога, мой братъ поднимается и несетъ красныя нартскія платья“. Отецъ говоритъ ей: „что за красное платье несетъ онъ, это ты увидишь!“ Между тѣмъ пришелъ Бадзанагъ, и нѣтъ у него одной руки и одного бока. Подошелъ Бадзанагъ къ отцу и спросилъ его: „чѣмъ силенъ Батразъ?“ Отецъ сказалъ ему: „Батразъ закалилъ себя и сталъ стальнымъ, оттого онъ силенъ“. „Слѣпой эшакъ! сказалъ Бадзанагъ, почему меня ты не закалилъ?“ Потомъ положилъ Бадзанагъ 12 тумановъ въ карманъ, пошелъ къ Курдалагону и сказалъ ему: „закали и меня, какъ ты закалилъ Батраза!“ Курдалагонъ ему сказалъ: „ты не выдержишь, сгоришь, и мнѣ будетъ жалко“. „Не жалѣй меня совсѣмъ, за каленье я принесъ тебѣ плату 12 тумановъ“. Вотъ Курдалагонъ положилъ его въ горнило, наложилъ на него камни и началъ дуть. Когда пошло пламя, то закричалъ Бадзанагъ: „Я загорѣлся, Курдалагонъ, вынь меня“. К. потрогалъ его, взялъ его кости и бросилъ ихъ.

VI. Созрыко.

Созрыко былъ (родомъ) изъ Бораевыхъ, но не родился отъ матери и отца. Сатана была хорошая женщина и изъ зэдовъ каждый говорилъ: „какъ бы сдѣлать мнѣ ее своей любовницей!“ Однажды Сатана стирала свои штаны и распялила на камнѣ на солнцѣ. Вотъ пришелъ Уастырджи и сказалъ: „твои штаны куда мнѣ уйдутъ? (т. е. куда отъ меня скроются)? Пошелъ Уастырджи къ штанамъ (лежавшимъ) поверхъ камня и.... на нихъ; отъ этого въ утробу камня вошла душа.

бáзъдта jä хäлáфъл Ўáстърцi käi фäмýста ämä дýръ губýнъ ўд käi бáцъдīс. Стäi дўръ мáiтä хънцýн бáiдъдта ämä j'áмгуд ку'рцýдīс, ўäд дўр бáкäрт-кодта ämä дýräi Сóзръqо рáцъдīс íхъ хузáнäi ämä qáзън бáiдъдта. Jу бон к'удí ўäд Бўräфäрнъцi [32]) äртá läппўjímä фäqqáзъдī, сīхóрмä jýлдäр сä áмбълдта, сън сä рáхīс кўхтä рáкодта ämä сä рáхаста jä хäдзáрмä. Дýккаг бон рáцъдī ämä äрцýдī ämä läппýтäн зáхта: «Á6он мäн käд áмбўлат, ўäд мä рíхīтä áлъгкäнўт ämä áхäссўт, käд äз смах áмбўлон, ўäд äз ўä рíхīта áлъгкäндзънäн ämä áхäссдзънäн».

Стäi фäqqáзъдī, сīхóр áфон сä áмбълдта ämä сън сä рíхīтä рáлъг-кодта ämä цä рáхаста jä хäдзáрмä. Äртýккаг бон páiсом нъццýдīс ämä зáхта läппýтäн: «Á6он áqазäм рáхīс цáстътъл: käд ўä áмбўлон, ўäд ўä рáхīс цáстътä äз рáкäндзънäн ämä цä áхäссдзънäн мä хäдзáрмä, käд смах áмбўлат мä, ўäд мä рáхīс цäст смах áхäссўт». Стäi сīхóрафон ку'рцýдīс, ўäд áмбълдта та läппýтъ Сóзръqо ämä сън сä рáхīс цáстътä рáкодта. Ўáлънцi läппўтъ мад рáцъдīс ämä Сóзръqojäн зáхта: «Хáзмъ-бъдъръ Сау дéнцизъ äттíjä цäрý Куцýцi фърт Елтáґан; jä сáръ царм съзґáрīн ў. Käд тъхцíн дä, Сóзръqo, ўäд Елтáґанъ ámар ämä ін jä сäръ царм рáстīґ ämä jä рáхсс äмä ýмäi дä käрцъ äфцáкот скä ··.

Сóзръqo ўii ку фéqуста, ўäд ън qъг удíс ämä зáхта: «Äнäцáугä мън нал īс Елтáґаммä». Стäi áцъдī Сау-дéнцизъ äттíjä ämä Елтáґанъ дўármä бáцъдī. Рáкастī jäм Елтáґан: «äгáс цуái, хорз ўázäг, käм ýдтä?» Сóзръqo ін зáхта: «Дä хäрздзінад фéqустон ämä ўi тъххäi äрцýдтäн». Елтáґан бўр нäлфýс áргäвста, хорз ўázäг äi скóдта [33]) ämä зáхта: «ўázäг, цъмá Нáртъ Созръqo цämái тъхцíн ў, тъхцíн лäг äi к 'хóнънц?» Сóзръqo зáхта: «Созръqo тъхцíн куд нäу? Дуўá нämýгäi топ ку сíфтъндзаi ämä äi Сóзръqojäн jä рíул ку фéхсаi, ўäд jä рáзмä нämгýтä äрхáунц мäнá, käрдóji хузáн». Хорз ўázäг дäумá дäр хорз топпъ хузáн īс, сíфтънд ма jä дуўá нämýгäi ämä jä, мäнá, мä рíул нъццáв; käттäрá мä бахīзікkoi нämгýтä? зáхта Елтáґан. Сóзръqo дäр сíфтъхта qäбáр jä топ ämä фéхста Елтáґанäн jä рíул ämä нämгýтä äрхáудтoi jä рáзмä дуўá käрдóji хузáн. Стäi Елтáґан ън

Сатана узнала, что Уастырджи.... на ея штаны и что внутрь камня вошла душа. Вотъ начала она считать мѣсяцы камня и когда пришелъ ему срокъ, она разрѣзала камень и изъ него вышелъ Созрыко, подобный льду, и началъ играть. Однажды онъ игралъ съ тремя сыновьями Бурафарныга, къ обѣду обыгралъ ихъ всѣхъ, отрѣзалъ имъ правыя руки и отнесъ ихъ къ себѣ домой. На другой день вышелъ онъ, пришелъ и парнямъ сказалъ: „сегодня если вы обыграете меня, то отрѣжьте мнѣ усы и унесите, если же я васъ обыграю, то я вамъ усы отрѣжу и унесу“!

Вотъ игралъ онъ, къ полудню ихъ побѣдилъ, отрѣзалъ имъ усы и отнесъ въ свой домъ. Утромъ на третій день пошелъ онъ и сказалъ парнямъ: „Сегодня станемъ играть на правый глазъ: если я обыграю, то вырѣжу ваши правые глаза и унесу ихъ домой; если же вы побѣдите, то унесите мой правый глазъ“. Когда насталъ полдень, Созрыко опять побѣдилъ парней и вынулъ у нихъ правый глазъ. Вышла мать парней и сказала Созрыко: „На Хазмійскомъ полѣ, за Чернымъ моремъ, живетъ Куцыковъ сынъ Елтаганъ; у него головная кожа золотая; если ты силенъ, Созрыко, то убей Елтагана, сдери у него головную кожу, принеси ее и изъ нея сдѣлай воротникъ для шубы.“

Когда Созрыко это услышалъ, то запечалился и сказалъ: нельзя мнѣ неидти къ Елтагану!“ Пошелъ онъ за Черное море къ Елтагану и подошелъ къ его двери. Выглянулъ къ нему Елтаганъ: „Здоровъ уйди, сказалъ онъ ему, добрый гость, гдѣ ты былъ?“ „Созрыко сказалъ ему: „я наслышался о твоей доблести и ради этого пришелъ“. Елтаганъ зарѣзалъ желтаго барана, угостилъ его какъ хорошаго гостя и сказалъ: „Гость! силенъ-ли Нартъ Созрыко, что его называютъ сильнымъ мужемъ?“ Созрыко сказалъ: „Какъ не силенъ Созрыко?“ Если зарядишь ружье двумя пулями и выстрѣлишь Созрыко въ грудь, то предъ нимъ (ней) падаютъ пули, вотъ, какъ будто груши“. „Добрый гость, у тебя также ружье похоже на хорошее, заряди-ка его двумя пулями и выстрѣли, вотъ, мнѣ въ грудь: войдутъ-ли въ меня пули?“ сказалъ Елтаганъ. Созрыко крѣпко зарядилъ свое ружье, выстрѣлилъ Елта-

зáхта: «цämâi ма тvхцíн ӯ Сóзрvqо?» Сóзрvqо тvхцíн кун näу? дä кард ку сцv́рг̂ кäнаі ämä дä дуӯâ кӯхäі ку нvццâваі Сóзрvqojän jä säр, ӯäд дӡv ärдӯ ämä ärдâг нä áлvгкäндӡän. «Хорз ӯázäг, зáхта Елтáг̂ан, däумâ däр хорз кáрдv хузâн ку ī, нvццâв ма мvн мä säр!» Свстáдī Сóзрvqо, jä кард слáста ämä jä дуӯâ кӯхäі нvццáфта Елтáг̂анän jä säр, фälâ дӡv ärдӯ ämä ärдâг нä álvг-кодта. Ämä ін зáхта та Елтáг̂ан: «Нvр ма зäг̂, хорз ӯázäг, цämâi ма тvхцíн ӯ Сóзрvqо?» Ämä зáхта Сóзрvqо: «Сóзрvqо тvхцíн куд näу? Зvмâгон ӯärм ку скáхаі ämä jäм Тӗркäі дон ку рáӯадӡаі ämä ӯцv ӯârмv Сóзрvqоji ку цäвâраі jу кӯрī, ӯäд ӯцv ӯärм нvjīх ӯдӡän ämä ку нvjīх ӯа, ӯäд äі jä сâраі стóндӡänīс, áхäм тvхцíн ӯ».

Стäі зáхта Елтáг̂ан: цäі ма ӯäдâ мänâндäр скáхӯт ӯärм ämä ма мä цäвâрӯт ӯârмv ämä мvл рáӯадӡӯт Тӗркäі дон ämä мä нуӯáдӡӯт jу кӯрī ӯм ämä нvjīх-ӯа, käттäрá нä стóнīн äі мä сâраі?» Стäі скáхтоі ӯärм, рáӯахтоі Тӗркäі дон ämä jä нуӯáхтоі jу кӯрī; стäі нvjīхī jіл дон. Ӯі фäстä jäм Сóзрvqо бáцvдīс ämä зáхта: «Цäі ма Елтáг̂ан, схäц,—стóндӡнä дä сâраі jīх?» Елтáг̂ан схâцvдīс ämä jä стv́дта jä сâраі. Áфтämäі jä säр фäӯâлёjä ī фälâ jä ӯäхсцítä нä цäýнц ämä нvссáг̂дī ӯм ī́ххv мī́дäг. «Схäц vл, áсätдӡänīс!» зáхта ін Созрvqо. Елтáг̂ан схâстvтä jіл кóдта ämä ін нä бáкумдта jīх сäттv́н; ӯäд зáхта: «нä jä фäрáзvн сäттv́н!» Стäі ін зáхта Сóзрvqо: «Елтáг̂ан! нvр цvмá мä кард дä säр рáкänvнän нī́цv бáкändӡänīс? Äз Сóзрvqо käі дän ӯі дä бáурнäд». Слáста Сóзрvqо jä кард ämä Елтáг̂анv säр лvгкänv́ ämä jä нä фäрáзv. «Дä хóрзäххäі, зáхта Елтáг̂ан, фvдv́бонäі мä м'ӯал мар, мäхī кард мvн ärхâсс ämä мvн ӯмäі мä säр рáкä!» Стäі ін Сóзрvqо jä кард ärхáста ämä ін зáхта: «Дäӯâн дä тvх куд ӯ áфтämäі дä зонд ку удáїд, ӯäд тvн тvх нīчī бáкодтаїд; фälâ äзӡдäӯâі зóндäі тvхцíндäр дän». Стäі jä säр vн ку рáкодта Сóзрvqо, ӯäд säр рáліурдта ämä Созрvqоji кӯхv кáрдän jä фīстонvл jä дӡv́ххäі фäхâстī. Сóзрvqо álvг̂дī ämä Елтáг̂анv säр та jä áсvрдта. Стäі нуӯазáл ī säр ämä нvллâуді, jä кардтäр ärхáудта. Сóзрvqо ӯі ку фе̂дта, ӯäд

гану въ грудь, и пули упали передъ Елтаганомъ, будто двѣ груши. И сказалъ ему Елтаганъ: „чѣмъ-же еще крѣпокъ Созрыко?“ „Какъ-же не крѣпокъ Созрыко? сказаль Созрыко; если наточишь мечъ и ударишь обѣими руками Созрыко по головѣ, то даже полтора волоса не отрѣжетъ!“ Добрый гость, сказалъ Елтаганъ, у тебя также мечъ похожъ на хорошій, ударь-ка мнѣ по головѣ!“ Всталъ Созрыко, вынулъ (изъ ноженъ) мечъ, ударилъ Елтагану по головѣ обѣими руками и даже полтора волоса не отрѣзалъ. И сказалъ ему опять Елтаганъ: „скажи мнѣ теперь, добрый гость, чѣмъ еще крѣпокъ Созрыко?“ И сказалъ Созрыко: „какъ-же не крѣпокъ Созрыко? Зимою если выроешь яму, пустишь туда воду изъ Терека, въ эту яму посадишь Созрыко на одну недѣлю и эта яма замерзнетъ, то когда замерзнетъ, онъ головою (ледъ) выбьетъ (сорветъ), такъ онъ крѣпокъ.“ Тогда сказалъ Елтаганъ: „Ну, такъ и мнѣ выройте яму, посадите меня въ нее, пропустите надо мною воду изъ Терека и оставьте меня въ ямѣ на недѣлю и пусть она замерзнетъ; развѣ я не сорву (ледъ) головой“? Вотъ вырыли яму, пустили туда воду изъ Терека, оставили въ ней Елтагана на одну недѣлю и замерзла надъ нимъ вода. Послѣ этого подошелъ Созрыко и сказалъ: „Ну-ка, Елтаганъ, хвати вверхъ, вырвешь-ли головой ледъ?“ Елтаганъ хватилъ и сорвалъ его головой. Такимъ образомъ голова его очутилась на верху, но плечи не проходятъ и онъ застрялъ тамъ во льду. „Подымай его, онъ сломится!“ сказалъ ему Созрыко. Елтаганъ поднималъ, поднималъ, но не хотѣлъ ледъ ломаться, и онъ сказалъ: „Не могу я его проломить!“ Потомъ Созрыко сказалъ ему: „Елтаганъ, будто-ужъ мой мечъ не отрѣжетъ тебѣ голову! Вѣдь я Созрыко, будь въ этомъ увѣренъ!“ Извлекъ Созрыко мечъ, рѣжетъ Елтагану голову, но не можетъ. „Будь милостивъ, сказалъ Елтаганъ: не умерщвляй меня мучительно, принеси мнѣ мой мечъ и имъ мнѣ голову отруби!“— Принесъ Созрыко его мечъ и сказалъ ему: „сила-то у тебя есть, и если-бы такой-же умъ у тебя былъ, то никто бы тебя не осилилъ; но я умомъ сильнѣе тебя.“ Затѣмъ отрубилъ Созрыко ему голову; отскочила голова и схватила ртомъ рукоять меча въ рукѣ Созрыко. Побѣжалъ Созрыко,

јäхӑдäг нулӑудӣ, рäздäхтӣ äм ämä ін jä сäрv царм бäстvхта. Елтäӷанv хäдӟäрv цvдäріттäр удӡс, јулдäр цä äхаста jä хäдӟäрмä.

Стäі Созрvqо äрӑмбvрдкодта Нäртv qäўў чізгäі, нўог чіндӟäі сӗппäттäр ämä сvн зäхта: «Скӑрдӯт мvн сäрдӟärттäі ämä рӣхӣдӟärттäі [34]) käрц!» Ämä чіндӟvтä фӗдтоі ку рäхаста Созрvqо сӑрдӟärттä ämä рӡхӣдӟärттä. Чӣ зäхта: мä фўдv сӑрдӟарм ӯ; чӣ зäхта: м'ӑфсvмärv рӡхӣдӟарм ӯ; чӣ зäхта: мä мóјі сӑрдӟарм ӯ. Ämä ін зäхтоі: рäісомі ärцӑудӟvстäм.

Рäісомі та jäм ärцўдvстv ämä ін скäрстоі käрц. Стäі äцvдvстv ämä бäцvдvстv ӄўлv-бадäг-ӯсмä ämä ін зäхтоі: «Käрц скäрстам Созрvqojän нä фvдӑлтv цärттäі, н'ӑфсvмärtv рӡхӣдӟärттäі ämä нä мóітv сӑрдӟärттäі. Нvр хӣн vн скäнӑм; фäрсӑм дä ämä нvн зäӷ, бäцамон нvн, цv бäкänäм?» Ӄўлv-бадäг-ӯс цvн зäхта: «Äнӑфцäӄот vн jä käрц нуўӓдӯт ämä ку jä бäхуjат, ўäд vн äі jä ўӑлä скӑнӯт ämä ін зäӷӯт: Хорз ӯ дä käрц, фäлӑ ма äфцäӄót qäцін ӯ ämä ін ку'рхӑссӣс Тäрvкv фvрт Муккäрај сӑрvцарм,—ӯі хóнvнц сvзӷäрӣн,—ўäд ӯдӟанӣ äххӑст дä käрц". Ӄўлv-бадäг-ӯс сvн куд зäхта, чізцітä äфтä бäкодтоі.

Стäі äцvдӣс Созрvqо; Муккäрамä ку бäцvдӣ, ўäд фäqqӑрласта: «Муккäра, ӯм нä дä?» Муккäра ӯі ку фӗqуста, ўäд зäхта: «Ӯі Созрvqоjі qäр ку ӯ; äцäӯт ämä ін зäӷӯт: äм näі Муккара». Ссäрӯт мvн äі, зäхта Созрvqо, änäссäргä хос näі. Стäі јäм äцvдӣс Муккäра јäхӑдäг ämä ін зäхта: «Цv кӑнvс [36]), Созрvqо, цv дä qäўў? цämӑн мä äгӯрvс?» Сäqолај ўнці äqазäм qӯлäі, зäхта Созрvqо; käд мä дv ämбӯлаі, ўäд мvн мä сäр рäкä; käд тä äз ämбӯлон, ўäд тvн дä сäр äз рäкändӟнäн». Срäзv ӣс Муккäра ämä äцvдvстv Сäqолај ўнгмä ämä зäхта Созрvqо Муккäрајän: «Äўӣл дä qӯл!» Муккäра зäхта: «дv ärцўдтä ärдäм бvцӑукänvммä ämä дv äппар фvтцäг, Созрvqо!» Созрvqо äппärста ämä дъ ärтӑ бóнv наі käі бäкäна лäг ӯјäс äкалдӣс јеу ўцv qӯлäі. Ўцv јеу ärўӷdvн qäўў,—зäхта Созрvqо. Стäі Муккäра jä qӯл äўvлдта ämä jä qӯлä¡ äкалдvстv кärчі ӷўутä, јеу' ӯӷdvн бäідvдтоі ämä сä фäінӑ нämўці нä фӑцӣ. «Нvр та дv рäзäі äўӣл дä qӯл, зäхта Созрvqо. Äўvлдта Муккäра, ämä дъ нäл-ху äгäп-лäста ämä älvӷдӣ qämvлmä.

а голова Елтагана его гнала. Потомъ похолодѣла голова, остановилась и мечъ упалъ. Когда это увидѣлъ Созрыко, онъ остановился самъ, вернулся къ ней и сорвалъ съ головы кожу. Что только было въ домѣ Елтагана, все это унесъ Созрыко къ себѣ домой. Потомъ Созрыко собралъ изъ нартскаго аула всѣхъ дѣвокъ и молодухъ и сказалъ имъ: „скройте мнѣ шубу изъ головныхъ волосъ и усовъ“. И увидѣли молодухи, что Созрыко вынесъ кожи отъ головъ и усовъ. Одна говорила: „это головная кожа моего отца!“ другая говорила: „это кожа съ усами моего брата!“ третья говорила: „это кожа съ головы моего мужа!“ И сказали онѣ ему: „завтра утромъ мы придемъ.“

Утромъ онѣ пришли къ нему и скроили шубу. Потомъ ушли, пошли къ колдуньѣ и сказали: „Мы скроили Созрыко шубу изъ головныхъ кожъ нашихъ отцевъ, изъ усовъ нашихъ братьевъ и головныхъ кожъ нашихъ мужей. Схитримъ теперь съ нимъ; просимъ тебя, скажи намъ, научи насъ, что дѣлать.“ Вѣдьма имъ сказала: „Оставьте его шубу безъ воротника и когда сошьете, то надѣньте на него и скажите ему: „хороша твоя шуба, только еще недостаетъ воротника; если принесешь для него головную кожу Муккары, Тарыкова сына,—а ее называютъ золотою—тогда полна будетъ твоя шуба.“ Какъ имъ сказала колдунья, такъ дѣвки и сдѣлали.

Вотъ пошелъ Созрыко; прійдя къ Муккарѣ, онъ закричалъ: „Муккара, тутъ-ли ты?“ Муккара, услыша это, сказалъ: „Это голосъ Созрыко; пойдите и скажите ему:—здѣсь Муккары нѣтъ!“—„Найдите мнѣ его, сказалъ Созрыко, во что бы то ни стало.“ Тогда пошелъ къ нему Муккара самъ и сказалъ ему: „что это, Созрыко, что тебѣ нужно? Къ чему ты меня ищешь?“ „На улицѣ Сакола станемъ играть альчикомъ;“ сказалъ Созрыко; „если ты меня побѣдишь, отрѣжь у меня голову, если я тебя обыграю, то у тебя голову отрѣжу.“ Муккара согласился; они пошли на улицу Сакола, и Созрыко сказалъ Муккарѣ: „пусти свой альчикъ.“ Муккара сказалъ: „ты сюда пришелъ состязаться и потому бросай первый, Созрыко!“ Вотъ Созрыко бросилъ, и сколько въ три дня

Стäі Со́зрvqо а́ў̆vлдта ämä äртă̈ ī гáрv а́гäп-ла́стоі ämä а́сvрдтоі нäл-ху́јі ämä jä ӄа́бӡгäі äрба́хастоі Мукка́рај ра́змä. Стäі Мукка́ра за́хта Со́зрvqојäн: «Нvр та дv а́ў̆ī лä qў̄л!» А́ў̆vлдта Со́зрvqо ämä На́ртv хäдӡа́ртта ссv́ґдvстv. «Удо́нäн їстv хос qäў̆v́», за́хта Со́зрvqо Мукка́рајäн. «Äз удо́нäн нi̇цv ў̆ал зо́нvн; цv кӑнvс ў̄і мvн ба́кä», за́хта Мукка́ра. — Фäккӑс ма мämма́! — за́хта Со́зрvqо. Стäі а́ў̆vлдта jä qў̄л ämä ў̆а́рvн нvллắудī ämä хäдӡа́рттä ба́хуссvн ко́дта. Стäі ін за́хта Мукка́ра: ра́кä мvн, Со́зрvqо, мä сäр; а́мбvлдтаі мä ў̄і тvххäі. «Ју ў̆vлд ма а́кä, ў̆цv бар ма дvн дäттv́н» [37])—за́хта ін Со́зрvqо. А́ў̆vлдта та Мукка́ра ämä äртă̈ бäло́нv jä qў̄лäі а́тахтvстv. «Удо́н äрцáхс!»—за́хта ӯі Со́зрvqојäн. Со́зрvqо jä qў̄л сv́ста jä дӡv́ппäі ämä дӡv äртă̈ qäрцvґа́ј а́ліурдтоі ämä äртă̈ бäло́нv а́сvрдтоі, äрцáхстоі сä, äрха́стоі сä Мукка́рај ра́змä ämä сä а́ргäвстоі. Стäі Мукка́ра за́хта Со́зрvqојäн: «А́лvг мvн кä мä сäр, а́мбvлдтаі мä!» Хорз лäг дæ, Мукка́ра, за́хта Со́зрvqо, ämä мä дä сäр ра́кäнvн нä фӑндv. Стäі ін jä сӑрv ц̇арм ра́стvхта ämä jіл хо́стä нvґко́дта. Нў̆ог царм äрза́дīс Мукка́рајäн jä сӑрvл ämä äгáсäі ба́ззадī.

Стäі Со́зрvqо ў̆цv царм ja хäдӡа́рмä äрха́ста ämä jä кӑрцäн ў̆цv чíндӡvтä ämä чíзцітä äфцӑӄот ба́худтоі.

VII. Хäмv́ц, Со́зрvqо ämä Урv́змäг.

Хäмv́ц, Со́зрvqо ämä Урv́змäг нä фі̇дvдтоі хі̇стäр ämä käста́рvл ämä за́хтоі: «Тv́нтvкалачі ӯ нä хі̇стäр хо ämä ў̇мä qа́стмä ба́цäў̆äм: ӯі нvн ра́взардäн, нä хīстäр нä кӑстäр чī ӯ». Стäі а́цvдvстv ämä сäвӑрдтоі хо́рдӡентä Хäмv́цv фäсса́рц, нvццv́дvстv

намолотитъ человѣкъ, столько изъ того альчика высыпалось проса. „Это просо нужно собрать“, сказалъ Созрыко. Затѣмъ Муккара свой альчикъ выбросилъ: изъ его альчика высыпались куриные цыплята, начали просо собирать и каждому изъ нихъ по зерну не досталось. „Теперь ты впередъ пусти свой альчикъ!“ сказалъ Созрыко. Пустилъ Муккара и вотъ выскочилъ кабанъ изъ альчика и побѣжалъ въ бурьянъ. Затѣмъ пустилъ Созрыко, и выпрыгнули три борзыя собаки, погнали кабана и по кускамъ его принесли передъ Муккару. Тогда сказалъ Муккара Созрыко: „теперь опять ты пускай свой альчикъ.“ Пустилъ Созрыко и загорѣлись нартскіе дома: „Нужно какъ нибудь имъ помочь“, сказалъ Созрыко Муккарѣ. „Я для нихъ ничего больше не умѣю (сдѣлать); сдѣлай мнѣ, что можешь“, сказалъ Муккара.—Посмотри-ка на меня!—сказалъ Созрыко. Потомъ онъ пустилъ свой альчикъ: пошелъ дождь и потушилъ дома. Тогда сказалъ ему Муккара: «Отруби, Созрыко, мнѣ голову, такъ какъ ты побѣдилъ меня». «Еще разъ бросай, даю тебѣ еще это право!» сказалъ ему Созрыко. Пустилъ опять Муккара и вылетѣли три голубя изъ его альчика. «Поймай ихъ!» сказалъ онъ Созрыко. Созрыко взялъ свой альчикъ изъ кармана и вотъ три ястреба вылетѣли и стали преслѣдовать трехъ голубей; поймали ихъ, принесли къ Муккарѣ и убили. Тогда Муккара сказалъ Созрыко: «Руби мнѣ голову, ты побѣдилъ меня!» «Ты хорошій мужъ, Муккара», сказалъ Созрыко, «и не хочется мнѣ отрубить у тебя голову». Онъ содралъ ему головную кожу и положилъ ему (на голову) зелье. На головѣ Муккары выросла новая кожа и онъ остался здоровъ. Затѣмъ Созрыко эту кожу домой принесъ, а тѣ молодухи и дѣвушки сшили изъ нея воротникъ его шубѣ.

VII. Хамыцъ, Созрыко и Урызмагъ.

Хамыцъ, Созрыко и Урызмагъ не поладили о томъ, кто старшій, кто младшій (изъ нихъ) и сказали: „Въ городѣ Тынтѣ есть наша старшая сестра, пойдемъ къ ней жаловаться. Она намъ разберетъ, кто изъ насъ старшій, кто младшій“. Вотъ

Сä хо́jän jä дӯа́рмä ämä jäм ба́дӕрдтоі: «Ра́käс ма näм äттӓ́мä». сä хо ра́гäпп-ласта ämä сvн за́хта: «Ӯа́тмä ра́цäӯт». Кӯсарт [38]) сvн а́кодта, хорз сä фе́дта. [39]) Ämä ін за́хтоі j'а́фсvмärта: «Нvр däм мах äна́qудтаг нä ärцv́дvстäм». «Зäѓӯт цv qӯдтагмä ärцv́дvстӯт?» «Нä ка́стäр ämä нä хі́стärvл нä фі́даӯäм». Ӯäхӯ́дтäг äі нä зо́нӯт, ӯä ка́стäр чī ӯ ӯі: хо́рдӕнтä кäма́ стv ӯі ӯä ка́стäр.

Хäмv́ц фäма́стv īс ämä ін за́хта: «Ка́н нä ӯäда́ кäд мангâі за́ѓvс, ӯäд tvл Бо́ратv бӯр хäра́г слíурӕд, кäд äз ка́стäр нä дан ӯäд». (Бо́ратv хäра́гäі jу ку ра́лѓvста, ӯäд jу Бо́ратv хäра́гäн äнä слíурvн нä удī; мvрмv́ргäнгä [40]) дvн ärба́цäӯv). Ӯäд за́хта Хäмv́цäн jä хо: «Дä хо́рзäххäі ма ärбӯ́дӕ хäра́ці ämä дvн käі ӯа́рзvс ӯі ра́дцvнän». Арqv́зv [41]) дäндаг мvн радт,. за́хта Хäмv́ц. Ра́дта ін Арqv́зv дäндаг ämä ін äі jä да́ндägtv а́стäу цäва́рдта. (Арqv́зv дäндаг ӯ́мäн хорз удīс ämä käі ӯа́рстаїс, ӯ́цv ӯс ку нä ку́мдтаїд ӯäд äм jу Арqv́зv дäндаг ку ра́вдvстаїс, ӯäд jä фа́стä цv́даїд; ämä лäг ку нä ба́кумдтаїд, ӯäд jу ӯ́цv ӯс калм сца́їд) Ӯцv дäндаг ку ра́іста Хäмv́ц, ӯäд ӯітvххäі jäм хäра́ці нал бӯа́хта.

Алäга́тäм удīс чіндӕхсäв ämä удо́ммä удīс jу ба́дäг [42]) чізг. Фvтца́г äм jу а́рвvста Хäмv́ц ämä jäм нä ба́кумдта; ӯі tvххäі jäм хäráм удī. Стäі ку ба́звдта чізг—Хäмv́цмä īс Арqv́зv дäндаг,—ӯäд ӯ́мäі тäрсv́н ба́ідvдта ämä за́хта: «Хамv́ц мäм jä дäндаг ку ра́вдīса ämä мäм ку нä ärца́ӯа, ӯäд äз скалм [43]) ӯдӕ́нän» ämä дӕv jäхī qа́qqädта.

Хäмv́ц jäхī стv́хта фäсбv́нv ämä дӕv jä афца́ко́тv ӄäба́л нvкко́дта. Стäі jäхӣ ба́ппärста цv́фv ӯärмv ämä jäм а́дäм ра́кастvстv: Ӯі та цäі мäгӯ́р лäг ӯ? Ӯі ку фе́qуста ба́дäг чізг, ӯäд ра́гäпп ласта ämä за́хта: «Ца́вär мäгӯ́р лäг ӯ!» Хäмv́ц äі ку фе́дта, ӯäд jäм jä дäндаг ра́вдvста ämä за́хта: «Чізг, дä хäда́р ку фе́хäлд!». [44]) Ӯі за́хта: «Мäхӣ кäма́і qа́qqäддтон, ӯі мäм ärцv́дīс!» Агäпп-ласта Хäмv́ц ämä jä хäда́рмä ссv́дī, чізг та скалм-ī. Ämä Алäга́тä за́хтоі Хäмv́цäн: «Дä хо́рзäххäі, ку а́рцäӯīс нä чізгмä, ӯäд tvн j'а́мӯäз [45]) äхца́jä ра́дтікkам». Хäмv́ц за́хта: «ку а́мälон, ӯäдта́р ärца́ун ӯ́цv чігзмä нä ӯ́дзänīс. Дуӯа́ а́зv jіл ку а́цvдīс рvнчínäі, ӯäд Хäмv́ц jä тäрі́ѓäдмä käсv́н ку нä ӯал фäра́ста, ӯäд äм

они отправились и положили (переметныя) сумы Хамыцу за сѣдло; спустились къ двери сестры и сказали ей: «Выгляни-ка къ намъ наружу». Сестра выпрыгнула къ нимъ и имъ сказала: «войдите въ спальню». Принесла имъ *кусарта* и хорошо угостила ихъ. Они сказали ей: «Мы безъ дѣла не пришли къ тебѣ теперь». «Скажите, для какого дѣла вы прибыли?» Они сказали ей: «Мы не ладимъ о томъ, кто (изъ насъ) старшій, кто младшій». Она имъ сказала: «вы сами развѣ не знаете, кто изъ васъ младшій? У кого сумы, тотъ изъ васъ младшій». Хамыцъ разсердился и сказалъ: «за то что ты лживо говоришь, пусть на тебя вскочитъ бурый оселъ Бораевыхъ, такъ какъ я не младшій». (Когда разъ проклянули Бораевскимъ осломъ, то Бораевскій оселъ уже непремѣнно наскакивалъ и съ радостнымъ ржаніемъ прибѣгалъ). И сказала Хамыцу сестра: «Будь милостивъ, не напускай осла и я тебѣ дамъ что ты любишь».—«Дай мнѣ Аркызовъ зубъ!» сказалъ Хамыцъ. Она дала ему Аркызовъ зубъ и вставила ему межъ зубовъ. Аркызовъ зубъ былъ на то хорошъ, что если полюбишь какую нибудь женщину, и она не склоняется, то, если покажешь ей Аркызовъ зубъ, она за нимъ пойдетъ, и если мужчина не склоняется (къ ней), то женщина превратится въ змѣю. Когда Хамыцъ взялъ этотъ зубъ, онъ за это не напустилъ на нее осла.

У Алагаевыхъ справлялась свадьба и была у нихъ одна взрослая дѣвица. Уже прежде посылалъ къ ней Хамыцъ (сватовъ), но она не соглашалась и за это онъ былъ на нее сердитъ. Когда она узнала, (что) у Хамыца есть Аркызовъ зубъ, она начала его бояться и сказала: «если Хамыцъ показалъ бы мнѣ свой зубъ, и ко мнѣ не пошелъ бы (т. е. не хотѣлъ бы меня полюбить), я обратилась бы въ змѣю». Поэтому она его остереглась. Хамыцъ завернулся въ сукно и воткнулъ въ воротникъ чеку (?); потомъ онъ бросился въ яму съ грязью и смотрѣли на него люди: «что это за бѣдный человѣкъ!» Услышала это дѣвица, выскочила (изъ сакли) и сказала: «какой жалкій человѣкъ?»—и посмотрѣла на него. Хамыцъ, увидя ее, показалъ ей свой зубъ и сказалъ: «Дѣвка, пусть твой домъ рухнетъ!» Она сказала: «тотъ, отъ кого я оберегалась, ко мнѣ

бáцvдīс ämä jä дäндáг рáіста ämä jіл äі нvссáрфта. Стäі сдá-
бäхī чізг ämä дуўä áхäм хуздáр фéстадīс, ämä Хämýц jä jäхí-
цäн хäзгýл бáкодта. Jýмä ку схýссvдvстv, ўäд vн зáхта: «нä
кýмдтаі мäм ämä äздäр дä дуўä азv фvдáбонäі фämáрдтон».
Чізг дäр ін зáхта: «Äздäр ма дvн ц' кáнон? ц̇ýфvўäрмv дä бáм-
бііи кóдтон»!

VIII. Урvзмäг ämä Сóзрvqo.

Нáртä ämбýрдäі бáдтvстv. Урýзмäг ämä Созрvqo фäххýлvстv. Сóзрvqo áфтä зäг̆ýː мänáн мä ўс дä ўсäі хуздáр ў, мäхáдäгдäр дäўäі хуздáр дäн. Ахсáв áцvд ämä jä ўáтv нvххýссvдī Сóзрvqo, ämä бáфvнäjī. Ку рáіqалī, ўäд рáкастī ämä бон рўхс ссī. Ўäд äм фäсмóн äрцýдīс: Äі, мä куд хцау рáлг̆vста! мä хĭстäрv мä бáхтäрäн [46]) jáхсäі куд фäнáдтон, ўі хузáн äі бáфхäрдтон; äз ма Нáртv äхсáммä куд áцäудvнан! Нvр мä сäр фéсафон; кäн нä, ўäд мänáн хўдvінаг ў». Рáісом сýстадī, jä бäх рáласта jä гáрстä бáбаста ämä jä бáхvл сбáдтī: Мä сäр фéсафон! заг̆гä, áрасткодта. Сатáна хорз ўс удī. Раісом рáци унгтá märстá. Сóзрvqo jіл рáмбäлдī; «Лäппў, кäдáм цäус?» «Мä сäр сáфvн» ämä Сóзрvqo áлvг̆дī. Сатáна зáхта: «Аі! мä хäдзáр куд фёхáлд! нä қáўv ämбĭс фäлīдзv!» [47]) Стäі Сатáна Урýзмäцi Дурдура ájīфтvхта ämä jіл áбадтī. Тýнтv-калáчі сvн сіахс удī: кäд ўмäі бáфсäрмі ўаїд ämä рáздäхīд. Сатáна jäм äрцýдī ämä захта: «Нä сіахс, нä қáўv ämбĭс тäргáі [48]) фäлīдзv ämä jä рáздах!» Ўі дäр jä мáрдтäм дáрäс [49]) jä ўáлä скóдта, jä хäтáн бáхvл сбáдтī ämä Сóзрvqoji сýрvн бáідvдта. Фáрдvцi [50]) бvдýрv jä нijáфта. «Сóзрvqo, рáздäх! кäн нä, ўäд äздäр дéмä мä сäр сáфvн». Сóзрvqo ін зáхта: «Хäрáг фäрсáг [51]) лäг! Дv та мämmá куд бáўäндvдтä!» Цäýн бáідvдтоі jýмä ämä äнäдзýргäjä Іелусанёдмä [52]) нvхäтдзä стv. Jелусанётдонмä Сóзрvqo jäхĭ áппäрста, jä сіахс Чілäхсärттон та

пришелъ». Ускакалъ Хамыцъ, пришелъ въ свой домъ, а дѣвица стала змѣей. Алагаевы сказали Хамыцу: «Сдѣлай милость, приходи къ нашей дѣвушкѣ; мы дали бы тебѣ столько денегъ, сколько она потянетъ!» Хамыцъ сказалъ: «хоть бы я умеръ, не быть тому, чтобы мнѣ пойти къ этой дѣвушкѣ»! Когда прошло два года ея болѣзни, Хамыцъ изъ жалости не могъ на нее смотрѣть; онъ вошелъ туда, вынулъ свой зубъ и потеръ ее имъ. Тогда дѣвушка выздоровѣла, стала еще вдвое лучше и Хамыцъ сдѣлалъ ее своей любовницей. Когда они вмѣстѣ спали, онъ сказалъ ей: «Ты не соглашалась и я за это тебя два года бѣдою мучилъ». Дѣвушка же ему сказала: «А мнѣ что съ тобой (было) дѣлать? Вѣдь я заставила тебя смердѣть въ грязной ямѣ!»

VIII. Урызмагъ и Созрыко.

Нарты соборомъ сидѣли. Урызмагъ и Созрыко поспорили. Созрыко какъ говоритъ: „моя жена лучше твоей, да и я самъ лучше тебя!“ Эту ночь ушелъ Созрыко, легъ въ своей спальнѣ и заснулъ. Когда проснулся, смотритъ — разсвѣло; тогда нашло на него раскаяніе: „эхъ, какъ богъ меня проклялъ: будто конскою плетью я моего старшаго ударилъ,— такъ я обидѣлъ его. Какъ еще среди Нартовъ пойду я? Погублю-ка свою голову, а не то мнѣ будетъ стыдно!“ Утромъ онъ всталъ, вывелъ коня, прицѣпилъ доспѣхи и сѣлъ на коня: „Погублю свою голову! сказалъ онъ и направился.

Сатана была хорошая женщина. Рано утромъ она мела улицу. Встрѣтился ей Созрыко: „Мóлодецъ! куда ѣдешь“? Голову свою погубить!—и Созрыко ускакалъ. Сатана сказала: „Ахъ! чтобъ мой домъ рухнулъ! Половина нашего аула уходитъ!“ Сатана осѣдлала урызмагова Дурдура и на него сѣла. Въ городѣ Тынтѣ былъ у нихъ зять: быть можетъ онъ его постыдится и воротится! (подумала она). Къ нему Сатана пріѣхала и сказала: „Зять нашъ! Половина нашего аула убѣжала, вороти его“! Тотъ свою похоронную одежду надѣлъ, на боевую лошадь сѣлъ и погнался за Созрыко. На Фардыговомъ полѣ онъ нагналъ его. „Созрыко! воротись, а не то и я вмѣстѣ съ тобою свою голову сгублю“. Созрыко

jäxĭ ра́здäр ра́ласта, jä га̊рстä а́калдта ämа̊ до́нъ jäxĭ ба́пäрста. Со́зръqо за́хта: «Хцау дън ма ба́кома! ӯд ӯдъ сäръл [53]) ку нĭчĭ ба́jівта!» ба́ліурдта jäм, jä ра́цахста ämа̊ jä до́нäі ра́давта. Чілäхсäрттон за́хта: «Äз дä ägа́дъ äздя̊хтäі нä а́здäхдънäн, Со́зръqо, фäла̊ ма нън jӯнäг хо ĭс ämа̊ jäм за̊дтä кӯräг сца̊унц, фäла̊ нĭкämä ко́мъ: нър дън, he, ӯі ра́дцънäн. Jелусанäі сä ба̊хтъ дӯхтä ра́здäхтоі, ärцӯ́дъстъ Чілäхсärттонъ хäдя́рмä ämа̊ jä хо́jäн за́хта. «Äз дън сся́рттон хорз моі». Чізг ън за́хта: «Чĭ ӯ? käцо́н ӯ?» Ӯі jін за́хта; «На́ртон Со́зръqо». Стäі чізг скӯ́дта ämа̊ за́хта: «Äз На́ртон лäцĭмä нä схӯ́ссдънäн!» Со́зръqо мäста̊ідаг ärцӯ́дĭс На́ртъ qа̊ӯ́ ällа̊удĭ ämа̊ за́хта: «На́рт а́дäм, зäĭ́ӯ, äз ӯд ägа́с нал дäн: Чілäхсärттóнъ чізг мäм нä ко́мъ; нър ӯ́мäн äфса̊дтä qäӯ́». На́рт за́хтоі: «нä сäфт хуздя̊р ӯ Чілäхсärттонъ чізг нäм кун нä ко́мъ». Фĭдĭӯ́äці [54]) а́рвъстоі ämа̊ нъqqя̊р ко́дта: «Нарт, зäĭ́ӯ, цäун qом чĭ дäр ӯ, удо́нäі jӯнäг дäр фäстіje ма нъллäӯ́äд: Со́зръqоjі äфса̊дтä ба́qудĭ; ärта̊ чĭ ӯ, удо́нäі jу хäдя́ргäс нуӯ́ӓдӯт, дуӯ́ä чĭ у, удо́н дуӯ́а̊ дäр ра́цäӯ́äнт». Ра́ісомі äфса̊дтä ärа̊мбърдъстъ. Кӯ́лъбадä гӯ́сäн äхса́въ лäппӯ́ ра́ігурдĭ; ра́ісомі Урӯ́змäг jӑ фса̊дтъ а́лъфärстъ разълдĭ. Кӯ́лъ-бадäг-ӯсъ лäппӯ́ ärба́ӯ́адĭ: «äз дäр äфса̊дтъ ця̊ун!» Урӯ́змäг за́хта: «дӯ́ссон, лäппӯ́, ра́ігурдтä, а́бон äфса́дъ куд а́цäудънна? Лäппӯ́ ін за́хта: «фондсся̊дя̊ ля̊ці цъ аqа́з дън ба́käноі, ӯі дън äздäр ба́käндънäн». Ӯі ін за́хта: «мä бäхӯ́л мън чĭ фäха̊тдäн?» Ӯ́цъ чісӯ́л лäппӯ́ за́хта: «äз ъл фäха̊тдънäн!» Урӯ́змäг за́хта: «куд фäха̊дънä? Мä бäх äнцо́н фäха̊цäн нäу!» Фäха̊тдънäн дън ъл, за́хта лäппӯ́. «Куд фäха̊тдънä? jä ӯідон дън ку атона, ӯäд ма цäӯ́л нъха̊тдънä?»—Ӯäд та jа бе̊ціккул.—«Jä бе̊цік дън ку а́тона, ӯäд та цäӯ́л нъха̊дънä?» Ӯäд та jä ба́рцъл! «Jä барц дън ку а́тона, ӯäд ма цäӯ́л нъха̊тдънä?» Ӯädтäр ън äз jä цъппа́р ка́хъл нъха̊тдънäн ämа̊ jä мä бӯ́нъ ска̊ндънäн!.

Ӯі фа̊стä хя̊цӯ́н ку ба́ідъдтоі, ӯäд чісӯ́л лäппӯ́ за́хта Урӯ́змägäн: «Кäд тä фäндӯ́, хо́ххäі äз хя̊цо́н, кäд тä фäндӯ́, дä äфса̊дтъ а̊хсäн ха̊тдънäн». Урӯ́змäг ін за́хта: «хорз ӯданĭс ӯ́цъ аххо́с мън ку ба́käнаі; сä са̊рмä ĭс хох: ӯ́рдъгäі ку схя̊цаі, ӯäд хорз

сказалъ ему: „эшакъ, фарсаглагъ! Ты ко мнѣ какъ дерзнулъ (пріѣхать)?“ Они поѣхали вмѣстѣ и, не говоря ни слова, приблизились къ Іелусанеду. Къ рѣкѣ Іелусанедской Созрыко бросился, а его зять Чилахсартонъ сперва спѣшился, раздѣлся и одежду снялъ, затѣмъ въ воду бросился. Созрыко сказалъ: „Чтобъ Богъ тебя не послушалъ! Зачѣмъ ты губишь свою душу за мою“? Онъ прыгнулъ за нимъ, схватилъ его и изъ воды вытащилъ. Чилахсартонъ сказалъ: „Я тебя безславнымъ возвратомъ не ворочу, Созрыко: есть у насъ одна сестра, ее ангелы сватаютъ, но она ни за кого не хочетъ. Эту вотъ самую я тебѣ отдамъ“! Они повернули морды коней отъ Іелусанеда, пріѣхали въ домъ Чилахсартона и онъ сказалъ своей сестрѣ: „Я нашелъ тебѣ хорошаго мужа“. Дѣвушка ему сказала: „кто онъ, изъ какихъ“? Онъ сказалъ ей: „изъ Нартовъ Созрыко“. Тогда дѣвушка заплакала и сказала: „я съ нартскимъ мужемъ не стану спать“. Созрыко полный гнѣва пришелъ, остановился въ нартскомъ аулѣ и сказалъ: „Нарты! Я душею нездоровъ: Чилахсартонова дѣвица за меня не хочетъ. Теперь для этого дружинъ нужно“. Нарты сказали: „лучше намъ погибнуть, если Чилахсартонова дѣвица за насъ не хочетъ“! Послали глашатая и онъ крикнулъ: „Нарты! Кто только можетъ идти, пусть изъ тѣхъ ни одинъ не останется: Созрыко дружины требуются. Кто втроемъ, изъ нихъ одного караульщикомъ дома оставьте. Кто вдвоемъ, пусть оба поѣдутъ“. По утру собрались дружины. У колдуньи ночью родился мальчикъ. По утру Урызмагъ кругомъ обошелъ свои дружины. Прибѣжалъ колдуньинъ мальчикъ: „Я также въ дружинѣ иду“! Урызмагъ сказалъ: „Вчера, мальчикъ, ты родился, какъ ты пойдешь сегодня въ походъ“? Мальчикъ сказалъ ему: „Сто людей какую помощь окажетъ тебѣ, такую и я тебѣ окажу“! Урызмагъ сказалъ: „Кто подержитъ мнѣ коня“? Маленькій мальчикъ сказалъ: „Я подержу“! Урызмагъ сказалъ: „Какъ ты подержишь? моего коня не легко держать“! „Все-таки подержу!“—сказалъ мальчикъ. Какъ тебѣ сдержать? Если онъ тебѣ узду оборветъ, чѣмъ ты его удержишь? „Тогда за холку“! А если холку онъ оторветъ, тогда за что удержишь? „Тогда за гриву удержу“! А

ӯдӑнīс". Лäппӯ ссӯдī хóхмä ämӑ jу сау каркáу стáхтī jä цӯпмä ämӑ jу jä кӑхäi хох нӯццáфта ämӑ jу хóххäi фäсqӯр páхаудта ämӑ калáчi ämбīс хäдӑрттä фӗхалдта ämä сä áдäм сӯн нӯццáхта. Чілäхсäрттóммä удīс Хцаӯäi ӓртӑ фáтӯ; нӯр лäппӯjі хóххӯ цӯппӯ ку фӗдта, ӯäд záхта: „Дīссáг ӯ, мä хóххӯ jу сау хáлонӯ хузӑн īс, ämӑ мӯн мä кáлакдäр фӗхалдта ämӑ мä áдämӯ дäр нӯццáхта". Стäi Чілäхсäрттон Хцáумä скӯвдта: Jo Хцау! кäд мӯн áцӯ фäдтӑ дӯ páдтаi, ӯäд мӯн äi, мäнӑ, ӯцӯ хóххӯсäрӯ чī ӯ, ӯцӯ хáлонӯ хузӑнӯл сämбáлӯн кä!" Стäi фӗхста ämӑ jä кӑхӯл сӑмбäлдīс, ämӑ фат jä ӯäráгäi páзӯндīс. Ӯцӯ рäстӑцi áфтä удīс, ämӑ jу äi ку ахáстоi ӓртӑ áräqӯ [55]) фалёмä, ӯäд jу мäлӑт нä удī. Урӯзмäг läппӯjі j'äккoj ákодта ämӑ jä дуӯӑ áräqän jä фáлije фäкóдта. Сӯрдон Нáртӯ фӯдбӯлӯз удīс. Ӯi Урӯзмäган záхта: „Aha Урӯзмäг! дä äфсӑдтä дӯн фäццáхтoi, дäхӑдäг кӯлӯбадäцi фӯртӯ д'ёккoj скóдтаi ämӑ ӯi хäссӯс". Стäi Урӯзмäг áппäрста läппӯj, ӯцӯ нӯхáс ку фӗqуста ӯäд. Ӯitӯххäi ámардī läппӯ.

Хämӯцӯ фӯрт Батráз ӯäлáрväi käсӯ: Нарт хäцгä qäläг хорз кäнӯнц, фäлӑ нīцӯ фäráзӯнц Чілäхсäрттонäн. Батráз jäхī páӯахта ӯäлáрväi: „Цӯ кӑнӯт, Нарт? Ӯä топпӯ фäздáг хорз ку цäӯӯ, фäлӑ кáлакäi ку нīцӯ qáӯӯт [56]) Áцäӯт ämӑ мä сáрмадӑн äрбáласӯт; кäдтäрá куд ӯдӑнīс, ӯi фӗндӯстӯт." Áцӯдӯстӯ ämӑ ін гáлäідäр läгӑідäр нīцӯ фäráзӯнц. „Ämӑ ма ӯäдӑ ӯмäi äфсӑдтӯ цäӯт?"—зӑгӑ сӯн záхта Батráз. Стäi jäхӑдäг äм áцӯдīс, j'äккoj jä скóдта ämӑ jä ӓрбáхаста сä хäцӑнмä. (Дальнѣйшее сравните въ № III) Ку páліурдта Батráз сӯрх зӯнгäi, ӯäд äм Чілäхсäрттонӯ чізг бáцӯдīс ämӑ ін бáкувдта: „Дä хóрзäххäi, ägáд мä мя фäкӑ; äз páзӯ-дäн дä 'фсӯмäрмä цäӯнӯл!"—Бáräi на, фäлӑ änӑбараi ӯдӯнä páзӯ, ägáдäi дä нä ákändӯнäн, фäлӑ áцӯ гóродäн jä 'мбīс дäр дёмä ákändӯнан.—Ӯi фáстä рáкодтoi Нарт сä ádämäi, хäзнájä, Сóзрӯqoji чíндӣмä, ämä jä хäдáрӯ ӓрӯнцадӯстӯ.

если онъ гриву оборветъ, тогда за что удержишь?“ „Все-таки я его за четыре ноги удержу и подъ себя повалю!“

Послѣ этого, когда начали биться, маленькій мальчикъ сказалъ Урызмагу: „Если хочешь, я буду съ горы нападать, если хочешь,—буду въ твоей дружинѣ сражаться“. Урызмагъ сказалъ ему: „Хорошо будетъ, если такую помощь ты мнѣ оказалъ-бы: на верху надъ ними гора; если оттуда ты нападешь, будетъ ладно“. Мальчикъ пошелъ къ горѣ, взлетѣлъ черной курицей на ея вершину и ударилъ ногой по горѣ; отъ горы отскочилъ кусокъ, обрушилъ половину домовъ города и перебилъ людей. Были у Чилахсартона отъ Бога три стрѣлы; теперь,—увидя мальчика на вершинѣ горы, онъ сказалъ: „Чуднò! на моей горѣ (сидитъ) кто-то подобный черному ворону; онъ и мой городъ разрушилъ и людей моихъ перебилъ“. Вотъ Чилахсартонъ молилъ Бога: „Ой Боже! если ты далъ мнѣ эти стрѣлы, то дай же мнѣ попасть вотъ въ того, кто на верху этой горы и похожъ на ворона“! Онъ выстрѣлилъ, попалъ ему въ ногу и стрѣла изъ его колѣна высунулась. Въ то время было такъ: если кого перенесутъ за три долины, то уже тому смерти не было. Урызмагъ положилъ мальчика на спину и перенесъ за двѣ долины. Сырдонъ былъ злодѣемъ для Нартовъ. Онъ сказалъ Урызмагу: „Ага, Урызмагъ! твою дружину разбили, а ты колдуньина сына на спину положилъ и несешь“. Тогда Урызмагъ бросилъ мальчика, когда услыхалъ эти рѣчи. Поэтому мальчикъ умеръ. Батразъ, Хамыцевъ сынъ, смотритъ съ неба: хотя хорошо бьются Нарты, но ничего Чилахсартону не подѣлаютъ. Батразъ спустился съ неба: „Что это значитъ, Нарты? дымъ вашихъ ружей хорошо идетъ, а городу вы урону не дѣлаете. Ступайте, притащите мою пушку, тогда увидите что̀ будетъ“! Они пошли, но ни быками, ни людьми ничего (съ ней) не подѣлаютъ. „Какъ-же еще послѣ этого вы на войну ходите“? сказалъ имъ Батразъ: Вотъ пошелъ онъ (къ пушкѣ) самъ, взвалилъ ее на спину и принесъ къ мѣсту битвы. (Дальнѣйшее какъ въ № III). Когда выскочилъ Батразъ красный какъ пламя, тогда (сама) пришла Чилахсартонова дѣвушка и просила его: „Будь милостивъ! не срами меня. Я

IX. Сата́на куд ра́ігурдӣ.

Бо́ратъ мад удӣс Саса́на. Ју бон ку удӣ, ӯ́ад ӓм Ӯа́стърцӏ ӓрцъ́дӣ ӓма́ јӓм ба́рвъста лӓг: „мӓхӣцӓндӓ хӓзгу́л ку ба́кӓнӣн“,— заӣгга́. Саса́на за́хта Ӯа́стърцӏјӓн: „Ӓз нӣкӓмӓ ба́комдънӓн мӓхӣ мој а̊ттӓмӓ“. Ӯа́стърцӏ ін за́хта: „Ӓма́ ку а́мӓлаі, ӯ́ад та мън кӓда̊м цӓуду́нӓ? нӓ дӓ нуӯ́ад̆нӓн ма́рдӓі дӓр!“ Стӓі Саса́на ку ма́рдӣ, ӯ́ад курдта́ јӓ фъ́рттӓі—Хӓмъ́ц, Уръ́змӓг ӓма́ Со́зръqojӓ *): „Мӓна́, куд тъхцӏ́н лӓг мӓм ӓнqӣ́рӓн ко́дта, ӯітъххӓі ӯ́ӓ ку́рън, мӓ фъ́рттӓ, ӓма́ мӓ ӓртӑ́хсӓвъ ба́qaqqӓнӯт ӏнгӓнъ“. А́мардӣ Саса́на ӓма́ фътцӓ́г ӓхса́в Уръ́змӓг qа́qqӓдта. Ӯа́стърцӏ ӓрцъ́дӣс ӓмбӣ́сӓхсӓв ӓма́ сбо́нкодта ӓма́ ӓрба́кӓсън ко́дта хӯр ӓма́ а́лчӣ јӓ qомтӓ а́сӄӓрдта qо́мгӓсмӓ. Стӓі за́хта Уръ́змӓг Ӯа́стърцӏјӓн: „Хӣ́нӓіда̊г лӓг! ӯ́мӓі мӓ нӓ фӓса́іду́на“. Фӓба́дтӣ ӯм Уръ́змӓг, фӓqа́qqӓдта ӓма́ ку сбонӣ, ӯ́ад јӓ хӓда́рмӓ а́цъдӣ. Дъкка́г ӓхса́в Со́зръqo ӓрцъ́дӣс ма́рдъ цӯ́рмӓ ӓма́ јӓ ма́дъ qа́qqӓнън ба́ідъдта. Ӯа́стърцӏ та ӓрцъ́дӣ ӓмбӣ́сӓхсӓв ма́рдъ цӯ́рмӓ ӓма́ та сбо́нкодта, а́лчӣ та јӓ qо́мтӓ а́сӄӓрдта qо́мгӓсмӓ. Стӓі Со́зръqo за́хта: „Хӣн лӓг, мӓн ӯ́мӓі нӓ фӓса́іду́нӓ“. Со́зръqo саха́ттӓ нъма́дта ӓма́ ку сбо́нӣ, ӯ́ад ссъ́дӣ јӓ хӓда́рмӓ. Ӯіфӓстӓ хсӓв Хӓмъ́цъ рад ӓрцъ́дӣ qа́qqӓнън јӓ мад. Стӓі та Ӯа́стърцӏ ӓрцъ́дӣс ӓмбӣ́сӓхсӓв ӓма́ сбо́нкодта ӓма́ qо́мгӓсмӓ а́сӄӓрдтоі сӓ qо́мтӓ та. Ӯ́ад за́хта Хӓмъ́ц: „Аі ку сбо́нӣ, хӯр дӓр ку ба́кастӣ, а́лчӣ јӓ qо́мта qо́мгӓсмӓ ку а́сӄӓрдта, ӓз ма цӓма́н ба́дън? Цу́он ӓма́ Алага́тъ чіндӓхсӓвъ ӓздӓр фӓqа́зон“. Ссъ́дӣ чіндӓхсӓвмӓ ӓма́ qа́звдӣс. Стӓі Саса́намӓ Ӯа́стърцӏ ӓрцъ́дӣ ӓма́ фътцӓ́цідӓр јӓхӓ́дӓг је́мӓ схӯ́ссъдӣ, стӓі јӓм јӓ у́рсъ бӯ́ахта, ӯіфӓстӓ јӓм јӓ іга́ръ бӯ́ахта ӓма́ ата́хтӣ ӯӓла́рвмӓ. Стӓі ју лӓппӯ

*) Со́зръqo кӓд јӓ фърт нӓ удӣ, ӯ́ӓдта́р се̊мӓ ца́рдӣ, ӯітъххӓі курдта́.

согласна выйти за твоего брата“!—Не по волѣ, такъ по неволѣ согласна будешь. Я не уведу тебя со срамомъ, но возьму съ тобою половину этого города! — Затѣмъ Нарты взяли у нихъ людей, казну, вмѣстѣ съ Созрыковой невѣстой и отдохнули въ его домѣ.

IX. Какъ родилась Сатана.

Мать Бораевыхъ была Сасана. Однажды пришелъ къ ней Уастырджи и послалъ къ ней человѣка (сказать): „хочу тебя сдѣлать своей любовницей“. Сасана сказала Уастырджи: „Я никого не буду слушать, кромѣ моего мужа!“ Уастырджи сказалъ ей: „когда ты умрешь, куда ты мнѣ (отъ меня) уйдешь, я не оставлю тебѣ и мертвую“! Вотъ когда умирала Сасана, то просила своихъ сыновей Хамыца, Урызмага и Созрыко. *)

„Вотъ, сильный мужъ мнѣ угрожалъ, поэтому прошу васъ, сыновья мои, три ночи караульте меня въ могилѣ“. Сасана умерла и первую ночь караулилъ Урызмагъ. Уастырджи пришелъ въ полночь; разсвѣло и засіяло солнце и всякій выгонялъ свой скотъ къ пастуху. Вотъ и сказалъ Урызмагъ Уастырджи: „лукавый мужъ, этимъ меня не обманешь!“ Онъ остался тамъ сидѣть и караулилъ, а когда разсвѣло, пошелъ къ себѣ домой.

Вторую ночь пришелъ Созрыко на кладбище и сталъ караулить мать. Снова пришелъ Уастырджи въ полночь на кладбище, и опять разсвѣло; всякій погналъ свой скотъ къ пастуху. Тогда Созрыко сказалъ: „лукавый мужъ, этимъ меня не обманешь!“ Созрыко считалъ часы, и когда разсвѣло, пошелъ домой.

На слѣдующую ночь пришла очередь Хамыца караулить мать. Вотъ пришелъ Уастырджи въ полночь, и разсвѣло и всѣ выгнали свой скотъ къ пастуху. Тогда сказалъ Хамыцъ: „такъ какъ разсвѣло, солнце засіяло и всякъ погналъ свой скотъ къ пастуху, то я чего еще сижу? Пойду ка я на свадьбу къ Алагаевымъ и позабавлюсь (какъ другіе)“. И пошелъ онъ

*) Хотя Созрыко не былъ ея сыномъ, но всетаки жилъ съ ними и потому она и его просила.

ärbáцvdïc Алагáтv qáстмä ämå záхта: „Дïссаг näу! Бóратv зäппäдæi чïзцí кåун, бáiräцi ўáсvн ämå кудзvqäвдvнv рåïн цäўv!“ Стäi Урvзмäг äi ку фæqуста, ўäд záхта: „Аi! м’åфсvмäр мä áргäвста: нä бáqaqqäдта нä мáдv“. Нvццvдï íнгäммä ämå фæдта: jä мад нvззáдï чïзг, бáiräг ämå кудзvqäвдvн. Рáiста сä Урvзмäг, jä хäдзármä ráхаста ämå cqóмvл сä кóдта. Чïзг хорс ссï—хундï Сатáна. Бáiräг дäр удïс Урvзмацi qўлóн Дурдýра бäх; кудзvqäвдvн ïгарvкåбvл удïс ämå хорз ïгар ссï.

X. Урvзмäг ämå Сатáна.

Jу бон к’удï, ўäд záхта Урvзмäг Сатáнajän: „Хорз ўс qäлåг vстä ämå мäхïцän дä скåнïн ўс, фäлå хздvíнаг ў, ïскäмän дä рáдтïн,—ämå äвïáу дä“. Ämå záхта Сатáна Урvзмäгän: „Хäрåгул сбад д’árгом фäст’ардäм ämä áцў хäрåгул Нáртv ýнгтv. Jу цvд [57]) ку ákäнаi, ўäд тvл хздцvстv, фäстåмä ку рáздäхаi, ўäд тvл кáдтäр хздцvстv, ўïфäстä ärtvккаг здäх ку ákäнаi, ўäд та áцäудзнä ýнгтäi ämå дvл нïчï ўал фäхздцänïс. Стäi áцvдï Урvзмäг, хäрåгул сбáдтï cqýммä ämå jу цvд ку ákодта, ўäд vл jýлдäр худтvстv; дvккáг цvд ку ákодта ýнгтv, ўäд vл чïсvлдäр хздvн бáiдvдтоi; ärtvккаг цvд ку ákодта Нáртv ýнгтv, ўäд äппvндäр нïчï ўал фäхýдтï. Ўïфäстä Урvзмäг jäхïцän скóдта Сатáна jä ўс, цäрvн та бáiдvдтоi jýмä.

Jу бон к’удïс, ўäд jäм äрåрвvста Сáфaj фvрт лäг. Ўi záхта Сатáнajän: „Сáфaj фvрт мä дäумå äрåрвvста ämå дä кўрv: хäзгýлäн мä ку аiс“. Ўцv рäстåцi Урvзмäг jä хäдзárv нä удï. Сатáна ку нä срáзïс, ўäд ўïфäстä бон Сáфaj фvрт jäхåдäг ärцvдï. Сатáна záхта jä кўсäгтäн: „Áцäўт, ўázäгäн ärбáхäссўт фvс ämå jä хорз фæнўт“. Сáфaj фvрт záхта: „фäïнàрдäм ма дáрдтäр ábадўт“. Стäi jä дзvппäi сvста хäрvнкa, ínнä дзvппäi та фvнг [58]) ämå кäлмàрзäн; jä хäрvнкajä áлiурдта фvс ämå дуўå лäппýjï; удóн áргäвстоi фvс, скóдтоi фvзонцітä ämа сфvхтоi

на свадьбу и забавлялся тамъ. Тогда пришелъ къ Сасанѣ Уастырджи въ могилу и сначала самъ съ нею спалъ, потомъ къ ней пустилъ своего жеребца, а послѣ этого пустилъ къ ней борзаго кобеля и улетѣлъ на небо.

Вотъ одинъ молодецъ пришелъ на игрище Алагаевыхъ и сказалъ: „Не чудно-ли! изъ склепа Бораевыхъ слышны плачъ дѣвочки, ржаніе жеребенка и лай щенка. Урызмагъ, услыхавъ это, сказалъ: „Охъ, зарѣзалъ меня братъ, не укараулилъ онъ нашей матери“! Спустился Урызмагъ къ гробницѣ и увидѣлъ: мать родила дѣвочку, жеребенка и щенка. Урызмагъ взялъ ихъ, отнесъ домой и взростилъ ихъ. Дѣвочка стала хорошенькой и была названа Сатаной. Жеребенокъ же сталъ Урызмаговымъ рябымъ конемъ Дурдуромъ, щенокъ-же былъ борзымъ щенкомъ и сталъ хорошимъ борзымъ псомъ.

X. Урызмагъ и Сатана.

Однажды Урызмагъ сказалъ Сатанѣ: вѣдь ты стала красивой женщиной, я сдѣлалъ бы тебя своей женою, но стыдно; отдалъ бы кому нибудь тебя (замужъ), да жаль тебя. Сатана сказала Урызмагу: сядь на эшака задомъ на передъ и поѣзжай на эшакѣ по Нартскимъ улицамъ; когда одинъ конецъ ты будешь дѣлать, надъ тобою будутъ смѣяться; когда назадъ повернешь, надъ тобою немногіе (только) будутъ смѣяться, а послѣ этого, какъ третій оборотъ будешь дѣлать и опять поѣдешь по улицамъ, то никто уже больше не станетъ смѣяться. Урызмагъ отправился, сѣлъ на эшака на выворотъ и, когда одинъ конецъ дѣлалъ, всѣ надъ нимъ насмѣхались; когда второй конецъ дѣлалъ по улицамъ, лишь немногіе стали смѣяться, а какъ третій конецъ дѣлалъ по Нартскимъ улицамъ, то уже совсѣмъ никто не смѣялся. Послѣ этого Урызмагъ сдѣлалъ Сатану своей женою, и стали они жить вмѣстѣ.

Однажды сынъ Сафа послалъ къ Сатанѣ человѣка. Онъ сказалъ Сатанѣ: „Сынъ Сафа послалъ меня къ тебѣ и проситъ тебя: „„будь мнѣ любовницей.““ А въ это время Урызмагъ дома небылъ. Такъ какъ Сатана не согласилась, то на другой день пришелъ къ Сатанѣ самъ сынъ Сафа. Сатана сказала своимъ служителямъ: „ступайте, принесите гостю барашка и хорошенько

фvд, сцӑдта кодтоі ӕфтӕмӕі ӕхсавӕр. Хард ку фӗстv, ӳӕд Сӕфај фvрт сіста јӕ хӕрvнӄа, јӕ кӑлмӕрзӕн, јӕ фvнг ӕмӑ цӕвӑрдта сӕ јӳлдӕр, кӳсаг ӳӕд [59]) хӕрvінаг ӳӕд, јӕ дзvпмӕ. Сатӑна јӕ бӕфарста: «Ӳцv хӕзнӑтӕ нӥцӕӳл ӕӳӕі кӑндзvнӕ?» Сӕфај фvрт зӕхта: «Ӕз дӕ рӑгӕі рӑрвvстон; кӕд ӕхсӕв нӕ хуссӑн ју ӳдзӕнӥ, ӳӕд тvн рӑдцvнӕн ӳцv хӕзнӑтӕ јӳлдӕр». Сатӑна ӕрцӳдvкодта ӕмӑ зӕхта: «Цvдӑріттӕр ӳӕд, цӕі ӕмӕ ӕрбӑканон Сӕфај фvртv». Ӕрбакодта јӕ ӳӕтмӕ ӕмӑ јӳмӕ схӳссvдvстv. Рӕісомі Сӕфај фvрт ӕтахтӥс ӕмӑ нуӳӕхта јӕ дзӕуматӕ Сатӑнајӕн; нуӳӕхта бӑрӕі јӕ зӕнгӕітӕ цӕмӑі сӕ фӗна Урvзмӕг ӳітvххӕі. Урvзмӕг ку'рцvдӥс, ӳӕд јӕ ӳӕтмӕ јӕ кард ӕмӑ јӕ топ бахаста: «Ам сӕ цӕвӑрон, зӕгӑ». Ӯм јӕ хуссӑнгӕрстv цӯр јӕ сvнтӕці фӗдта Сӕфај фvртv дуӳӕ зӕнгӕјі. Ӳӕд зӕхта Урvзмӕг: «Сатӑна, Сатӑна! ӕфтӕ нӕ зӕхтаі нӕ [60]): нӥчӥ мӕ фӕсӕідӕн!» Нvр мӑнӑн дӗмӕ цӕрӑн нал ӥс; мӕ сӕр ӥску фӗсӕфон!» Стӕі јӕхӏ цӕдтӑ кӑнv, сбӑдтӥ бӑхvл ӕмӑ ӕцvдӥс. Сатӑна ӯі ку фӗдта, ӳӕд зӕхта: «Нvр ӕз мӕхӥ лӕці дӕрӕстӕ ку нӕ скӑнон, ку нӕ ӕцӕӳон јӕм ӕмӑ ін мӕ хӕзнӑтӕ ку нӕ рӕвдӥсон, ӳӕд мӑнӑн ӕмӑ Урvзмӕгӑн јӳмӕ цӕрӑн нал ӥс». Стӕі скӗдта лӕці дӕрӕс ӕмӑ сбӑдтӥ бӑхvл ӕмӑ ӕцvдӥ Урvзмӕці ӕгурvммӕ. Сӕмбӑлдӥс vл Тӑрqv бvдvрv ӕмӑ јӕм фӕдзvрдта: «Дӕ фӑндӕг-раст, [61]) хорз лӕг, кӕдӕм цӕус?» Ӯі ін зӕхта: «Мӕ сӕр сӕфvммӕ!» Ӳӕдтӑр ӕхсӕв [62]) јума ӕрvнцајӕм, зӕхта Сатӑна. «Хорз, ӕрvнцајӕм, Хцӕӳӕі бӳзнvг, ӕхӕм ӕмбӑл ку ӳа!» Арvнцадvстv јӳмӕ ӕмӑ Урvзмӕг зӕхта: «Нvр цv бӑхӕрӕм?» Дv qvг ма кӕ хӕрvінаці тvххӕі, зӕхта Сатӑна, ӕз ссӑрдзvнӕн хӕрvінаг. Ӕхсӕвӕрафон ку ссӥ, ӳӕд Сатӑна јӕ дзvппӕі сіста хӕрvнӄа, кӑлмӕрзӕн ӕмӑ фvнг ӕмӑ сцӑдтӕ кӗдтоі ӕхсӕвӕр. Фӕсӕхсӕвӕр јӕ дзӕуматӕ цӕвӑрдта јӕ дзvппv ӕмӑ ін зӕхта Урvзмӕг: «Нӥцӕул ӕӳӕі кӑндзvнӕ ӳцv дзӕуматӕ, хорз лӕг?» Хорз лӕг! зӕхта Сатӑна, ӕз удӗн ӳӕі нӕ ӕкӑндзvнан, фӑлӑ ју qудтӕг чӥ бӑкӕна, ӳмӕн рӑдцvнӕн сӕ». Урvзмӕг зӕхта: «кӕд лӕг дӕн, ӳӕдтӑр ӕз бӑкӑндзvнӕн!» Стӕі ӕхсӕв јӳмӕ ӕрхӳссvдvстv ӕмӑ зӕхта Сатӑна Урvзмӕгӑн: «Рӕздах дӕ фӕстӕгӕрдӕг!» Урvзмӕг ӯі ку бӑкодта, ӳӕд Сатӑна сіста дӯр, бӑтvхта јӕ нvмӑттv ӕмӑ јӕ бӑхац-бӑхацкӑнv Урvзмӕці

угостите его". Сынъ Сафа сказалъ: „сядьте-ка кругомъ шире!" Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана ножичекъ, а изъ другаго кармана столикъ и платокъ. И выскочила изъ ножичка овца и два молодца; они зарѣзали овцу, сдѣлали шашлыкъ, сварили мясо и такимъ образомъ изготовили ужинъ. Когда ѣду кончили, сынъ Сафа взялъ свой ножичекъ, платокъ и столикъ и положилъ все, и прислужниковъ, и пищу въ свой карманъ. Сатана спросила его: „ты ни за что не продашь эти вещи?" Сынъ Сафа сказалъ: „я прежде засылалъ къ тебѣ: если эту ночь вмѣстѣ поспимъ, я отдамъ тебѣ всѣ эти вещи". Сатана подумала и сказала: „что-бы ни было, дай позову сына Сафа!" И она пригласила его въ свою спальню и они спали вмѣстѣ. По утру сынъ Сафа улетѣлъ, оставилъ свои вещи Сатанѣ, а также оставилъ свои ногавицы нарочно, чтобъ ихъ увидѣлъ Урызмагъ. Когда Урызмагъ пришелъ, то понесъ въ спальню шашку и ружье; „положу-ка ихъ здѣсь"—сказалъ онъ. И увидѣлъ онъ около постели на кровати обѣ ногавицы Сафова сына. Тогда сказалъ Урызмагъ: „Сатана, Сатана! не такъ-ли говорила ты: „никто меня не обманетъ!" теперь я не стану болѣе жить съ тобою, погублю какъ нибудь свою голову!" Затѣмъ онъ изготовляется, сѣлъ на коня и уѣхалъ. Сатана, увидя это, сказала: „теперь, если я не надѣну на себя мужскаго платья, не пойду къ нему и не покажу ему моихъ вещей, то тогда мнѣ уже болѣе не жить съ Урызмагомъ". Вотъ надѣла она мужское платье, сѣла на коня и поѣхала искать Урызмага. Она встрѣтила его на Таркскомъ полѣ и сказала ему: „прямой путь тебѣ, добрый человѣкъ, куда ѣдешь?" Онъ сказалъ ей: „(ѣду) голову сгубить!" И сказала Сатана: „все же одну ночь отдохнемъ вмѣстѣ". „Хорошо, отдохнемъ, благодарю бога за такого товарища". Они стали вмѣстѣ отдыхать и сказалъ Урызмагъ: „что-же мы поѣдимъ?" Сатана сказала ему: „не безпокойся о ѣдѣ, я найду пищу". Когда наступило время ужина, Сатана вынула изъ кармана ножичекъ, платокъ и столикъ и они изготовили ужинъ. Послѣ ужина она положила свои вещи въ карманъ, а Урызмагъ сказалъ ей: „Ни за что ты не продашь этихъ вещей, добрый человѣкъ?" Сатана сказала: „Добрый человѣкъ! я ихъ не продамъ, но одно дѣло кто сдѣлаетъ, тому

фа́ста́г ӓрда́гул. Раісомі Сата́на за́хта Уры́змӓгӓн: «Нур кӓда́м лы́хтӓ мӓна́і? ду лӓг ку дӓ, ӓз та Сата́на, ӓма́ дӓ ку фӓса́ідтон; ӳӓд мӓн лӓг куд нӓ фӓса́ідтаїд а́цу да́умаји тухха́і?» Ӳіфӓстӓ сӓ хӓда́рмӓ ра́цудусту, а́фтӓ та ӓнго́мӓі ца́рдусту.

XI. Уры́знӓг, Хӓмы́ц ӓма́ Со́зрuqo.

Бо́ратӓ хӓты́ну ца́ӳн фӓнд ско́дтоі—Уры́змӓг, Хӓмы́ц ӓма́ Со́арuqo. На́ртu хі́дuqӳ́смӓ [63]) ку нuццу́дustu, ӳӓд Suфuттӓр [64]) ӓрба́мбӓлдӣ suн. Ӓрца́нстоі Suфuттӓрu: «А́рфӓ нun ра́кӓ, [65]) зӓ́ггӓ!» Suфuттӓр suн за́хта: «А́ӳадзӳт мӓ ӓма́ фӓлла́гфарсӓі ӓрба́рфuтӓ ка́ндunӓн». А́ӳахтоі jӓ; Suфuттӓр сӓм дӳ́ru: «Ӓрба́іqӳсӳт мӓм: а́хӓм раст фӓнда́г фӓӳ́ут [66]) ӓма́ а́хӓм мі́т ӓрӳ́ра́д ун, нӓ́дujӓн jӓ цӳ́п кун нал зunна́; бӓла́suбun ба́ззajӳт ju кӳ́рі, ӳӓ да́бurубuнтӓ ба́хӓрӳт!» Удо́н за́хтоі: «Цӓӳ́ам — ӓма́ фuduвӓндаг ка́ндustӓм, а́здӓхӓм—ӓмӓ хӳ́dінаг». Ра́здӓхun suн хӳ́dінаг уді; а́раст ко́дтоі, ра́цudustu ӓма́ suл ӓцӓгка́дӓі dunцір мі́т нуӳ́арді. Ба́ззадustu ӳм ju са́батӓі і́ннӓ са́батмӓ, нал уді сӓм хӓры́нагдӓр ӓма́ су́нгӓгusтu. Стӓі ju сӓла́вur suл а́луі́гді; ра́цахстоі jӓ, а́ргӓвстоі jӓ, jӓ фud un ба́хордтоі, jӓ ца́рмул та ін тӓрхо́н ко́дтоі. Хӓмы́ц за́хта: мӓна́н ӓі ра́дтӳт! Уры́змӓг та: мӓна́н ӓі ра́дтӳт; ӳі фӓстӓ Созрuqo за́хта: «Нӓ jіл ба́фі́дaудustӓм, фӓла́ ӓмбі́сондтӓр чі ӓрхӓссá, сӓла́вurцарм ӳмӓн ра́дцustӓм. Цӓі, Хӓмы́ц, ду нur ӓмбі́сонд ра́кӓ!» Хӓмы́ц за́хта: «ju сӳ́ангул ӓрца́іцudтӓн, авд Ӳ́астurці́ij ju ран тӓрхо́н ко́дтоі. Мӓ топ фе́лвастон, нuггарах сӓ ла́стон, ӓрта́ ӳм а́ззадustu, цuппа́р Хца́ӳu ра́змӓ qастма́ а́цudustu, нur дӓр мӓны́л qаст кӓны́нц. І́нна сӳ́ангул та ӓрцу́дтӓн: авд Ӳ́аціллаjі тӓрхо́н кӓны́нц. Удо́н дӓр та фе́хстон: цuппа́р ӳм а́ззадustu, ӓрта́ Хца́ӳu ра́змӓ qа́стмӓ а́цudustu; а́фтӓмӓі Ӳ́аціллаjӓ Ӳ́астurці́jӓ авд а́мардтон, а́вдӓі та мӓ Хца́ӳu ра́зu qаст кӓны́нц».

J'а́мбӓлтӓ за́хтоі: «Хӓмы́ц, зӓ́ггӓ, ӳі dun фudа́бон ку нӓ уді. Цӓі ма, Со́зрuqo, нur та ду ра́дӳ́р!» Со́зрuqo ра́дurдта: «Мӓна́н

ихъ отдамъ". Урызмагъ сказалъ: „хоть я и мужчина, а всетаки сдѣлаю!" Вотъ они вмѣстѣ легли спать ночью и сказала Урызмагу Сатана: „поверни ко мнѣ...." Урызмагъ сдѣлалъ это, а Сатана взяла камень, завернула въ бурку и..... По утру Сатана сказала Урызмагу: „Ну, куда ты отъ меня бѣжалъ? Вѣдь ты мужчина, а я Сатана и (всеже) тебя соблазнила. Какъ же меня не соблазнилъ бы мужчина этими вещами?".

Послѣ этого они отправились домой и жили такъ-же дружно, какъ прежде.

XI. Урызмагъ, Хамыцъ и Созрыко.

Бораевы задумали пойти воровать—Урызмагъ, Хамыцъ и Созрыко. Когда они спустились къ Нартскому мосту, имъ встрѣтился Сыфыттаръ. Они поймали Сыфыттара: „напророчь намъ добро", сказали они. Сыфыттаръ сказалъ имъ: „отпустите меня и съ той стороны я благословлю васъ". Они пустили его. Сыфыттаръ говоритъ имъ: „Послушайте меня: такъ счастливъ пусть будетъ вашъ путь и чтобъ такой на него пошелъ снѣгъ, чтобы не было видно вершины ели; оставайтесь подъ деревомъ цѣлую недѣлю и съѣшьте подметки вашихъ сапоговъ". Они сказали: „Если пойдемъ—несчастный путь сдѣлаемъ, а вернемся—стыдно". Вернуться назадъ было имъ позорно. Они отправились, поѣхали и въ самомъ дѣлѣ выпалъ большой снѣгъ; оставались они тутъ отъ одной субботы до другой, нечего было ѣсть и были они (сильно) стѣснены. Вотъ выбѣжала на нихъ векша; они поймали ее, зарѣзали, съѣли ея мясо, а о шкурѣ стали судить. Хамыцъ такъ сказалъ: „мнѣ ее дайте!" Урызмагъ-же сказалъ: „мнѣ ее дайте!" А затѣмъ Созрыко сказалъ: „Мы не согласимся о ней, но кто разскажетъ самое чудесное, тому и отдадимъ векшину шкурку. Ну-ка, Хамыцъ, теперь ты сказывай (свое) приключеніе!" Хамыцъ сказалъ: „я проходилъ одной горою: семь Уастырджіевъ на одномъ мѣстѣ судъ чинили. Я вынулъ ружье и пустилъ въ нихъ выстрѣлъ; трое тамъ остались, а четверо къ Богу жаловаться пошли и теперь еще на меня жалуются. Шелъ я опять другою горою; семь Уацилловъ судъ чинятъ. Въ нихъ также я выстрѣлилъ, чет-

Тӧнтӕлачі хӕзгӯл удӏ. Ју бон к᾽ удӏ, ӯӕд мӕ бӕх рӕластон, мӕ кӕрдӕ бос мӕ тӧппӕбосмӕ ӯӕлӕ сбӕстон. «Ӕз мӕ ӏскӕі ӯсӕ [67]) ку нӕ бӕсгарон, [68]) ӯӕд ӕі нӕ нуӯӕдӕнӕн!» Цӕӯн бӕідӕдтон. Ју кӯрӏ ма цӕӯн ку qӯдӏс мӕ хӕзгӯлмӕ, ӯӕд Хӧзӕбӕдӯрӕ ју фӏјау нӕqqӕркодта: «Аі, Нӕртӕ Сӧзрӕqо нӕ дӕ?» Бӕгу дӕн, зӕӏгӕ зӕхтон. «Кӕдӕм ма цӕус? Дӕӯӕн дӕ хӕзгӯл нӕр ју кӯрӏ јіл цӕӯ́ кӕдӕі ӕмардӏ». Ӕз скӯдтон ӕмӕ зӕхтон: «Ӯӕдтӕр бӕцӕудӕнӕн ӕмӕ јӕ скӕхдӕнӕн ӏнгӕнӕі, мӕхӕдӕг дӕр ӕм кун нӕххӏзон ӕмӕ јӕ куд сӏсон». Стӕі ӯрдӕгӕі ӕцӕдтӕн ӕмӕ фӕндӕгул ју бӕндӕн мӕл сӕмбӕлдӏ ӕмӕ кӕм ӕдарӏгвӕјі ку та ӕрбӕтӕмбӕл вӕјі. Ӯрдӕгӕі ӕцӕдтӕн ӕмӕ зӕхмӕ ӕркӕстӕн: сӕрӕкдӕбӕр ӕмӕ худӕрдӕбӕр кӕрӕдӏул стӯхтӕстӕ ӕмӕ худӕрӕн дӕбӕр тӕхцӏндӕр кӕнӯ. «Ӯрдӕгӕі бӕцӕдтӕн ӯӕлмӕрдмӕ мӕ хӕзгӯлӕ ӏнгӕмма, скӕхтон јӕ ӕмӕ дӕ нӕххӯстӕн; дӯрӕі мӕ бӕмбӕрстоі ӕмӕ ӯм ју кӯрӏ бӕззадтӕн. Мӕ хӕзгӯл мӕл ку бӕмбӕдӏ, ӕмӕ мӕн смӕгкӕнӕн ку бӕідӕдта, ӯӕд ӕз схӯстӕн ӏнгӕнӕі. Ӏнгӕнӕ к᾽ удтӕн, ӯӕд ӯм фӗqустон: мӕ хӕзгӯлӕн јӕ мад ӕмӕ јӕ фӕдӕ ӏнгӕнӕі кудӯqӕвдӕнтӕ рӕїн. Стӕі ӕцӕдтӕн ӕмӕ бӕцӕдтӕн м᾽ӕмдӯӕрцӏммӕ ӕмӕ јӕ бӕфарстон: «Дӕ хӧрзӕххӕі, зӕӏг мӕн, м᾽ӕмдӯӕрцӏн, мӕ хӕзгӯлӕн јӕ мад ӕмӕ јӕ фӯдӕ ӏнгӕнӕі кудӯqӕвдӕнтӕ рӕїн цӕмӕн qӯсӯ?» М᾽ӕмдӯӕрцӏн зӕхта :удӧн ӯітӕххӕі ӕфтӕ стӕ, ӕмӕ мӕгӯрӕн кӕрдӯ́н нӕ лӕвӕрдтоі ӕмӕ јін тӕрӏгӕд нӕ кӧдтоі, бӕлцӧнӕн кӕрдӯ́н нӕ лӕвардтоі ӕмӕ ӯітӕххӕі удӏс. «Нӧцӏ дӕр ма фӗдтон фӕндӕгул ју бӕндӕн ӕмӕ ку ӕрбӕтӕмбӕл вӕјі ку ју ӕдарӏгвӕјі; ӕз јӕ сӯстон ӕмӕ јӕ ӕппӕрстон мӕ јӕхсӕ фӯ́ндӕі фӕсфӕндагмӕ. Ӯцӕ ӕмбӏсонд цӕмӕн ӯ?» Ӯі мӕн зӕхта: «Ӯі ӯітӕххӕі ӯ, ӕма ӯӕрӕн баідаідӕстӕ дуӯӕ 'фсӕмӕрӕ дӕр, фӕд ӕмӕ фӯ́рт дӕр ӕмӕ удӧн зӕх бӕрдӕстӕ, ӯітӕххӕі ӕмбӏсонд ӯ».

Ӯрдӕгӕі ку рӕцӕдтӕн, ӯӕд фӗдтон: худӕрӕн дӕбӕр ӕмӕ сӕрӕкдӕбӕр хӕцӯ́дӕстӕ ӕмӕ худӕрӕн дӕбӕр тӕхцӏндӕр кӧдта. Ӯцӕ ӕмбӏсонд цӕмӕн ӯ? Ӯі мӕн зӕхта: «Ӯӕздӕн ӕмӕ сӕулӕг ју сӯдӕстӕ ӕмӕ сӕулӕг тӕхцӏндӕр кӕндӕн».

Сӧзрӕqо ӯцӕ ӕмбӏсонд ку рӕдӕрдта, ӯӕд ӕн јӕ'фсӕмӕртӕ зӕхтоі: «Ӯі дӏссаг нӕу: ӕцӕг дӏссӕг ӯі ӯ, ӕмӕ ӏнгӕнӕ кӕі фӕдӕ, фӕлӕ ӏннӕтӕ кӕі фӗдтаі, удӧн дӏссӕг нӕ стӕ; дӕумӕ дӕр нӕ qӯсӕм, Сӧзрӕqо, ӯцӕ дӏссаг нуӯӕд».

веро тамъ остались, а трое къ Богу жаловаться отправились. Такъ изъ Уацилловъ и Уастырджіевъ я семерыхъ убилъ, а семеро Богу на меня жалуются".

Товарищи сказали: „Хамыцъ, вѣдь это для тебя не было несчастьемъ. Ну-ка, Созрыко! теперь ты разсказывай!" Созрыко разсказалъ: „У меня въ городѣ Тынтѣ была любовница. Однажды я вывелъ коня и надѣлъ на себя перевязь шашки и ружья: „Дай, думаю, посмотрю мою любовницу!" Я отправился въ путь. Когда мнѣ оставалось еще недѣлю ѣхать до любовницы, вотъ на Хозскомъ полѣ закричалъ мнѣ бараній пастухъ: „Эй, не ты-ли Нартъ Созрыко?" „Конечно я", сказалъ я. „Куда еще ѣдешь? Вѣдь твоя любовница уже недѣля идетъ, какъ умерла!" Я заплакалъ и сказалъ: „Все-таки я поѣду, выкопаю ее изъ могилы, самъ туда спущуся и ее достану". Потомъ я поѣхалъ оттуда и попалась мнѣ на пути веревка — и то она удлиняется, то сокращается. Оттуда я поѣхалъ далѣе и усмотрѣлъ на землѣ: сафьянный сапогъ и сапогъ изъ свиной кожи вмѣстѣ сцѣпились и сапогъ изъ свиной кожи пересиливаетъ. Оттуда пріѣхалъ я къ могилѣ своей любовницы, выкопалъ ее и спустился; меня покрыли камнемъ и я оставался тамъ одну недѣлю: Когда моя любовница разложилась и начала смердѣть, тогда я вылѣзъ изъ могилы. Когда я былъ въ могилѣ, то тамъ услышалъ, что въ могилѣ матери и отца моей возлюбленной лаютъ щенки. Потомъ я пошелъ, пришелъ къ своему куму и спросилъ его: „Пожалуйста, скажи мнѣ, куманекъ, что это изъ могилы матери и отца моей возлюбленной слышится лай щенятъ?" Кумъ сказалъ: „это потому такъ, что они не давали хлѣба бѣдному и не сострадали ему, и путнику не давали хлѣба, потому это такъ". Вотъ далѣе я видѣлъ на дорогѣ веревку,—и она то укорачивается, то удлиняется; я поднялъ ее и отбросилъ концемъ плети съ дороги. Это что за чудо?" Онъ сказалъ мнѣ: „Это потому, что начнутъ дѣлиться братъ съ братомъ, отецъ съ сыномъ и станутъ они мѣрить землю: вотъ что значитъ эта диковина". Какъ оттуда отъѣхалъ, увидѣлъ я: сапогъ изъ сафьяна и сапогъ изъ свиной кожи дрались, и сапогъ изъ свиной кожи оказался сильнѣе. Эта диковина что означаетъ?" Тотъ сказалъ мнѣ: „узданъ и просто-

Стäі Урӳзмäг äмбӏсонд дӯрӕн рäідӕдта: «Ӯäстӕрцӏій ӯсмä сцӳдтäн, хорз мӏнӕс мӕн фäккäнӕн кóдта. Äз ӕн зäхтон: «Мä зäрдä дäм баqäзӕдӏс!» Ӯмäн qӕг фäкäстӏс ӯцӕ нӕхäс ämä бäцӕді ӯäтмä, рäіста нӕмäттӕн jäхс ämä мä ку нӕццäфта, ӯäд äз фёстäдтäн гäбäр гäдца. Стäі äцӕдтäн ämä зӕлдтäн [70]), кäд мӕн ӏсчӏ ӄäбäр äвäрӏд; кӳӏтä та мä фäстä цӕдӳстӕ, äз зäінаг бäдäн ämä нійäрттон кудӳ қäвдӳнтä. Jу бон кʾудӏ, ӯäд jу кӳпец мӕл äрбäфтӕдӏс ämä зäхта: «äцӕ qӕqqäг гадцаjі ку äкäнӏн, ӯäд мӕн мä фӳстä qäqqäнӏд». Äкодта мä ämä мä бäбаста; ärцäухта мӕн цäхцӏн фäхсӳн [71]) мäʾфцäгул. Бäхордтон ämä бäфсäстäн. Ӯäлӕнці авд бӏräӏг äрбäпӕдӕстӕ дӯärмä ämä зäхтоі мӕн: «бäӯад нä ämä дäӯäндäр ӯдäнӏ ämä мäхäндäр, Нäртӕ Урӳзмäг!» Äгäпп сäм лäстон ämä äвдӕ дäр äргäвстон, мäхäдäг сёппäттäр jӳмä цäвäрдтон. Рäісомі кӳпец сбäдтӏ ämä ку рäцӕдӏ, ӯäд фёдта бӏräӏтä jä дӯärмä äргäвстäі; бäцӕдӏс ämä мӕн бäтä нӕккодта. Сёппäттäр фёqустоі: кӳпецмä äхäм гäдца ӏс ämä бӏräӏтän сä мӕккäг сӄӳнӕ. Іннä кӳпец Käсгóн зäхта: Äз äі мäхӏмä ку нä äркäнон, ӯäд нä ӯдäнӏс». Стäі мä äркóдта ämä мӕн ärбäхаста фäрäці кärдӳнтä. Äхсäв нӕххӳссӕдтäн ämä мäрдтäн сӕдäі. Стäі мäм ärбäцӕдӕстӕ дӯärмä авд бӏräӏг ämä мӕн зäхтоі: «бäӯад нä, Урӳзмäг, сӕдäі ку мäлӳс, мäхäндäр ӯдäнӏ дäӯäндäр!» Äз бäкодтон дӯär; ärбäцӕдӕстӕ ämä ärгäвдӕн бäідӕдтоі, мäхäдäг дäр фӳдтäр ärгäвстон фӳстä ämä сä нӕццäхтам jӳлдäр. Рäісомі мäм фóсӕ хӏцау ärцӳдӏ; äздäр тäрстän ämä зäхтон: «кäултӕ äліурон?»—äдон мä нämдӳстӕ— бäзӕдтон äі. Фóсӕ хӏцау ärбäгäпп мäм лäста ämä мä нämӳн бäідӕдта, мä ӄӳлдӕм мӕн нӕммӳркодта. Ӯрдӕгäі рäлӕхтän ämä та мä фӳтцаг хӏцаумä äлӕхтän ämä jä дӯärмä нӕххӳссӕдтäн. Ӯі мäм ärдӳдӏс ämä зäхта: «Урӳзмäг käі дä, ӯі зóнӕн. Іс äхäм хос ämä та Урӳзмäг цämäі фёстаі; äз дӕн бäцамондӕнän. Ӯäстӕрцӏій ӯсӕ хäдäрмä та äцӯ; ӯі дӕн цӕмгäл [72]) скäндäнӏ ämä кӳстӕ jä рäвгäндäнӏ; ӯі дä нал бäзондäнӏс, Урӳзмäг дä äвӳ нä. Дӕ jäм ку бäцäӯаі, ӯäд дä кäдӏл кӳсӕ jу фäттӳсс. Ӯäд дäм фämäстӕ ӯдäнӏс ämä jäхсäі дä нӕццäфдäнӏс; ӯäд та фёстдӕнä Урӳзмäг». Ӯі ку фёqустон, ӯäд бäцӕдтän Ӯäстӕрцӏій ӯсӕ хäдäрмä, ämä

людинъ будутъ одно и то-же (сравняются) и простолюдинъ окажется сильнѣйшимъ".

Когда Созрыко разсказалъ это чудо, братья сказали ему: „Это не удивительно! Правда удивительно, что ты былъ въ могилѣ, но другое, что̀ ты видѣлъ, не удивительно. Мы не слушаемъ тебя болѣе, Созрыко̀, оставь это чудо".

Затѣмъ сталъ Урызмагъ разсказывать чудесное: „Я пріѣхалъ къ женѣ Уастырджи, она сдѣлала мнѣ хорошее угощеніе. Я сказалъ ей: „Мое сердце по тебѣ взыгралось!" Ей стало досадно на эти слова, вошла она въ спальню, взяла войлочную плетку, ударила меня, и сталъ я паршивой сукой. Я побѣжалъ и искалъ, не дастъ-ли мнѣ кто нибудь кусокъ. Собаки ходили за мной; я забеременѣлъ и родилъ щенятъ. Однажды повстрѣчался мнѣ одинъ купецъ и сказалъ: „возьму-ка я эту злую суку, чтобъ она стерегла моихъ овецъ". Онъ взялъ меня, привязалъ меня и повѣсилъ мнѣ на шею соленую баранью тушу. Я поѣлъ и насытился. Между тѣмъ подошли къ двери семь волковъ и сказали мнѣ: „пусти насъ, и тебѣ будетъ и намъ, Нартъ Урызмагъ!" Я выскочилъ на нихъ: семерыхъ зарѣзалъ и самъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ сложилъ. Утромъ купецъ всталъ и, выйдя, увидѣлъ у двери зарѣзанныхъ волковъ. Онъ вошелъ и цѣловалъ меня. Всѣ услыхали, что у купца такая собака, что̀ волчью породу рветъ. Другой купецъ Кабардинецъ сказалъ: „не быть тому, чтобъ мнѣ ея не добыть!" Вотъ онъ добылъ меня и привязалъ мнѣ чурековъ изъ отрубей. Ночью я легъ и умиралъ съ голоду. Вотъ пришли ко мнѣ къ двери семь волковъ и сказали: „Пусти насъ, Урызмагъ, вѣдь ты съ голоду умираешь; будетъ и намъ, и тебѣ". Я отперъ дверь, они вошли и начали рѣзать. Я самъ также барановъ крѣпко рѣзалъ и мы перебили ихъ всѣхъ. Утромъ пришелъ ко мнѣ хозяинъ скота. Я боялся и сказалъ (себѣ): куда мнѣ выскочить? (я зналъ, что они меня будутъ бить). Хозяинъ скота набросился на меня, началъ меня бить и наколотилъ мнѣ спину. Я убѣжалъ оттуда, прибѣжалъ къ моему первому хозяину и легъ у его двери. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Ты Урызмагъ, я это знаю. Есть такое средство, что ты опять станешь Урызмагомъ; я научу тебя. Ступай

мун хамбок ку скодта, ўад äз ку мä кäдӏл ку мä ках фäттустон кўсумīдäг. Ўі мäм фамасту ī амä мä нуццафта та ўцу jахсäі. Стäі фестадтäн Урузмäг, футцаг куд удтан афтä. Ўастурцij ўс захта: «Урузмäг, qуг мун удӏс дä käі бафхардтон». Äз ун зäхтон: «бäргä мун фудабон фäккодтäі, фäлä дун Хцау äгӏгад ўад [73]). Дäутуххäі мänул кўитä фäлīурдтоі амä qäвдунтä нijарттон. Нур ўі ў амä jумä кўрцäўіккам?» Ўі мун захта: Ўастурці бäлцу ӏс амä кäд нä äрцäўа áхсäв, ўад jумä фäўдустäм». Ўцу äхсäв нулäудтäн амä Ўастурці нäрцудӏс. Ўалунці jумä схўссудустäм амä раісом сустадтäн амä мä зäнгоітä ум бараі нуўахтон. Стäі Ўастурці äрцудī, jä бäх бабаста бäхбаттänул [74]) амä jä гарстä бахаста ўатмä. Бакастīс амä läўунц Урузмäці зäнгоітä. Ўäд jä ўсäн Ўастурці захта: «Хцау дун ма бакома! Урузмäці зäнгоітä ум цämäн устu? Jä ус ун захта: «Фäндў, мä äргäвдгä акä, цумá дун äі нуммахсон? ämўат äрцудустäм» [75]).

Ўцу ämбӏсонд ку ахīцäн ī, ўäд Урузмäг захта jä'фсумärттäн: «Цäі ма нур ўцу сäлабурдарм, áцу ämбӏсäндтä ўітухкäі ку äрхастам, käі хаі ў, ўмäн jä куд радтäм афтä».—Äмä захтоі Хämўцäн: «дäўäн цу фудабон удӏс?» Созрuqojäн дäр захтоі: «дäўändäр чī захта: áцў ämä дä хäзгўлу ínгänу нуххӏз?» Урузмäгäн та сäлäвурдарм радтоі, кўитä jіл käі фäліурдтоі ўітухкäі.

XII. Аміран, Бадрі ämä Мусўрбī.

Áміран, Бадрі ämä Мусўрбī ärtä äфсумäру удустu. Jу бон к'удӏ, ўäд захтоі: «цäі ämä фос фäккänäм». Áцудустu Тäраqaj [76]) будўрмä ämä бӏрä фос—бахтä, qомтä—ссарттоі ämä сä тäрўн баідудтоі. Бäталунг сул фандагул; jу лагат ссарттоі, бäцудустu ўрдäм ämä ум бафусум кодтоі. Раісом ку сбонīс ämä ку ракас-

опять въ домъ жены Уастырджи: она тебѣ сдѣлаетъ похлебку и нальетъ въ чашку; она не узнаетъ, Урызмагъ-ли ты, или нѣтъ. Когда ты войдешь къ ней, то опусти хвостъ въ чашку. Она разсердится на тебя и ударитъ тебя плеткой; тогда ты опять станешь Урызмагомъ". Выслушавъ это, я вошелъ къ Уастырджіевой женѣ въ домъ и когда она мнѣ сдѣлала похлебку, я то хвостъ, то ногу совалъ въ чашку. Она разсердилась на меня и ударила меня опять тою плеткой. Затѣмъ я сталъ, какъ прежде, Урызмагомъ. Жена Уастырджи сказала: „Урызмагъ! Мнѣ было досадно, что я тебя обидѣла". Я ей сказалъ: „конечно ты мнѣ бѣду причинила, но пусть тебя Богъ накажетъ! Изъ-за тебя на меня собаки скакали и я щенятъ родилъ. Какъ бы теперь намъ сойтись?" Она мнѣ сказала: „Уастырджи въ отсутствіи и если этою ночью не пріѣдетъ, то мы съ тобой сойдемся". Ту ночь я остался у ней и Уастырджи не пришелъ. Мы вмѣстѣ спали, а утромъ я всталъ и мои ногавицы тамъ нарочно оставилъ. Потомъ пришелъ Уастырджи, привязалъ коня къ коновязи и внесъ свои доспѣхи въ спальню. Смотритъ онъ—лежатъ мои ногавицы. Вотъ и сказалъ Уастырджи женѣ: „Пусть Богъ тебя не слушаетъ! Откуда здѣсь Урызмаговы ногавицы?" Его жена сказала: „Если хочешь, убей меня; къ чему мнѣ отъ тебя это скрывать? На одной кровати (съ нимъ) спали". Когда этотъ чудесный разсказъ кончился, Урызмагъ сказалъ своимъ братьямъ: „Ну-ка, теперь чья доля эта векшина шкура, ради которой мы диковины разсказывали, тому ее и отдадимъ". И сказали (братья) Хамыцу: „Тебѣ какая бѣда была?" И Созрыко сказали: „а тебѣ кто сказалъ: ступай и влѣзь въ могилу своей любовницы?" И отдали они векшину шкуру Урызмагу, ради того, что на него собаки скакали.

XII. Амиранъ, Бадри и Мусырби.

Амиранъ, Бадри и Мусырби были три брата. Однажды они сказали: „Пойдемъ, на добычу". Они поѣхали на Тараково поле, нашли много добычи, коней, скотину и начали гнать. На пути смерклось; они нашли пещеру, вошли туда и тамъ заночевали. Утромъ, когда разсвѣло и они осмотрѣлись, то

тѵстѵ, ӱӓд зӓхтоі: «аі лӓцӏ сӓр ку ӯ ӓмӓ јӓ цӓстѵл кўрбӓцѵдѵстӓм, ӱӓд цѵ дӏссаг ӯ»! Дарӓдӓнтӓ ӓхӓм ӓдӓм удѵ́стѵ ӓмӓ Хцӓумӓ ку ју скӯвдтоі, ӱӓд кӓі кӯрдтоі ӯі сѵн ју ӓцӓг кӧдта.— Стӓі удӧн Хцӓумӓ скӯвдтоі: «ӓхсӓв кӓм фӗстӓм ӱцѵ лӓцӏ нѵн сӓгӓс кӓ ӓфтӓмӓі ӓмӓ ӄулѵ́х ӓмӓ ӄурмӓ́ куд ӱа». Хцӓу ӓі рӓігас кӧдта Дӓрӓдӓнтѵ курдӓі ӓмӓ ӱцѵ лӓг фӗстадӏ бӓрзӧнд хӧххѵ хузӓн, ӄурмӓі ӓмӓ ӄулѵ́хӓі. Удӧн дѵ фӓтӓрстѵстѵ ӓмӓ дӓрдтӓр ӓлѵгдѵстѵ. Стӓі ӱцѵ лӓг, хӧххѵ хузӓнӓі чӏ сѵстӓд, сѵн зӓхта: «Дӓрӓдӓнтӓ, смах Хуцӓӱӓі кӓі кӯрат ӯі кӓі ӱдӓнӏ ӯі зӧнѵн, ӓмӓ мӓ смӓхӓі ӓттӓмӓ нӏчӏ рӓігас кӧдтаїд. Тӓрсгӓ мијӓг [77]) мӓ фӓккӓнӯт—кӓнгӓ ун нӏцѵ кӓндѵ́нӓн [78]), фӓлӓ ӱӓ кӯрѵн, мӓ цӓстѵ рӯхс мѵн мӓ бар ӓӱӓдӯт». Рӓкӓсѵн ӓі кӧдтоі. Дӓрӓдӓнтӓ ставд ӓдӓм куд нӓ удѵ́стѵ, ӓмӓ јӓ ку рӓкӓсѵн кӧдтоі, ӱӓд сӓм ӓкастӏ ӓмӓ сѵн зӓхта; „ӱӓ! куд лѵ́стӓг ӓдӓм стӯт!“ Удӧн зӓхтоі: нӓ зӓрдӓјӓ [79]) мӓхӓі гумӏ́рідӓр [80]) нӓі.—Ӯі зӓхта: фӓлӓ ма ӱӓ фӓндӓгкӓгтӓ мӓм ӓрбӓдӓттӯт»! Удӧн бӓцѵдѵстѵ ӓмӓ ӓртӓјӓ цѵ дӓ̆гӓдоінаг [81]) дӯр ӓрбӓтѵлдтоі ӯі јӓм бӓлӓвӓрдтоі. Баіста јӓ јӓхӏ́мӓ ӓмӓ сѵн зӓхта: ӱӓ, бӗцӓлтӓ! куд рӓ̆ӱӓг ӯ! he! ӱмӓі цӓрӯт? ӱцѵ лѵстӓг дӓр ӱмӓн кӓнӯт!» Ӯі фӓстӓ ӓрбӓ̆ӱӓрстӓ дӯр јӓ ӄӯхѵ мӏ́дӓг ӄӓлӓ̆ӱӓі хузӓн ӓмӓ сѵн зӓхта: «Ӓмӓі соі ку нӓ лӓдӓрсѵ! Ӱӓд ӱцѵ лѵстӓг дӓр ӱмӓн кӓнӯт; he! нѵрма бӓлӓ́сѵ мѵрӓјі мӓ хӓрѵінаг дӓр рӓісӯт ӓмӓ јӓ фӧнӓм». Раістоі јін јӓ хӓрѵ́інаг ӓмӓ ӓшпѵ́н дӓр цѵ хӧіраці мѵгкӓ́г удӏ ӯі нӓ зѵ́дтоі: «he! нѵрма ӯ̆мӓ ӄӓӄқӓнӯт, ӄӓттӓра дѵ соі ӓлӓдӓрса»? Кӓсѵ́нц ӓм: ӓрбӓ́лӓмӓрстѵтӓ јӓ кӧдта—ӓфтӓмӓі дуӱ̆ӓ мӏрӄ̆ај дѵ соі ӓлӓдӓрстӏ. «Хӓрѵ́інаг ӓхӓм вӓјі, кӓд нӓ ӱӓд смах цӓмӓі сѵ́ставд ӱат?»

Уі фӓстӓ ӓкаст ӓмӓ хӯмтѵ ӓмӓ угӓ́рдӓнтѵ [82]) ӓрӓнтӓ ку фӗ́дта, ӱӓд зӓхта: «Удон та цѵ стѵ. Удӧн ѵн зӓхтоі: «ӓлчӏ ј’ӗфсѵмӓрӏмӓ, јӓ фѵ́дӏмӓ ӱӓрѵ, ӓфтӓмӓі ӓлкӓмӓн јӓ зӓх дӓр ӱӓрӓм ӓмӓ ӓӱӓдтӓ ӱмӓн стѵ». Ӱӓ ӱӓӱӓі! нѵрѵ́ цӓрдӓі мӓлӓ́т хуздӓр ӯ! Кӓд ӓлчӏ јӓ фѵ́дӏма, ј’ӓфсѵмӓрӏмӓ ӱӓрѵн баідѵдта, ӱӓд мӓлӓ́т хорз ӯ!» Ӱцѵ рӓстӓ̆ці ӓстӓ́мбѵн [83]) бѵдѵ́р удӏ ӓмӓ ілӓ фӓ̆ціс кӧдтоі. Стӓі удӧн ӄӱлӓттӓм ку ӓкаст, ӱӓд зӓхта: «Удӧн та цѵтӓ́ стѵ?» Удӧн? удӧн ӓлчӏ јӓ хӯмѵл фӓ̆ціс кӓнѵ́ ӓмӓ фӓ̆цісӏмӓ ку схӓдцӓ ӱа,

сказали: „вѣдь это человѣчья голова (а не пещера), и мы въ ея глазную впадину вошли. Что за чудо!“ Дареданы были такіе люди, что, если разъ Бога попросятъ, то онъ исполнялъ то, о чемъ просили. Вотъ они и молили Бога: „Оживи теперь того человѣка, въ которомъ мы ночью были, (но) такъ, чтобъ онъ былъ хромъ и слѣпъ“. По просьбѣ Дареданов Богъ его воскресилъ, и сталъ этотъ человѣкъ высокъ подобно горѣ, но (былъ) слѣпъ и хромъ. Они же испугались и дальше отбѣжали. Вотъ этотъ человѣкъ, что́ всталъ подобный горѣ, сказалъ имъ: „Дареданы, я знаю, что будетъ то, о чемъ вы Бога просите, и меня кромѣ васъ никто не могъ бы воскресить. Не бойтесь отнюдь ничего! Сдѣлать вамъ я ничего не сдѣлаю; но прошу васъ: дайте мнѣ владѣть свѣтомъ глазъ“. Вотъ они возвратили ему зрѣніе. Какъ ни были крѣпки Дареданы, но когда они возвратили ему зрѣніе, онъ посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ: „Эхъ, какіе вы мелкіе люди!“ Они сказали: „А мы думали, что нѣтъ насъ крупнѣе!“. Онъ сказалъ: „Ну-ка, подайте мнѣ ваши дорожные припасы“. Они отошли, втроемъ рѣчной камень прикатили и ему подали. Взялъ онъ его къ себѣ и имъ сказалъ: „Эхъ бѣдные! Какъ онъ легокъ! Ге! этимъ-то вы живете? Потому-то вы и мельчаете!“ Затѣмъ онъ сжалъ камень въ рукѣ подобно толокну и имъ сказалъ: „Изъ него масло не вытекаетъ, потому то вы и дѣлаетесь мелки. Ну-ка вотъ въ древесномъ дуплѣ возьмите и мою пищу, и мы ее также посмотримъ“. Они достали его пищу и совсѣмъ не знали, какой родъ пищи это было. „Ге! посмотрите-ка теперь сюда, потечетъ ли масло?“ Смотрятъ они на него: пожималъ онъ ее и такимъ образомъ двѣ мѣрки масла вытекли. „Такая бываетъ пища, а не то, отчего-же вы будете крѣпнуть?“ Потомъ онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ межи пашенъ и сѣнокосовъ: „А это что?“ Они сказали: „Всякій съ братомъ своимъ и съ отцомъ дѣлится; такимъ образомъ каждому его землю надѣляемъ и для этого — борозды“. — Эхъ-ма! смерть лучше нынѣшней жизни! Если уже всякій сталъ дѣлиться съ отцомъ и братомъ, то хороша смерть!“—Было въ это время одно скудное поле и на него навозъ сваливали. Вотъ какъ онъ увидѣлъ ихъ полоски,

ӯӕд дӕр хор хуздӕр заӕи. «О ӯӕ ӯӕи! ӕлчӏ ӕи лӕх ӕстӕмӕ хӕрӕн ку баидӕдта, ӕӯӕдӯт, ма ӯал мӕ кӕсӕн кӕнӯт». «Хцаутӕ-Хцау! куд стӕгдӕр удӏ, ӕфтӕ та ӕи ӕкӕ!—зӕхтои удон. Куд удӏ, ӕфтӕ та ӕестадӏ, нӕххӕр ӏ. [84]) Дӕрӕдантӕ зӕхтои: «цӕи ӕцӕ стӕгдӕрӏмӕ кӕдмӕ бӕдӕм? Фӕцӕӯӕм ӕмӕ ӏску фос фӕкӕнӕм!» Ӕцӕдӕстӕ ӕмӕ цӕӯн баидӕдтои. Дӕлӕ бӕдӕрмӕ ӕкастӕстӕ ӕмӕ ӕу дӕнцӏр ӕдарӏ ваӕи ӕмӕ та ӕрбатӕмбӕл ваӕи. Ӕмиран тӕхгӕнӕг ӕмӕ тӕхӕгӯр [85]) кӕм нӕ удӏ. «Ӕз ӯи ку нӕ бӕсгарон, ӯӕд ӕи нӕ нуӯӕдцӕнӕн». Бадрӏ дӕр ма ӕи ӕмхузӕн лӕг удӏ, Мӕсӕрбӏ та ӕвзӕрдӕр уд, фӕлӕ ӯӕдтӕр сӕмӕ цӕд. Бӕдрӏ ӕфтӕ зӕӏӕ: «Ӕмиран, Ӕмиран, ӕз дӕр д'ӕмдӕх, д'ӕфсӕмӕр дӕр дӕн, фӕлӕ ӕи ку нуӯӕдӕккам, кӕн нӕ ӯӕд нӕн ку бӕтӕх-кӕнӕ. Ӕмиран зӕхта: «ӕппӕн дӕр мӕнӕн хос нӕи ӕнӕ ӕи бӕсгарӕн». Ӕмиранӕ кӕммӕ бӕкастӕстӕ [86]) ӕмӕ ӕцӕдӕстӕ. Ку ӕам ӕхӕстӕгӕстӕ, ӯӕд сӕм ӕахӏ ӕрбаӯахта. Ӕкастӕстӕ ӕам ӕмӕ дӕн ӯи та зӕріаг калм. [87]) Бӕдрӏ зӕхта: he! нӕр рӏнӕ фӕстӕм! [88]) Ӕрбаӯахта ӕахӏ зӕріаг калм ӕмӕ Ӕмиранӕ ӕнӕqурдта, сӕ гасдӕр чӏ удӏ ӯи. Іннӕ дуӯӕ ӕфсӕмӕрӕ ӕлӕӏдӕстӕ. ӕмӕ нӕqqӕр кӕдта Бадрі: «Ӕмиран, Ӕмиран! Дӕрӕдантӕ сӕ фӕӵӏ бӕн хӕрӕнӄа дӕрӕнц ӕмӕ ӯи мӕ фёрох ӯӕд». Ӕмиран дӕр кӕлмӕ губӕнӕ ӯцӕ хӕрӕнӄа фӕлвӕста, ӕа хӯлфӕ дӕуматӕ [89]) ін кӕрдӕн баідӕдта. Калм дӕр ӕахӏнӕмӕрӕ змӕлӕн баідӕдта, ӕа губӕн рӏсӕн ку баідӕдта ӯӕд. Дуӯӕ ӕфсӕмӕрӕ ӕам кӕсӕнц дӕрддӕфӕи. [90]) Зӕріаг калм зӕӏӕ: «ӕрдӕбон ӕу дӕнгӕ ӕнӕqурдтон ӕмӕ ӯӕдӕи нӕрмӕ мӕ губӕн ку рӏсӕ ӯӕд ӕн цӕ кӕнон?» Ӕфтӕмӕи ӕа сӕраӕ нал удӏ [91]) калм ӕмӕ ӕмарди. Ӯӕлӕнцӏ ӕам Мӕсӕрбӏ ӕмӕ Бадрі дӕр бӕхӕдцӕстӕ. «Ӕмиран, кӕд мадӕ сӕраӕ дӕ, ӯӕд ӕн ӕа ӵӕн рӕігӕрд ӕмӕ ӱрдӕгӕи рӕцӯ». Рӕігӕрста ӕін ӕа ӵӕн ӕмӕ ӱрдӕгӕи рӕлӕст Ӕмиран. «Хӕрзлӕгӯн [92]) ссӏ Ӕмиран кӕлмӕ губӕнӕ»! Дуӯӕ ӕфсӕмӕрӕ дӕ фӕтӕрстӕстӕ ӕмӕ ӯӕртӕ фӕлӏдӕнц. Ӕмиран сӕм дӯрӕ: «Мӕ тӕрсӯт мӕнӕі, мӕрӄі тӕфӕі нӕллӕгӯндӕн. Ӕллӕудӕстӕ ӕам ӕмӕ зӕхтоі: «цӕ хос ма ін скӕнӕм?» Фӕлӕ Дӕрӕдантӕ удӕстӕ ӕмӕ с'ӕмонд бӏрӕ удӏ. Дуӯӕ қӕӯӕ ма сӕ цӕӯн қудӏ дӕрдтӕр, Ӕхснӕрттӕккатӕн ӯм сӕндон ӏ. Ӯм, цӕхӕрадонӕ, ку нӕххӯсӕдӕстӕ, ӯӕд ӕртӕ бӕлонӕ ӕрбабадтӕстӕ бӕлӕсӕ сӕр: «Ӕмиран, Ӕмиран! рӕісом хӯрӕскӕсӕнӕ ӕппӕтӕ фӕтцаг хӯр цӕ фӕткумӕ бӕ-

то сказалъ: „Это что такое?“ „Это? А это вотъ что: всякій на свою пашню навозъ валитъ, и когда съ навозомъ смѣшается (она), тогда хлѣбъ лучше родится“. Охо-хо! Если уже всякій сталъ свой пометъ ѣсть, то оставьте меня и не давайте мнѣ болѣе видѣть!“ — „Боже боговъ! какъ онъ (прежде) костякомъ былъ, такимъ его опять сдѣлай“! — сказали они. Такъ и сдѣлалось и онъ снова трахъ! (разсыпался). Дареданы сказали: „Ну, доколѣ съ этимъ костякомъ будемъ сидѣть? Пойдемъ и гдѣ-нибудь поживимся!“ Пошли они и шли (впередъ). Посмотрѣли внизъ на поле и (видятъ) — что-то большое вытягивается и опять укорачивается. Развѣ не былъ Амиранъ насильникомъ и искателемъ битвъ? „Не оставлю я безъ того, чтобы не посмотрѣть на это“! Бадри тоже былъ человѣкъ ему подъ пару, Мусырби, хотя и былъ похуже, но всетаки съ ними шелъ. Бадри такъ говоритъ: «Амиранъ, Амиранъ! Я также тебѣ подъ пару, твоей силы и твой братъ; но оставимъ-ка это, а не то оно насъ осилитъ». Амиранъ сказалъ: «Никакъ я того не могу, чтобъ этого не посмотрѣть». Послушались братья Амирана и отправились. Когда они къ нему приблизились, оно само бросилось на нихъ. Смотрятъ,—*залійскій* змѣй. Бадри сказалъ: «Эхъ! теперь-то мы попались!» —Напустился (на нихъ) змѣй и проглотилъ Амирана, который былъ здоровѣе изъ нихъ. Оба другіе брата убѣжали и Бадри закричалъ: «Амиранъ, Амиранъ! Дареданы подъ полой носятъ ножичекъ, этого не забывай!» Амиранъ-же въ чревѣ змѣя вынулъ этотъ ножикъ и началъ змѣю рѣзать внутренности. А змѣй началъ крутиться, когда чрево начало у него болѣть. Оба брата смотрятъ на него (стоя) не подалеку. Змѣй говоритъ: «давеча комара я проглотилъ, съ тѣхъ поръ до сихъ поръ у меня животъ болитъ; что мнѣ съ нимъ дѣлать?» Такимъ образомъ змѣй обезсилѣлъ и издохъ. Тогда Мысырби и Бадри уже подошли къ нему. «Амиранъ, если ты еще не погибъ, то взрѣжь ему бокъ и выходи оттуда!» Амиранъ взрѣзалъ ему бокъ и вылѣзъ оттуда. Начисто облинялъ Амиранъ въ утробѣ змѣя. Оба брата испугались и вотъ—убѣгаютъ. Амиранъ имъ говоритъ: «Не пугайтесь меня,—отъ запаха яда я облѣзъ!»

käca ӯмäi хäдäгäлгajä рáздäр чӣ'рхáӯa, ӯi бáхäр ämä та дул qун рáзаja». Áміран рáці сустáд ämä хäрзлäгӯнäi ӯцу бäлáсу бун доідói-кäнӯ. Ӯáлуммä äппáту футцáг хӯр цу фáткумä бáкастӣ ӯмäi ju фáтку рáхаудӣ; Áміран jäхӣ jіл нуццáфта ämä jä бáхордта. Рáзäi іл цу qун удí, ӯмäi іл хуздáр qун рáцудӣ. Дáрäдантu ámонд бíрä куд нä удӣ?! Ӯрдугäi та áраст кодтоі: «мах äнä фос фäкáнгä нä нуӯáдцустäм». Áцудусту, цäӯн бáідудтоі ämä сул будӯру áстäу бáталунцӣ. Ärбáдтусту, сä фäндáгкäктä сӯстоі: «кäрдзӯн бáхäрäм», зäгá. «Дон нун чӣ'рбáхäсса? Ävзäр Мусӯрбí, цумá ístämäн бäззудӣ [94]), áфтä зäгӯ: «äз ärбáхäсдунäц!» Дóну булӯл сбáдтӣ ämä мáтара [95]) дóммä дáру. Ӯäлáрväi Пакондз [96]) jäхí рáӯахта ämä Мусӯрбīji jä нӯхтä нуссáхта ämä jä сфáрдäг кóдта [97]) ӯäлáрвмä. Ӯäд Бáдрі áфтä зäгӯ: «Áміран! Мусӯрбī нун куд ärägмä цäӯӯ, — нä зóнун», зäггä, ágäпп лáста ämä Мусӯрбī дäр нал ämä ändäр däр. Áгӯрун бáідудтоі äхсäвбóммä ämä käм ма цу ссáртаїккоі? Áміран záхта Бáдрijän: «Áцӯ, Бáдрі, нур ду нä хäдármä. Äз цáлунці Мусӯрбīji ссáрон, ӯáлуммä хäдáр ágӯрun [98]) вänd нал скändӯнäн». Бáдрі áцудӣ сä хäдármä. Áміран äфсäн ärчíтä [99]) ämä äфсäінагбун лäдáг скóдта. Зíлун бáідудта Áміран, зíлун бáідудта ämä jä нíку árу. „Цу ма бáкänон ӯмäн ку нīцу зóнун,—зäххӯл äi ку нíку árun; käд ístu зóнun, ӯäд äi Пáконду ӯäлáрвмä схáстаїд ämä ma ӯрдäм ístu хос ку скäнīн».—Áцud, дѐнцізмä бáцud ämä стулдäр цу гал ссáрдта, ӯi рáкодта, будӯрмä jä скóдта ämä jä кupріji [100]) стуíд бáкодта, jäхäдäг та jä мíдäг бáläстӣ кӯпрijän. Дáрäдантäн Хцáӯäi курдіад [101]) удí. «Пáконду мändáр käд схáссīд Мусӯрбī käм ī ӯрдäм, käд та jä ӯд-ägácäi cäjáфīн цáлуммä jä нämá árгäвстоі!» — захта Аміран. Äхсäв äттáма Пáконду бон нä цудīс; ізáрмīлäi кäсӯ ämä záхта: «дáлä ma мun цу фīзóнägкаг будӯру áстäу».—Jäхí jäм рáӯахта ämä ду jä нӯхтä нуссáхта, хäссӯн äi бáідудта зíлгä-зíлгä ӯäлáрвмä. Ju бíрä ку сіртäстӣ зäххái, ӯäд äi нал фäрáстä ämä ін фѐрвästī ämä jä гупп фäцӯдī [102]) зäххӯл. Áміран Дáрäдан удī ämä та скӯвдта: «Хцáу, хцáу! Пáконду мä куд сфáраза áфтä руог мä скäн». Хуцау та

Подождали его они и сказали: «Чѣмъ мы ему поможемъ?» Впрочемъ они были Дареданы и у нихъ было много счастья. Два селенія нужно было имъ еще дальше пройти, а тамъ былъ садъ Ахснартаккаевыхъ. Въ этомъ саду, когда они легли, три голубя сѣли на вершину дерева: «Амиранъ, Амиранъ! По утру къ солнечному восходу, какую яблоню солнце прежде всѣхъ освѣтитъ, съ той (яблони) какое самопадающее яблоко прежде всѣхъ упадетъ, то́ съѣшь, и тогда снова на тебѣ волосъ выростетъ». Амиранъ утромъ рано всталъ и дрожитъ, какъ нагой, подъ этимъ деревомъ. Между тѣмъ съ того дерева, что́ солнце прежде всѣхъ освѣтило, упало одно яблоко; Амиранъ бросился къ нему и съѣлъ его. И какой прежде былъ на немъ волосъ, такъ лучше того волосъ у него выросъ. Развѣ не было много счастья у Дареданов? Отсюда они направились: «Не успокоимся, пока чего нибудь не добудемъ!» Отправились, стали идти и среди поля надъ ними смерклось. Они сѣли, достали дорожные припасы: «Поѣдимъ-ка хлѣба, сказали они; кто намъ воды принесетъ?» Плохой Мысырби, какъ будто на что нибудь да годился, такъ говоритъ: «Я принесу». Сѣлъ онъ у воды и въ водѣ *матару* держитъ. Съ неба спустился Пакондзи, запустилъ въ Мысырби когти и утащилъ его на небо. Бадри говоритъ: «Амиранъ! что это Мысырби такъ долго ходитъ,—не знаю»; сказавъ это, онъ прыгнулъ (къ рѣкѣ) и—нѣтъ Мысырби и другаго ничего. Стали они искать всю ночь до свѣту, но гдѣ его найти? Амиранъ сказалъ Бадри: «Ступай, Бадри, теперь въ нашъ домъ, а я пока не найду Мысырби, до тѣхъ поръ и не подумаю вернуться домой». Бадри пошелъ въ ихъ домъ. Амиранъ сдѣлалъ себѣ мѣдные *артчи* и палку съ желѣзнымъ наконечникомъ. Сталъ Амиранъ кружить, сталъ кружить,—но нигдѣ его не находитъ. «Что дѣлать? Ничего не знаю; на землѣ его нигдѣ не нахожу; если я знаю что нибудь, то его Пакондзи на небо снесъ, и чтобъ (добраться) туда, употреблю-ка какое нибудь средство». Онъ пошелъ, пришелъ къ морю, вывелъ самаго большаго быка (морскаго), какого (только) нашелъ, привелъ его на поле, снялъ съ него шкуру бурдюкомъ и влѣзъ внутрь бурдюка. У Дареданов была у Бога просьба

jä cруог ко́дта. Па́конд̆ъ а́фтä зäг̆ъ́: «дä бī но́нтъ хуздӕ́р а́мäла, куд ӯäззáу дä! Аз дä нä нуӯа́дцънäн». Ӓръ́здäхтī та jäм ämä jä j̆äккоj ско́дта: фäро́гдäр ън ī. Схá́ста jä ämä jä хäд̆а́ръ á́стäу äрӕ́ппäрста. «Ӯа́рънаг [103]) ӯä хäд̆а́р фод, ӯäззáӯäi мä ку а́мардтаi!» Ӓхсӕ́въ Па́конд̆ъj бī нонтä нъххýссъдъстъ jäхӕ́дäг дäр; Амі́ран к̆упрі бак̆а́рт ко́дта; ра́läст ӯ́рдъгäi ämä к̆ӯ́мтъ а́гӯръ Мъсъ́рбīji: «Äз Амі́ран дäн, фäлӕ́ ма куд äнä ’ргäвст ба́ззадтä?» — Мъсъ́рбī за́хта: «Ра́iсом нä фъ́нтä д̆ӯ́рън ӯ, сомäхсӕ́в та м’ӓргӕ́вдäн». Ра́iсам jä фъ́нтä д̆ӯрд̆ъстӯ́т, за́хта Амі́ран, ämä Па́конд̆ъ ämä jä мад зäгд̆ъ́стъ: «ämбī́сонд хорз фън фӕ́дтам: дъ́сон Мъсъ́рбīji фънъ́ а́ргäвстам, а́хäм рӯд д̆ъ а́фäлдäхтам — ӓртӕ́ iва́зъ, jä фа́рсъ та нън қämа́ нä зъ́ндī, а́фтä нард удī». Ӯi фа́стä дъ та зäг̆: «Äз дäр jу фън фӕ́дтон ämä ун äi ку зӕ́г̆īн». Удон зäг̆д̆ъстъ. «Jе мäгур Мъсъ́рбī! дъ нä ку́сärттаг дä ämä дä а́ргäвдд̆ъстäм; д̆ӯр цас дä фа́ндъ́ ӯjас». Ӯäд дъ ра́д̆ӯр: «Дъ́сон цъма́ фъ́нъ А́мiран ам фӕ́стадī, ра́гäпп ла́ста ӯäм ämä фäца́хта ӯӗппäттäр»! Ӯi фа́стä цъ ӯ́дäн ӯi фӗндънä». Раiсом jä фън Мъсъ́рбī ку радъ́рдта, ӯäд Па́конд̆ъ ämä jä мад нъqqäркодтоi: «А́цъ куд̆ цътӕ́ д̆ӯ́ръ? Ма́рад̆ӯт [104]), ӓрба́ргäвдӯт äi!» Ӓрба́давтоi Мъсъ́рбīji ämä jä фъ́нгул а́вӓрдтоi. А́мiран ра́гäпп ла́ста ämä а́фтä зäг̆ъ́: «Хӕ́рцітä, käi а́фсъмäръ ӓргӕ́вдӯт?» — фäца́хта сӓjулдäр сӓ зӕ́ронд ма́дäi ӓттӕ́ма. Нър А́мiран äм jӕ́ вза́р [105]) ра́ӯахта: «нä мад, нър нън дӓлзӕ́хмä фӓндӕ́г цӓма́i ссӕ́рäм, ӯi ба́цамон. Ӯс ън за́хта: «ӯälä-цӕ́ръ ӓрч̆іӑці дӓрг̆ [106]) раiс ämä ӯi ку а́iтънд̆аi, ӯäд тън дӓлзӕ́хмä ӯӓрдо́н фӓндӕ́г фӗ́стд̆äнī. Iннä ӯӓртӕ́ к̆ӓбīцъ [107]) зӓлдӕ́г бӓндӕ́н, ämä jä ку ра́хiссаi, ӯäд нä хäд̆а́ръ цъ д̆а́ума ī, удо́н д̆ъ ку ба́бӓттаi, ӯäд тън бӓндӕ́нъ ӯäз дӕ́р нä фӓкӕ́ндӓнī. Jу чіръ́н съзг̆ӕ́рīн äхцаjä д̆аг ӯ, iннä чіръ́н ӓвзг̆і́ст äхца́jä,—у́дон дäр дън хäзна́тä, ӓндӕ́р д̆ъ нäi». Ӯi ку фӗ́qуста А́мiран, ӯäд ӯ́сӓн jä дӓндӕ́гтä нъцц̆ӕ́л ко́дта; фътцӕ́г ӓрч̆і́аг ра́ista, а́iхӓлдта jä ämä jä а́ппäрста ämä ӓцӕ́г ӯӓрдо́н-фӓндаг фӗ́стадī. Стäi а́фтä зäг̆ъ́: «нър мä ба́урнъдта jä і́ннä д̆ъ́рдтä дäр ӓцӕ́г käi стъ ӯi». Стäi та ба́цъд, бӓндӕ́н ра́хаста ämӕ́ бī́рä д̆а́уматä ба́баста. Ӓвзӕ́р Мъсъ́рбі́мä сä ра́дта ämä, ӓцӕ́г, бӓндӕ́нъ

безъ отказа: «Еслибъ меня также этотъ Пакондзи снесъ туда, гдѣ Мысырби! Быть можетъ, я его живымъ засталъ-бы, пока его еще не зарѣзали!» сказалъ Амиранъ. Пакондзи ходилъ только ночью, а не днемъ. Къ вечерней зарѣ онъ смотритъ и говоритъ: «Внизу среди поля есть что-то годное мнѣ на жаркое». Онъ спустился къ нему, впустилъ въ него когти и понесъ кругами, кругами на небо. Уже когда много отдѣлился отъ земли, то не смогъ его (нести); онъ оторвался и шлепъ о землю. Амиранъ былъ Дарезанъ и опять взмолилъ Бога: «Боже, Боже! Сдѣлай меня такимъ легкимъ, чтобы меня могъ (снести) Пакондзи. Богъ сдѣлалъ его легкимъ. Пакондзи такъ говоритъ: „О чтобъ изъ родныхъ твоихъ лучшій умеръ! Какъ ты тяжелъ! А все-же я тебя не оставлю». Онъ опять вернулся къ нему, взвалилъ его на спину: онъ легче сталъ. Снесъ его Пакондзи и сбросилъ среди своего дома: «Да пропадетъ вашъ домъ, что ты тяжестью меня заморилъ!» Ночью родные Пакондзи заснули и самъ онъ также. Амиранъ бурдюкъ взрѣзалъ, выползъ оттуда и по угламъ ищетъ Мысырби. «Я Амиранъ, какъ ты остался не зарѣзаннымъ?» Мысырби говоритъ: «Завтра будемъ разсказывать наши сны, а послѣ завтра меня зарѣжутъ». «Завтра вы станете разсказывать ваши сны», сказалъ Амиранъ, «а Пакондзи и его мать скажутъ: «Чудно-хорошій сонъ мы видѣли: вчера Мысырби во снѣ зарѣзали и такую колбасу вывернули—въ три сажени, а въ его боку кинжала не было видно, такъ онъ былъ жиренъ». Ты же имъ скажи: «Я также видѣлъ сонъ и вамъ бы его разсказалъ». Они скажутъ: «Эхъ бѣдняга Мысырби! Ты нашъ *кусартъ*, мы тебя зарѣжемъ. Говори сколько хочешь». Тогда ты разскажи: «я видѣлъ во снѣ, будто Амиранъ сюда явился, къ вамъ подскочилъ и всѣхъ васъ перебилъ». Потомъ ты увидишь, что будетъ». Когда поутру свой сонъ разсказалъ Мысырби, Пакондзи и его мать закричали: «Этотъ песъ что говоритъ? Не мѣшкайте, зарѣжьте его!» Накинулись на Мысырби и положили на столъ. Выскочилъ Амиранъ и такъ говоритъ: «Эшаки! чьего брата вы рѣжете?» И онъ перебилъ ихъ всѣхъ, кромѣ ихъ старой матери. Къ ней онъ сталъ подлещаться: «Матушка наша, научи насъ теперь, какъ намъ найти дорогу внизъ

ӱäз—дӑр нӓ кӧдтоі. «Адӧн äцӑг хорз хäзнӑтä ку стѵ», зӑхта Ӓміран; стäі ӄäбӥцмä бӑцѵд ämä дуӱӑ чірӯнѵ рӑхаста, сä јуј сäр бӑкодта ämä äцӑг сѵзӷärīн äхцӑјä јä ԁаг; іннä чірӯнѵ сäр бӑкодта, ӱі дäр äвзīст äхцӑјä јä ԁаглäӱӯ. Сӗппäтѵ дäр ју рӑммä äрӑмбѵрд кӧдта ämä сä ӱцѵ зäлдӑг бäндӑнäі бӑбаста. С'ӑрцѵдмä Бӑдрі јäхӏнѵмäр зӑхта: «äвӑдцäгäн Іӏӑконԁѵ бӑхордта мѵн м'äфсѵмäртä»—ämä сѵн хістѵтä фäкӧдта. Ӱӑлѵнці Ӓміран сбӑста ӱцѵ ԁӑуматä, ӑцѵдī ämä ју ізӑрмīлтѵ ӱм бӑлäудī. Бадрі сѵл куд нӓ бӑцīн-кодтаӥд?

XIII. Ӓміранѵ кӑдäг.

Тѵхгӑнäг käi удӥ ämä Хуцаумä qѵг käi äркӑстī, ӱі тѵххäі јä Хцау зӧндäі äрцӑхста ämä јä лäгӑтмä бӑкäнѵн кӧдта. Ју цӱӑнон ӑдӑӷälӥ ämä јä Хцау täккӑ Ӓміранѵ лäгӑтѵ дӱӑрмä сӑфтѵдта. Лäгӑтäн äфсӑн дӱар удӏ; Хцау äі фӗгом кӧдта. Цӱӑнон ӱм фäмīдäцī, стäі бӑкастī ämä Ӓміранѵ ку фӗдта, ӱäд јäм Ӓміран рӑкаст ämä јä цӑстѵтä гӑлѵ ӄälӑттѵ äстӑ удӯстѵ. Стäі цӱӑнон баӱӑдӻг [108]) ӏ ämä фäстӑмä ӑхаудта. «Ма täрс, мä хӱр, мäнӑі, äз Ӓміран ԁäн ämä Хцӑӱѵ курдіӑдäі баст ԁäн». Лäппӱ јіл ку бӑӱäндѵдī, ӱäд ѵн ӑфтä зӑхта: «цѵ ӱӑвäр ԁä, цѵ ԁӏссӑг ԁä? Ам цѵ мī кäнӯс?» — «Äз Ԁарӓӻäнтѵ Ӓміран ԁäн, тѵхгӑнаг ӱдтäн, зäххӯл ӑдämѵ дäр нä ӱӑхтон, хцӑӱäн јä ӻӱӑртīмä дäр бѵцӑу кодтон, Хцӑӱäн јäхӏдäр нӏцämä ӱал ԁӑрдтон. Стäі мѵл рӑхаттī Хцау ämä мä ӑрдäм äртӑрта ämä нѵр he ам бӑстäі лäӱӯн. Мӑнä ма мѵн мä кӑрдѵ бос ку'рбӑхӑдцä кäнӏс, ӱäд тѵн äз хорз ӑqаз фäӱīн». Цӱӑнон бӑцѵд ämä

на землю». Женщина ему сказала: «Возьми на крышѣ полосу кожи и если ее вытянешь, то тебѣ будетъ колесный путь на землю внизъ. А вотъ другое: есть въ *кабицѣ* шелковая веревка; если ты ее вынесешь и свяжешь ею все, что́ ни есть вещей въ домѣ, то это не составитъ даже тяжести веревки; есть также сундукъ полный золотыхъ денегъ и другой сундукъ полный серебряныхъ денегъ; вотъ тебѣ казна, а другаго, лучше этого, ничего не знаю».

Услыхавъ это, Амиранъ вышибъ старухѣ зубы; сначала онъ взялъ кожу, развернулъ ее, бросилъ, и въ самомъ дѣлѣ дробный путь явился. Потомъ онъ говоритъ: «Теперь я убѣдился, что и другія ея слова правдивы». Вотъ онъ пошелъ, вынесъ веревку и много вещей ею перевязалъ. Плохому Мысырби онъ далъ ихъ, и въ самомъ дѣлѣ (вещи) веревки тяжелѣе не сдѣлали. «Это въ самомъ дѣлѣ хорошія вещи», сказалъ Амиранъ; потомъ пошелъ онъ въ *кабицѣ* и вынесъ два сундука; открылъ крышку одного изъ нихъ,—и онъ полонъ золотыхъ денегъ; открылъ крышку у другаго,—тотъ полонъ серебряныхъ денегъ. Онъ собралъ все на одно мѣсто и связалъ этой шелковой веревкой. До ихъ прихода Бадри сказалъ себѣ: «Вѣроятно Пакондзи съѣлъ моихъ братьевъ!» и онъ справилъ по нихъ поминки. А между тѣмъ Амиранъ связалъ всѣ эти вещи, пошелъ и въ одну вечернюю зорю очутился у себя. Какъ было Бадри на нихъ не порадоваться?

XIII. Преданіе объ Амиранѣ.

Амиранъ былъ притѣснитель и богу въ этомъ показалась обида; поэтому богъ его хитростью поймалъ и велѣлъ запереть въ пещеру. Одинъ охотникъ сбился съ пути и богъ его привелъ какъ разъ къ двери амирановой пещеры. У пещеры была мѣдная дверь; богъ ее отворилъ. Охотникъ вошелъ туда, взглянулъ и когда увидѣлъ Амирана, то тотъ посмотрѣлъ на него, а глаза его съ бычьи ошейники. Охотникъ въ обморокѣ назадъ упалъ: „Не бойся, меня, мое солнце! я Амиранъ и связанъ божьимъ рѣшеніемъ“. Когда мальчикъ увѣрился, то сказалъ ему: „Какого ты рода? что ты за диковина? и что ты здѣсь дѣлаешь?“ „Я Амиранъ, изъ рода Дарезановыхъ, я былъ

кáрдъ бóсъл ärбáнцаі, ärбáнцаі кäнъ́ ämä ін цъ фäрáзъ? «Дä хóрзäх мä фäўа́д, нä jä фäрáзън ämä ъ́н цъ кáнон?»—«Дä jу цонг мä кáрдъ бóсъл бáбäдт, ämä дéннä цонг мäммá ärбáдäдт». Ӯі дäр jä jў цонг бáбаста кáрдъ бóсъл, jä íннä та ўмä бáлävärдта. Áміран ärбáхäцъд ъл ämä läппўjän jä ўа́нгтъ кäс-кäс ссъ́дī. „Дä хóрзäх мä фäўа́д ämä мън мä ўд ма áскун!» зáхта läппў. Áміран дäр фäтäрі́гäд кóдта ämä jä сўáхта: „Ацў ämä ўä рáхъс [109]) мън рáхäсс, änáдўргäj jä jу рáскäф ämä фäстáмä мä фäкáс, кäд нä ўäд тън лäгät jä дўар рáхгäндäн“. Läппў jä топ jä äфцáці рáфтъдта áфтämäі, рáўадī ämä сä räхъ́съл jäхі́ нъххýрста, ämä änäдўргäj jä рáскäфъ. Фäстije jä рáсърдтоі бīнонтä дäр qäу дäр: „Ai! ку сäррá ī, кäдäм хáссъ сä рáхъс?» Läппў лīдън бáідъдта, бäргá ma jä цӯс qуді́, фäлá Хцáўъ нä фáндъд ämä läппў фäкáстī. Läгáтъ äфсáн дўар нъкка́рц-лáста ämä Áміран ӯм бáззадī.

XIV. Сóслан ämá Уръзмäг.

Jу бон к'уді́, ўäд Сóслан ämá Уръ́змäг сä бáхтъл сбáдтъстъ ämá цäу́н бáідъдтоі хäтънъ. Афтämäі Азнъбъдъ́рмä [110]) нъ́ццъ́дъстъ. Áзнъ ärтá läппўjі съл ärбáмбäлдъстъ ämá фäqqа́р съл кóдтоі, фäлá сä qа́ръ дъмгá дáрдмä фäхáста. Стäі сä бáфарстоі: „Цáітъххаі нъл qа́ркänўт? цäу́л нä нä ўáдўт фäндáгул?“ Азнълäппўтä зáхтоі: „Ai мах бáстä ӯ!“—Мах Нáртон áдäм стäм, фäндáгул цäўа́м ämá нä цäу́л нä ўáдўт?—зáхтоі Нарт. „Мах ўäдá Нáртон áдäм ку áгӯрäм: нä фъ́дъ qáлон нън цäу́л нä кáнўт?» —Ўä фъ́дъ qáлон ц'уді́?—зáхтоі Нарт. „Нä фъ́дъ qáлон: кáрк кämá ī, сäдá кáркі, фъс кämá ī, сäдá фъ́ссъ, qӯг кämá ī, сäдá qӯ́гі, гал кämá ī, сäдä гáлъ, бäх кämá ī, сäдä бáхъ, бъндъ сäръ маі́зäі зӯлгä кoппај даг, хусар qумáцъ съ́гдóнäі бäтмá-

притѣснителемъ, не давалъ покоя людямъ на землѣ, спорилъ съ божьими *двуарами* и самого Бога ни во что не ставилъ. Вотъ Богъ развернулся надо мною, пригналъ меня сюда и вотъ здѣсь привязанный я стою. Вотъ если ты подашь мнѣ перевязь отъ моего меча, за это я тебѣ хорошую услугу окажу". Охотникъ вошелъ, тянетъ, тянетъ за поясъ меча, но что онъ можетъ? „Будь милостивъ, я не могу! Что я съ нимъ подѣлаю?" —Привяжи одно предплечіе къ поясу моего меча, а другое предплечіе протяни мнѣ". Онъ привязалъ одно предплечіе къ поясу меча, а другое подалъ ему. Амиранъ потянулъ и у мальчика суставы затрещали. „Будь милостивъ, не вырви у меня душу!" сказалъ мальчикъ. Амиранъ сжалился и выпустилъ его: „Ступай и принеси мнѣ вашу цѣпь (очага), унеси ее, не говоря ни слова, и назадъ не смотри, а не то захлопнется дверь пещеры. Мальчикъ повѣсилъ ружье на шею, выбѣжалъ, бросился на цѣпь (очага) и не говоря ни слова ее уноситъ. За нимъ побѣжали въ погоню домашніе и деревня. „Что за сумасшедшій? Куда несетъ онъ цѣпь?" Мальчикъ пустился бѣжать. Уже мало ему оставалась, но Богъ не пожелалъ и мальчикъ посмотрѣлъ назадъ. Желѣзная дверь пещеры захлопнулась и Амиранъ тамъ остался.

XIV. Сосланъ и Урызмагъ.

Однажды Сосланъ и Урызмагъ сѣли на коней и поѣхали воровать. Когда они уже много проѣхали, то пріѣхали на Азнинское поле. Имъ встрѣтились три сына Азна и закричали на нихъ; но вѣтеръ далеко отнесъ ихъ крикъ. Вотъ они спросили ихъ (Азновичей): „Отчего вы на насъ кричите, отчего не оставляете насъ (въ покоѣ) на нашемъ пути"? Тогда сыны Азна сказали: «Это наше мѣсто»!—Мы Нартскіе люди, ѣдемъ по дорогѣ, отчего-же вы насъ не пускаете?—сказали Нарты. «Мы именно и ищемъ нартскихъ людей, отчего нашу отцовскую подать вы намъ не вносите?» «А ваша отцовская дань какова была»? сказали Нарты. Наша отцовская дань: у кого куры—сто куръ, у кого бараны, сто барановъ, у кого коровы, сто коровъ, у кого быки,—сто быковъ, у кого кони, сто коней, головнаго мозга мухъ полная круглая чашка,

нъдаг, цáрвäі фӏзóнäгкаг, Тýтъргурд [111]) дуўá гáлъ, зáлг̇äдäі [112]) сън äфсóнд. Удóн нън ку нä ссарáт, ўäд ўä қäу хаст рáкäндъстäм». — Фäстáмä Нарт äнк̇áрдäі рáздахтъстъ сä хäдáрттäм, қáумä äрбáцъдъстъ ämá нъхáсъ äрбáдтъстъ. Қáўъ сä бáфарстоі: äнк̇áрдäі цämáн äрбáцъдъстýт? «Фäндáгул фäцáіцъдъстäм ämá нън Азнъ äртä фýртъ нä сáртä лъгкóдтоі: қáлон нън цäýл нä кáнýт? зäг̇гä.... Слѣдуетъ повтореніе перечисленія подати.... Нър нä сäфт äрцýдӏ ämä фäлӏдäм; käм ссáрдъстäм мах удóн?» Стäі Урýзмäг зáхта: «Äз Сатáнај бáфäрсон, ӯі сън кäд ӏстъ хос скäнӏд. Сцýдӏ jä хäдáрмä, бáндонъл jäхӏ äнк̇ардäі äрўáхта. «Ц̣ кáнъс, нä зäронд läг, цäýл äнк̇áрд дä?» Сатáна бáфарста. Ӯі ін зáхта: «Мах—Äхснäртäккáтъ фос фäкáнäм—зäг̇гá, áцъдъстäм ämá нъл Азнъ äртá фýртъ сämбáлдъстъ ämá нън зáхтоі: нä фýдъ қáлон цämáн нä кáнýт?... Нáртän нýр сáфънäі áттämä хос нал ӏ, ку нä фäлӏдоі ўäд». Сатáна ін зáхта: «Дóнъбъттъртäм [113]) läппý рáдтон ämá сън ӯі ку нӏцъ хос скäнá, ўäд нӏкäі бон сýдäн». Стäі Сатáна Дóнъбъттъртäм фäцýдӏ ämá сън зáхта: «äз ўäм цъläппý рáдтон, ӯі рáрвӏтýт, кäд ӏстämäн бäззý, käná Нарт сáфънц». Стäі рáхудта läппýjі. Асáна, Урýзмäці фърт, jä ном удӏс. Ацъдӏ хäцýммä läппý ämá ärтáідäр Áзнъфъртъ ámардта, ämá сä дáуматä сън jémä báхаста. Ўáлънці Нарт сä бýнатъ бáззадъстъ. Асáна фъдгáнäг удӏ ämá нä ўáхта Бóіріатä цäрýн. Нард гал к' удӏ, ўäд jу äі нъргáвста, нард бäх сäм к' удӏ, ўäд ўул фäбáдтӏ. Ўäлáрв Курдáлägоммä та курд-áхур удӏ, ämá бӏрä фос Курдáлägонäн нъппáстоі [114]) Бóіріатä: «Аі нън ámар, зäг̇гá!» Ámäн мáрън näі, зáхта Курдáлägон, фäлá сън авдівазъ ўäрм скáхън кóдта jä курдáдъ фáрсмä; ўäрмъ сäрýл ўрс бíнаг бáітъдтоі ämá ўм Асáна нъххáудӏ, курдý-куст ку кóдта ўäд. Бóіріатä jä ўäрмъ фӏдар нъмбáрстоі. Стäі Äхснäртäккáтä jä áгўрън бáідъдтоі äфсáн лäзцітä ämá äфсáн ärч̇ӏтä сä ўäлä áфтämäі. Käм äі ссáртаїккоі? Äхснäртäккатä сä хäдáрмä ку'рцýдъстъ, ўäд сä Сатáна бáфарста: «нӏку áрýт?» Näі.—Ӯіфäстä сä Бóіріатä бáхудтоі ämá сън мӏнас кáнýн кóдтоі. Сърдóн та, Äхснäртäккáтъ äфсýмäр, нъхáсъ бáбадтӏ ämá зáхта: „Аі дӏссаг! сä хýздäр сън ámардтоі, нър сä хäдáрмä бá-

полная сапетка пеплу дорогаго кумача, масла, на столько чтобъ изжарить барашка, два быка, рожденныхъ въ праздникъ Тутыра и имъ ярмо изъ заловаго дерева. Если этого вы намъ не добудете, мы заберемъ весь вашъ аулъ». Назадъ Нарты огорченные воротились въ свои дома, пошли въ аулъ и сѣли на *ныхасъ*. Въ аулѣ ихъ спросили: «чего вы пришли огорченные»?—Мы ѣхали по дорогѣ и три Азнова сына намъ головы отрѣзали: «Почему вы дани не вносите?» сказали они. (Слѣдуетъ повтореніе перечисленія дани).—Теперь пришелъ намъ конецъ и мы убѣжимъ, ибо гдѣ намъ добыть это?—Урызмагъ сказалъ: «Спрошу-ка я Сатáну, не найдетъ-ли она на это какое-нибудь средство»? Пошелъ онъ домой, опустился опечаленный на лавку: «Что съ тобою, нашъ старикъ, чего-ты опечаленъ»? спросила Сатана. Онъ ей сказалъ: «Мы рѣшили: пойдемъ за барантой Ахснартаккаевыхъ!— отправились и встрѣтились намъ три Азновы сына и сказали: «почему вы намъ отцовскую дань не вносите?» (Слѣдуетъ перечисленіе дани). Теперь Нартамъ ничего не остается кромѣ гибели, если они не убѣгутъ». Сатана сказала ему: «Я отдала водянымъ мальчика, и если онъ никакого средства не сыщетъ, то ни откого не будетъ помощи». Вотъ Сатана пошла къ водянымъ и имъ сказала: „вышлите того мальчика, котораго я вамъ отдала, если онъ на что нибудь годится; иначе Нарты погибнутъ». Она вызвала мальчика. Его имя было Асана, Урызмаговъ сынъ. Вотъ пошелъ биться мальчикъ, перебилъ трехъ Азновыхъ сыновей и ихъ вещи съ собою унесъ. Межъ тѣмъ Нарты остались на своей родинѣ. Асана былъ притѣснитель и не давалъ Бораевымъ жить: если былъ (у кого) жирный быкъ, онъ его зарѣзывалъ, если у нихъ былъ тучный конь, онъ на него садился. Онъ былъ ученикомъ въ кузнечномъ дѣлѣ у Курдалагона и вотъ Бойраевы обѣщали Курдалагону много имѣнія: «убей намъ его (Асану)!» сказали они. «Ему смерти нѣтъ», сказалъ Курдалагонъ, но заставилъ ихъ вырыть яму въ семь саженей около своей кузницы; надъ ямой растянули бѣлый войлокъ, и Асана туда упалъ, когда кузнечествомъ занимался. Бойраевы его въ ямѣ крѣпко закрыли. Вотъ стали искать его Ахснартаккаевы, нося мѣдные посохи и мѣдные *артчи*. Гдѣ имъ его найдти?

цъдъстъ ӓмӑ сън мӣнас кӓнӯн кӓнӯнц". Сослӓ́нӓн ӯӓ́дахсӣн [115]) jӓ лӯммӓн удӣ ӓмӑ ін jӓ qӯсъ ӓ́дърдта Сърдо́нъ нъхӑ́стӓ. Стӓі Сослӓ́н съста́дӣ ӓмӑ за́хта: «Ӓрцӓун а́фон дӓр нън ӣ ӓмӑ фӓцӯ́ом нӓ хӓдӑ́рттӓм". Ӓ́цъдъстъ, фӓлӣ́дън сфӓнд ко́дтоі. Сӓ хо Агӯ́нда Бо́ірiатъ ӯс удӣ. Ӯі сън за́хта: «Ма фӓлӣ́дӯт, тӯг до́нӓі ӓхса́д вӓjі ӓмӑ ба́фӣдцъстӓм ӯӓ тӯг!» Стӓі сӓ хо́jан за́хтоі: «Бо́ірiатъ хӓрӑ́г дъл слiурӓ́д, ку нӓ нӓ ба́уромаі ӯӓ́д!» Jӓхӑ́дӓг мӓсӯ́дi сӓрмӑ́ фӓцӑ́iцъдӣ, хӓрӑ́г дӓр jӑ́ фӓстӓ. Стӓі ӯідӓр сӓ ра́лӣъста: «Авд а́зъ ӯӓ кӓрда́г кард ма нӯ́ккӓрдӓд, ӯӓ ӯа́jӓг бӓх ма ӯал ӓрӯ́ӑjӓд, кӓмӑ́ фӓцӑ́ӯат ӯі фъдӑ́х ссарӯт, авд а́зъ ӯӓм jӓ дӯ́ххӓі Канцъсӓр Хӯӓндон куд нӓ сдӯ́ра!" Канцъсар хӯӓндон ӓлда́рмӓ та лӣ́дгӓ ко́дтоі; фӓлӯ́ӣдъстъ, Jу аз съл ра́цъдӣ, ӓлда́р сӓм jӓ дӯ́ххӓі нӓ сдӯ́рдта. Стӓі jу лӓг хіст ко́дта ӓмӑ дӯӣ [116]) ӯа́хта, Сослӓ́нъ та урдӯ́ъстӓг [117]) ба́худта. Jу лӓг гал ӓргӑ́вста ӓмӑ Сослӓ́нӓі кард ра́курдта: кард нӓ нъккарста ӓмӑ ін ӓі а́ппӓрста. Сослӓ́н jӓ цӓстӯ́съгтӓ ӓрка́лдта. Ӓхснӓртӓккӑ́тӓ дӓр сӓ бӓх ӯцъ дӯ́ӣъ а́рвъстоі ӓмӑ нӓ ӓрба́ӯадӣ, фӓстіje ба́ззадӣ. Авд азъ куд а́цъдӣ, ӯӓд сӓ ӓлӣ́ъст дӓр фӓцӣ́. Jу бон к' удӣ́, ӯӓд jу лӓг хіст ко́дта; а́фтӓмӓі та Сослӓ́н jӓ кард ра́дта гал ӓргӑ́вдӓгмӓ ӓмӑ ін за́хта: «зъст ӓі ма ӓрбаріуӣ́!» [118]) Фӓлӑ́ лӓг тънг ӓрба́ріухта ӓмӑ́ галъ хурх а́хаун ко́дта ӓмӑ jӓхӣ́ ӯӑ́рцітӓ дӓр. Ӯӓд Сослан ба́худтӣ. Лӓг ін за́хта: «Цӓӯ́л мӓ а́мардтаі?» Ку дън за́хтон—ӓгӑ́р ӓі ма ӓрбӯ́ӑд!—за́хта Сослӓ́н. Дӯ́ӣдӓр та сӓ бӓх а́рвъстоі ӓмӑ́ ін ба́фӑдӓхстоі: «ӓртӑ́ бонъ сӓ ра́здӓр ра́ӯад». Ӓртӑ́ бонъ сӓ ра́здӓр ра́ӯахта, стӓі сӓ ра́сърдта ӓмӑ́ кӓі куд ӑjӓ́фта, а́фтӓ сън сӓ qӯ́бълтӓ сӄӯ́дтӓ-кодта ӓмӑ́ jӓхӑ́дӓг ӓрба́цъдӣ. Ба́худтӣ та Сослӓ́н, сцӯ́дӣ ӓмӑ́ курда́дъ jӓ цӓстӯ́съгӓі jӓ цӣрq съсса́дта. Стӓі а́фтӓ зӓӣ́ӯ: «Дӓ лӓх Сослӓ́нъ ма́рдтӓ ба́хӓрӓнт! Кӓд тъ (Хӯӓндон ӓлда́р) ма мӓм а́цъ хатмӓ нӓ сдӯ́раі, ӓз дън а́цъ цӣрq дӓ сърх бӓрзӑ́ӣл ку нӓ ра́взӓрон!» Кард қӓста́рӣул ӓрӑ́взӓрста ӓмӑ́ jӓ дуӯ́ӑ а́хаун ко́дта ӄудърӣ́мӓ. Jу лӓппӯ́ jӓ цӯръ удӣ́ ӓмӑ́ ба́цъд ӓмӑ́ за́хта ӓлда́рӓн кӓі фӗqуста Сослӓ́нӓі ӯі. Ӓлда́р а́дӓмул нъqqӑ́ркӓнън ко́дта: «А́хсӓв нӓ ӯа́зӣ́ітӓ хъндгӓ кӓнӯ́н ӓмӑ́ нӯ́аст, хо́і раг хӓссӯ́т, га́лтӓ ӓргӑ́вдӯт». Стӓі ӓрба́худта Ӓхснӓртӓккӑ́ттӓ

Когда Ахснартаккаевы пришли домой, Сатана ихъ спросила: «Нигдѣ не находите?» — Нѣтъ его! — Послѣ этого ихъ позвали Бойраевы и задали имъ пиръ. Сырдонъ-же, братъ Ахснартаккаевыхъ, сидѣлъ на ныхасѣ и сказалъ: «что за диковина! Они убили лучшаго изъ нихъ, а тѣ пришли въ ихъ домъ и теперь они (Бойраевы) ихъ угощаютъ!» У Сослана госпожа вѣтровъ была возлюбленной и она ему на ухо сказала слова Сырдона. Тогда Сосланъ всталъ (съ пира) и сказалъ: «идти намъ время, пойдемъ по домамъ». Они пошли и рѣшили бѣжать. Сестра ихъ, Агунда, была женой у Бойраевыхъ. Она имъ сказала: «не убѣгайте, кровь водою смывается и мы вамъ запла́тимъ вашу кровь!» Тогда они сестрѣ сказали: «Бойраевскій эшакъ пусть на тебя прыгнетъ! Не остановишь ты насъ!» Вотъ прошла она сама на верхъ башни, а эшакъ за ней. Тогда и она ихъ прокляла: «пусть семь лѣтъ вашъ рѣзунъ-мечъ не рѣжетъ, пусть вашъ скаковой конь не прибѣгаетъ болѣе (къ цѣли), къ кому придете, того гнѣвъ испытайте, семь лѣтъ пусть устами своими съ вами не говоритъ Канцысаръ Хуандонъ алдаръ!» Они всетаки рѣшили бѣжать къ Хуандону алдару и убѣжали. Прошелъ имъ одинъ годъ, а алдаръ съ ними устами не говорилъ. Вотъ одинъ человѣкъ справлялъ поминки и пускалъ скачки, а Сослана позвалъ въ распорядители. Одинъ человѣкъ рѣзалъ быка и попросилъ у Сослана мечъ; мечъ не рѣзалъ и онъ его ему бросилъ. Сосланъ ронялъ слезы. Послали и Ахснартаккаевы своего коня на эту скачку, но онъ не добѣжалъ и остался позади. Когда прошло семь лѣтъ, минуло и ихъ проклятіе. Однажды одинъ человѣкъ справлялъ поминки. Сосланъ опять далъ свой мечъ, *чтобъ* рѣзчику *зарѣзать* быка и сказалъ (*рѣзнику*): «сильно его не надавливай»! Тотъ легко налегъ, перерѣзалъ быку горло, а также и себѣ колѣна. Тогда Сосланъ засмѣялся. Человѣкъ сказалъ ему: «за что ты меня убилъ?» — Вѣдь я сказалъ тебѣ «не слишкомъ пускай!» сказалъ Сосланъ. И на скачку они пустили своего коня и ему (коню) наказывали: «на три дня ихъ впередъ пусти.» Онъ на три дня (пути) ихъ впередъ пустилъ, а потомъ ихъ нагналъ и кого догонитъ, у тѣхъ *куски вырывалъ*, а самъ доскакалъ. Снова засмѣялся Сосланъ, пошелъ и въ кузницѣ слезами свой мечъ наточилъ.

ämä cvn záхta: „Ўä zа̊rdä mvл ma хў̇däd [119]): авд ázv ўäm mä дzvххåi нё сдzv́rдton älґv́st käi удv́stўt ўitvххäi; нvр ma цv кў̇рўт ўi mvн zäґў̇т». Удóн záхtoi: jу ádämv kорд нä qäўv́ ämä нvн радт. Ўi cvн záхta: Páicom jä zа̊rdä бäхv́л чī дáрv [120]) ўä ärtа̊jä, ўi jä бäхv́л сбáдäд ämä ўártä бvдv́рv jу обáу ämä ў̇мäн jä дўар jä зäвåtäi цäвåд, ўäд бáigом ўдzа̊н, jäха̊дäг лі̇дzäд, фäстá̊mä ma фäкåсäд, ўäд ўм ádäм ўдzа̊н.—Урv́змäг jä бäхv́л сбáдтī páicom ämä дўар нvццáфta; ў̇рдvгäi ádäм ласvн бáідvдtoi ämä бvдv́ртä бáідzагvстv». «Нvр адóнän цv кåнäм, сä нv́мäдz cvн ку нä ссáрдzvстäм,—záхtoi Нарт; сä нv́мäдz cvн ку нä ссáрам, ўäд нvн áххос нä фäў̇дzvстv». Стäi Урv́змäг jä хäдzármä páцvдī ämä jä ў̇сän záхta: «Äфсáдv нv́мäдzän хос н᾽árvн». Äз ссáрдvнän, záхta ўi, ämä бáхудta ärtvкк̀áхvг хäлáф ämä jä дў̇рv бáітvдta. Páicomäi Cvрдóн бáцvдī ämä д̇іскодta: „Äхснärтäккáтän дv́сon бóммä сä äфсåдtv äхсåн ку фäхáдтän ämä сädäсädáji ämä ärта̊ сädä сä ўäлдái—фäлå ärtvкк̀áхvг лäг ку нä фѐдton». Ўäд бáзvдtoi сä äфсåдtv нv́мäдz; äфсåдтä удóн бáістv. Урv́змäг ўäд záхta: „Фvтцáгдäр jä тv́рvса чī нvссáда Бóіріатv хäдzárv сäр, ў̇мäн мä ўс Сатáнaj дäр рáдцvнän“. Ўäд бáцvдvстv,—jу лäг ráздäр, ў̇іфäстä дvккáг, Урv́змäг ärтv́гкаг. Сатáна ўцv фänд бáзvдta ämä фätа́рстī, і̇скäi хai ку фўa. Хäдzárv сäräi сäм кáстī ämä Хцáумä скў̇вдta: „О Хцау, мä Хцау! Фvтцáг цämа̊i ámäла̊!“ Áфтämäi фäцåф ī фvтцáг ämä ámардī. Дvккáг ráздäр фäц̇ī ämä фäцåўv jä тv́рvса jä кў̇хv. Сатáна та ногі Хцáумä скў̇вдta ämä та ў̇idäр мард фäц̇ī. Ärтv́гкаг Урv́змäг jäха̊дäг уд ämä бáцvдī ämä Бóіріатv хäдzárул jä тv́рvса árсáхta. Áфтämäi jä ўс jäх̇іцän бáззадī. Бóіріатv фäцáхtoi, бáхäліу сä кóдtoi ämä та Нарт сä бvнáтмä ärцv́дvстv ämä бáцардvстv ўм,—нvр дäр цärv́нц. Удóн ärцv́дмä хóрзäi цärў̇т.

Потомъ онъ такъ говоритъ: «чтобы твое кало ѣли Сослановы покойники! За то, что ты (Канцысаръ Хуанонъ алдаръ) до сихъ поръ со мной не разговариваешь, попробую-ка я этотъ мечъ на твоей красной шеѣ!» Онъ попробовалъ мечъ на наковальнѣ и разрѣзалъ ее пополамъ вмѣстѣ съ деревомъ. Одинъ мальчикъ былъ около него; онъ ушелъ и сказалъ алдару, что́ слышалъ отъ Сослана. Алдаръ велѣлъ крикнуть людямъ: «Этою ночью я угощаю нашихъ гостей, несите питье, пищу и рѣжьте быковъ!» Потомъ онъ позвалъ Ахснартаккаевыхъ и имъ сказалъ: «Ваше сердце да не гнѣвается на меня! Семь лѣтъ я съ вами устами не говорилъ, такъ какъ вы были прокляты; теперь-же скажите, чего вы просите?» Они сказали: «нѣсколько народу намъ нужно, дай его намъ». Онъ сказалъ имъ: завтра утромъ кто изъ васъ трехъ надѣется на коня, тотъ пусть на коня сядетъ. Вотъ тамъ въ степи одна могила, пусть онъ (человѣкъ) ударитъ въ ея дверь ногой и когда отворится, тогда пусть онъ ускачетъ и не смотритъ назадъ, и люди будутъ. Урызмагъ сѣлъ на своего коня по утру, ударилъ въ дверь, и стали преслѣдовать его люди и наполнили поля.— «Что съ ними дѣлать, сказали Нарты, вѣдь мы числа ихъ не узнаемъ (не найдемъ). Если же число ихъ не откроемъ, то они намъ помощи не окажутъ». Вотъ Урызмагъ пошелъ домой и сказалъ женѣ: «я не знаю средства счесть войско!»—Я найду,—сказала она, сшила трехногіе штаны и ихъ на камнѣ распялила. По утру пришелъ Сырдонъ и удивлялся: съ вечера до утра я шатался среди Ахснартаккаевыхъ дружинъ,—ихъ сто разъ сто и триста въ излишкѣ,—а трехногаго человѣка я не видывалъ.—Такъ они узнали число своихъ дружинъ и дружины стали ихними. Урызмагъ затѣмъ сказалъ: «кто первый воткнетъ знамя на верхъ дома Бойраевыхъ, тому я отдамъ свою жену Сатану». Вотъ они пустились; одинъ человѣкъ впереди, за нимъ второй, а Урызмагъ (былъ) третьимъ. Сатана знала это рѣшенье и боялась стать чьей-нибудь долей. Она съ крыши дома на нихъ смотрѣла и Бога просила: «Боже мой, Боже! пусть первый умретъ!» Такъ первый былъ раненъ и умеръ. Второй оказался впереди и шелъ съ знаменемъ въ рукѣ. Сатана снова Бога молила и онъ также былъ убитъ. Третьимъ

XV. Рóстом ämá Бѣзан.

Рóстом ämä Бѣзан Сануастäі удѵ́стѵ. Бѣзан кäстӕ́р удӕ́. Ју бон к'удӕ́, ўäд мӕ́дäгäі [121]) сäм рáрвѵстоі: „Рóстом, Анѓеттѵ äфсӕ́ндӕвх хутӕ́ ўä сӕ́ндон бáхордтоі". Бѣзан ӯрдäм áцѵдӕ́. Jä ӯс арѵ́инаг уд ämä ін зáхта: дѵ цӕ́ус, фäлӕ́ äз та цѵ кӕ́ндӕвнäн? Чізг ўа лäппӯ ўа, ӯі цämáі зóндӕвнä? Ӯі зáхта jä ӯсäн: „Лäппӯ ку ўа, ўäд äз käӯл áцäӯон ӯм фáтqäд талá цäӯдӕ́н, мä фäндáѓі бáрäг ӯі ӯдӕ́н». Áцѵдӕ́ ämä jä цäхäрáдäттä qáqqäдта. Ӯіфäстä лäппӯ ін páігурдӕ́; äхсӕ́в дӕ́сн рäстӕ́, бон улѵ́нк [123]) ämä фáтäі qáзѵн бáідѵдта. Ју бон к'удӕ́, ўäд кӯлбадäг ӯсѵ чізг дóммä фäцӕ́іцѵд ämä ін jä кäртá лäппӯ áсаста фáтäі. Чізг ін зáхта: «käд ӯjáс хорз лäппӯ дä, ўäд тѵн дä фѵ́дѵ сѵст цämӕ́н бáхордта [124])?» Лäппӯ käугӕ́ бáцѵдӕ́ jä хӕдзáрмä. Jä мад ѵн зáхта: «цѵ кӕ́нѵс, цäӯ́л käус?»—Кämáі páігурдтäн?—зáхта jä мáдäн,—фѵд мѵн удӕ́? „Удӕ́", —ін зáхта. Уäдá käм ӕ́? Jä мад ѵн зáхта: „нѵр чісѵ́л дä, ӯрдäм нä фäцӕ́удзѵнä!»—Кун нä фäцӕ́удзѵнäн? Мä фѵ́дѵ фäндáг мѵн бáцамон.—Мад фäцѵ́дӕ́ ämä jä фѵ́дѵ фäндáгул бáфтѵдта, фáтqäд талáїл. Áцѵд ämä цäун бáідѵдта. Бѣзан усóнѓі нä удӕ́; лäппӯ ӯм бáдтӕ́. Бѣзан хäтѵ́нѵ удӕ́, амä кӯ'рцѵдӕ́ фäстӕ́мä, ўäд дардäі фѣдта лäппӯjі ämä jäм qузѵ́н бáідѵдта, бáqузѵд äм ämä jä фѣхста ämä jä áмардта. Лäппӯ ін зáхта: „Хорз лäѓі лäппӯ áмардтаі».—Ӯі цáвäр лäг ӯ?—зäѓгӕ́ jä бáфарста Бѣзан. «Äз Бѣзанѵ лäппӯ дäн", —зäѓгӕ́ ін зáхта лäппӯ. Бѣзäн jä тóппäі jä сäр нѵххóста. Бáцѵд ämä зӕ́ххѵбѵн хäдзар скóдта. Áфтämäі ӯм бáдѵн бáідѵдта, áфäдз-áфäдзмä фäбáдтӕ́. Äртӕ́ бóнѵ ма jä qуд áфäдзмä, áфтä jäм бáдзѵрдта Сѵрдóн: „Уу! Ју сѵвáллонѵ тѵххäі цämӕ́н зӕ́хххѵбѵн бáдѵс"? Ӯцѵ äртӕ́ бонѵ ма іл ку áцѵдаїд, ўäд лäппӯ páігас удáїд. Ӯі нал бáурäдта Бѣзан, ämä ӯрдѵгäі páхѵстӕ́. Сѵрдонѵ дäр ку нал бájäфта, ўäд jä qáма фѣлвäста, ämä jä раст jä зäрдѵ́сäр нѵссáхта ämä áмардӕ́.

былъ самъ Урызмагъ; онъ дошелъ и на домѣ Бойраевыхъ свое знамя водрузилъ. Такимъ образомъ жена осталась за нимъ самимъ. Они перебили Бойраевыхъ, разграбили и снова Нарты на свои мѣста воротились и зажили тамъ. Еще теперь они живутъ. До ихъ прихода живите счастливо!

XV. О Ростомѣ и Безанѣ.

Ростомъ и Безанъ были изъ рода Сануасовыхъ. Безанъ былъ младшимъ. Однажды имъ послали сказать изъ саду: «Ростомъ! Ангетовскія желѣзно-рылыя свиньи вашъ виноградникъ (садъ) съѣли».—Безанъ туда отправился. Жена его была беременна и сказала: «ты идешь, а мнѣ что дѣлать? Какъ ты узнаешь, мальчикъ-ли будетъ (у меня) или дѣвочка?» Онъ сказалъ: если будетъ мальчикъ, то по какимъ мѣстамъ пойду, тамъ пойдетъ побѣгъ *стрѣловаго дерева*; это будетъ знакомъ моего пути.—Онъ пошелъ и сторожилъ садъ. Затѣмъ у него родился мальчикъ. Ночью онъ на ладонь росъ, днемъ на *улыкъ* и скоро сталъ играть стрѣлой. Однажды дочь вѣдьмы шла по воду и мальчикъ стрѣлою пробилъ ей ведро. Дѣвушка ему сказала: «если уже ты такой хорошій мальчикъ, зачѣмъ-же твоего отца вошь съѣла?» Мальчикъ съ плачемъ вошелъ въ свой домъ. Мать ему сказала: «что съ тобою? что плачешь?»—Отъ кого я родился, сказалъ онъ, былъ у меня отецъ?—«Былъ», сказала она. Такъ гдѣ-же онъ? Мать сказала ему: «Теперь ты малъ, туда не пойдешь!» Отчего непойду? Покажи мнѣ дорогу къ моему отцу.—Мать пошла и направила его по отцовой дорогѣ по побѣгу *стрѣловаго* дерева. Мальчикъ ушелъ и шелъ впередъ. Безана въ шатрѣ не было, мальчикъ тамъ сѣлъ; Безанъ ушелъ за добычею; возвращаясь назадъ, онъ увидѣлъ мальчика издали, началъ къ нему подкрадываться, подкрался къ нему, выстрѣлилъ въ него и убилъ. Ему сказалъ мальчикъ: «Хорошаго мужа сына ты убилъ!» «Какого рода племени этотъ мужъ?» спросилъ его Базанъ. Я Безановъ сынъ, сказалъ мальчикъ. Безанъ себѣ ружьемъ по головѣ колотилъ; потомъ онъ пошелъ и сдѣлалъ себѣ жилище подъ землею, сталъ тамъ сидѣть и просидѣлъ отъ года до года. Еще три дня оставалось до года, когда ему такъ крикнулъ Сырдонъ: «У! у! ради одного ребенка чего ты подъ землею сидишь?» [Если еще эти три дня прошли-бы, то мальчикъ былъ бы воскрешенъ]. Этого болѣе не выдержалъ Безанъ и оттуда вылѣзъ. Не догнавъ Сырдона, онъ вынулъ свой кинжалъ, вонзилъ его себѣ прямо въ грудь и умеръ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

СКАЗКИ, МѢСТНЫЯ ПРЕДАНІЯ

И

ПѢСНИ.

1. Лäг, бӏрäг̆ ämä̂ рӯбäс.

Ју мäгӯл лäг дуӯä̂ [125]) гäлäі гӯтонѵ хум-кодта̂. Бӏрäг̆ jäуä̂лäтä äрбäцѵдӏ ämä̂ ін зäхта. „Бäіріаі [126]), мäгӯл лäг!“ Хцау хорзäх ссар, бӏрäг̆!—„Цäі, лäг, фänд бäкänäм: цäлѵммä дä гӯтон рäфтаӯаі, ӯäлѵммä бонän нäлфѵс лäсдѵнän äз; дä гӯтон ку рäфтаӯаі [127]), ӯäд ју мѵн ју гал радт“. Бäфӏдѵдтоі ӯул, äлѵ бон дäр нäлфѵс ју [128]) äрläста бӏрäг̆ ämä̂ лäг ју äі äвгäрста ämä̂ сфѵхта. Стäі äлѵ бон дäр äфтä кодтоі. Jä гӯтон äфтаун к’урцѵдӏ, ӯäд лäг сäг̆äс-кänѵн бäідѵдта: „нѵр мä гäлтäі ју ку рäдтон, ӯäд гäлäі qаг-кändѵнän“. Äфтä рӯбäс äрбäцѵдӏ jä ӯäлäтä [129]) лäгän ämä зäхта: „бäіріаі, мäгӯл лäг“! Лäг änкäрдгомау сдѵрдта: „Хуцäӯѵ хорзäх дä ӯäд! Куд änкäрд дä, мäгӯл лäг“? Ӯі зäхта: «куд нä ӯон änкäрд—бӏрäг̆ӏмä ämг̆ӯд удӏс мäхän, нѵр ämг̆ӯд äрхäдä ӏс ämä мä мä гал дäттѵн qäӯѵ бӏрäг̆äн». Рӯбäс зäхта: «ӯмäн мадäл нä зонѵс [130]), дѵ, лäг»? Ӯі зäхта: «нä зонѵн». Ӯäдä räісом äз äултѵ [131]) äрбäцäудѵнän; смах räфтäд ку сцäдтä кänät, ӯäд äрдӯрдѵнän: «бäіріат!» Дѵ мѵн ју зäг̆: дä qудтаг раст [132]), дäлämä räцӯ. Äз та зäг̆дѵнän: «ämä дä цӯрѵ ӯі та ці ӯ?» Дѵ ју зäг̆: кäссä ӯ. «Кäссä кäд ӯ, ӯäд äі ӯäрдонѵл бäбäдтä ämä ін jä сäр ӏстämäі äркӯр». Ӯäд ју ін äфсондäі нiммӯр кä jä сäр.—Дѵгкäг бон сä räфтäд ку сцäдтä ӏ, ӯäд рӯбäс äрбäцѵдӏ jä ӯäлäтä ämä зäхта: «бäіріаі мäгӯр лäг»!—Хцäӯѵ хорзäх д’ӯäд! räцӯ дäлämä, räфтäд бäхäр.—«Ämä дä цӯрѵ ӯі та ці ӯ»? Кäссä ӯ, кäсä! «Ӯäдä кäд кäссä ӯ, ӯäд äі ӯäрдонѵ сѵдул бäбäдт»; ämä бӏрäг̆і бäбаста лäг ӯäрдонул. «Jä сäр ін äркӯр ӏстämäі»! Лäг äфсонд сіста ämä бӏрäг̆äн jä сäр нѵммӯр кодта. Бӏрäг̆ амардӏ. Лäг рӯбäсі jä цӯрмä äркодта: «Jä! хорз дѵн ракодтон»! рӯбäс лäгäн зäхта, «ämä ју мін ӯрс ӯäрѵгк äрхäсс, дä гӯтон ку сӯäдаі

I. Человѣкъ, волкъ и лисица.

Одинъ бѣдный человѣкъ пахалъ сохою въ два быка. Волкъ къ нему спустился и сказалъ: „Здравствуй! бѣдный человѣкъ“. Человѣкъ сказалъ: „Милость Божью получи!“—Давай, человѣкъ, сдѣлаемъ договоръ,—сказалъ волкъ; пока ты вынешь свой плугъ, до тѣхъ поръ ежедневно я буду тебѣ притаскивать барана, а когда вынешь плугъ, ты мнѣ дай одного быка“. Они согласились на этомъ, и волкъ каждый день таскалъ по барану и человѣкъ его рѣзалъ и варилъ. Такъ они дѣлали каждый день. Когда пришлось вынимать плугъ, вотъ человѣкъ сталъ задумываться: „если теперь изъ быковъ моихъ я одного отдамъ, то для меня *будетъ мало одного* быка“. Вотъ проходила лисица съ южной стороны и сказала человѣку: „Здравствуй, бѣдный человѣкъ! “Человѣкъ печально сказалъ: „Да будетъ тебѣ милость божья!“—Чего ты печаленъ, бѣдный человѣкъ?—Онъ сказалъ: „Какъ не быть печальну? У меня былъ уговоръ съ волкомъ: теперь срокъ приблизился и я долженъ моего быка отдать волку“. Лисица сказала: „Ты не знаешь, какъ отъ этого избавиться, человѣкъ?“ Онъ сказалъ:—Не знаю.—Въ такомъ случаѣ завтра по этимъ же мѣстамъ я буду проходить, въ то время когда вы обѣдъ готовите; я крикну: „Здравствуйте!“ А ты мнѣ скажи: „Будь счастлива! Сходи внизъ сюда!“ Я скажу: „А что это около тебя?“ Ты же говори: „Кожаной мѣшокъ“.—Если это кожаной мѣшокъ, то привяжи его на арбу и ударь чѣмъ нибудь по макушкѣ“. Тогда ты ярмомъ расколи ему голову“. На другой день, когда ихъ обѣдъ былъ готовъ, пришла сверху лиса и сказала: „Здравствуй, бѣдный человѣкъ!“—Да будетъ тебѣ милость божья! Сходи внизъ, поѣшь обѣда.—„А это возлѣ тебя что такое?“ „Это мѣшокъ, мѣшокъ!“—Если это мѣшокъ, привяжи его сзади къ арбѣ.—Человѣкъ привязалъ волка къ арбѣ. „Ударь его чѣмъ-нибудь

ӯäд». Лäг jä гӯтон ку сӯáхта, ӯäд jä хäдáрмä äрцӯдӏ ämä ӯрс ӏгáр гӯллáӷі цäвäрдта ämä jä гӯтон käм ісӯáхта, ӯрдäм äрцӯдӏ ämä ӯм рäвäрдта ӯрс ӏгáрӯ зäххӯл. Рӯбáс äрбáцӯдӏ ӯäлатӯ: äгáс цӯ [133]), мäгӯл лäг! «Хорз фён! [134]) рáцӯ дäлäмä, рӯбáс». Ämä дä цӯрӯ ӯі ці ӯ? „Ӯрс ӯäрӯгк“, заӏӯ. Куд qӏзгун ӯ? „Сäӏгóнд мӯккáг ӯ». Ämä куд дäрӷдӯм ӯ? «Куідӯм мукká г ӯ». Рӯбáс дäлäмä нал ӯändі; ку нä ӯäндӯдӏ рӯбáс, ӯäд ӯл jегáр áппäрста лäг; jегар сӯрӯн äі бáідӯдта ӯäрдóнвändагул, лäӷдӏс áфтämäі, jä бáхäстäг кóдта, фäлä бӯдӯрі jу хунӄ ссáрдта, ӯм нӯгкäпп кóдта ämä jегáр jä дӯмäг ін стӯдта jä рäбӯнӯл ämä рáздäхтӏ.

Ӯіфäстä фäзäг [135]) ку'рцӯдӏс, ӯäд рӯбáс зáхта: «ӯцӯ лäгäн jу зіáн ку скäнӏн»! Áцӯдӏ сáуӷäдмä ämä тӏӷäі [136]) бáкастӏ ämä jу хӯтӯ ӄор бáлӯгдӯстӯ. Jу рáммä сä сämбӯрд кодта, стäі сäм jäхӏ рáвдіста ämä зáхта: «цämäі мä тäрсӯт? äз дäн рӯбáс; рáцäӯт мä фäдӯл, äз ун хорз мӏнáс фäкäнӯн кäнóн ämä мін ӯäд jу qӯбӯл рáдтӯт». Áхудта сä рӯбáс ämä сä ӯцӯ лäцӏ хӯнтäм äрхӯдта. «Áхäм хор нӏку'рзадӏ»! захта ämä сä ӯрдäм бáсӄäрдта; іттäг снардӯстӯ, іӷáу дäр сӯстӯ. Стäі рӯбáс сӯн зáхта: «jу qӯбӯл мӯн рáдтӯт»;—фäлä кämä jу бáвнäлдта, ӯі jу äі фӗхста дáрдмä. Фäр äі ку нä удӏс, ӯäд áцӯдӏс падцáхӯ фändáгмä [137]) ämä jäхӏ нӯффäлдäхта. Áфтämäі чірä рáцäіцӯдӏс; рӯбáсі ку фӗдтоі, ӯäд зáхтоі: «фändáгӯл рӯбáс ämä jä ámаräн». Рӯбáс сӯн зáхта: «мänäн дӯмäг дäр ку нä ӏ, ӯäд мäн амáрӯнäі ц'кäнӯт? äз ун бӏрä хутä фäцäӷдӯн кändӡнäн ämä удóн ку фäцäӷдат, ӯäд jу мӯн бäх рáдтӯт». Рáдцӯстäм,—заӏгä зáхтоі. Рӯбáс ӯцӯ áдämӯ схӯдта ämä сӯн фäцäӷдӯн кодта хӯтӯ, сä ӯäрдáттӯ лáсӯн käі фäрастоі ӯjас. Стäі ін удóн дäр рáдтоі бäх, ставд гänӯн бändäн jä'фцäӷі бáбастоі. Рӯбáс сáӷäс käнӯн бáідӯдта: «áцӯ бäх äз куд бáхäрдӡнäн, стӯр ку ӯ». Лáсӯн äі бáідӯдта; сáуӷäдмä jä куд слáста, áфтä фäкáстӏ ämä дін дäлä бӏрäӷ ärцäӯ. Рӯбáс äм дӡӯрӯ: «Бӏрäӷ, бäхӯ фӯд нä хäрӯс»? Käм ӏ? зäӏӯ, хäрӯн! «Мänä, зäӏӯ, мänä». Бӏрäӷ äм ärцӯдӏ; käм бáлäбӯрі ämä áӷдӯл фäхäці, käм фарсӯл фäхäці. Рӯбáс äм дӡӯрі: «куд кäнӯс бӏрäӷ»! Бӏрäӷ зáхта: «Ӯäдá

по макушкѣ". Человѣкъ взялъ ярмо и хватилъ волка по головѣ. Волкъ умеръ. Человѣкъ подозвалъ къ себѣ лисицу. „Вотъ, я добро тебѣ сдѣлала! сказала лисица человѣку; за это ты принеси мнѣ бѣлаго ягненка, когда плугъ оставишь (когда отпашешь)". Человѣкъ, когда кончилъ пахать, пошелъ домой, положилъ бѣлую борзую собаку въ мѣшокъ, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ плугъ и здѣсь положилъ собаку на земь. Пришла лиса сверху. „Будь здоровъ, бѣдный человѣкъ".—Будь счастлива! Сходи внизъ, лисица!—А это возлѣ тебя что такое?—Это бѣлый ягненокъ,—говоритъ человѣкъ. „Что же онъ такой жесткошерстый?"—Онъ изъ козьей породы.—„А что же онъ такой длиннохвостый?"—Онъ песьей породы!—Лисица не смѣетъ болѣе (идти) внизъ; когда лисица не посмѣла, человѣкъ бросилъ собаку на нее; собака стала ее гнать по колесной дорогѣ, побѣжала и ее почти нагнала, но лисица нашла въ полѣ нору и туда прыгнула, а собака оторвала ей хвостъ у самаго корня и вернулась. Послѣ этого когда пришла осень, лисица сказала: «Какъ бы мнѣ сдѣлать какой нибудь вредъ этому человѣку». Пошла она къ черноліссью, посмотрѣла съ горы, — (видитъ) побѣжало стадо свиней. Она согнала ихъ въ одно мѣсто, потомъ явилась къ нимъ и сказала: „Чего вы меня боитесь? Я лисица; ступайте вслѣдъ за мной, я вамъ доставлю хорошее угощенье, а вы мнѣ дайте потомъ одного поросенка". Позвала ихъ лисица и привела къ пашнѣ этого человѣка. „Такого хорошаго хлѣба нигдѣ не уродилось!" сказала она и пустила ихъ туда. Сильно онѣ разжирѣли, большими стали. Затѣмъ лисица имъ сказала: „дайте-же мнѣ одного поросенка". Но кого она ни трогала, тотъ ее отталкивалъ далеко. Когда ей не было успѣха, пошла лисица на широкую дорогу и тамъ растянулась. Проѣзжалъ обозъ. Когда лисицу увидѣли, то сказали: „На дорогѣ лисица (лежитъ), убьемъ ее!" Лисица имъ сказала: „У меня даже хвоста нѣтъ, какой прокъ вамъ меня убить? Я дамъ вамъ перебить много свиней, и когда ихъ вы перебьете, то дайте мнѣ одну лошадь". „Дадимъ", сказали они. Лисица позвала этихъ людей и дала имъ перебить столько свиней, сколько они могли на арбахъ увезти. Потомъ и они ей дали лошадь и привязали къ шеѣ толстой конопляной веревкой. Лисица ду-

куд, рӯбáс?» «Рӯбáс захта: «Бäхі áфтä нáʼвгäрстäӯуі, [138]) бäх псýлмон ӯ ämä псýлмон ävгáрст куд ӯ, ӯі дін бíамонон». Стäі бäндáн дäлáмä äркóдта ämä бíрäг̀і сäр ämä бäхí сäр бäндáні мíдäг бáкодта ämä рáзäі бäхі бірíнчітäм лäбýрvн бáідvдта. Бäх jäхí фäстáмä рáіваста ämä бíрäг̀ дäр, бäх дáр ärвáзäгäі нім-мáрдvстv.

II. Дvгýр хäірáг̀і куд фäсáідтоі.

Дvгýрон лäг, Сёк̀іná хос кáрста ӈvфѓіні; [139]) ämбíсбоні рäстáг̀і jäм ärцvдī jу лäг ämä jä зärдájä jäхí хузáн лäг худтá. Ӯцv лäг jä jу käрóнv кáрста хос, кī jäм ärцvдī, ӯі та jäм jу сахáт фäкáстī. Сä цӯрі бäлáс удí, хäрíсі qäд. [140]) Ärцӯогкáг лäг кī удí, ӯі бäлáсмä нvццvдī ämä бäлáсäі к̀адӯтä áлvг кóдта, сä цäвáг скóдта ämá гýрдäнäн jä іннä käрóнäі хос käрдvн бáі-дvдта ӯцv цäвáгäі. Стäі Сёк̀іна jä бáзvдта: «аі лäг нä ӯ, фäлá хäірáг ӯ». Сёк̀іна jä цäвáг jу ку цvр̀г̀ кодта бäлá̀гул [141]) дӯрäі, ӯäд jу хäірáг дäр дóммä нvццvдī ämä jу дӯр сіста, ӯцv дӯрäі jу ӯідäр хäрíсvн цäвáг цvр̀г̀ кодта. Áфтämäі Сёк̀іná jäхíцäн зáхта: «Áцv хäірáг äз цv кäнvн, ӯі дäр ӯі кäнv́ мäн фäзмі áлцämäі дäр». Бäндäнтä бíjін бáідvдта кäрдáгäі ämä ку сбідта, ӯäд хäірäг дäр сбідта. Стäі Сёк̀іná jä к̀áхтä сбáста цv бäндáнтä icбідта удóнäі. Хäірáг дäр цv бäндáнтä icбідта, удóнäі jä к̀áхтä сбáста. Стäі Сёк̀іná jä к̀ӯхтä дäр сбáста фīдар, ämä хäірáг дäр jä к̀ӯхтä сбáста ӯіхузäн. Ӯіфäстä лäг фvтцáг jä к̀ӯхтv баст jäхí äфсаінáг цäвáг̀і кóмул слvг-кóдта, стäі ӯäд цäвáг сіста ämä д̣і jä кáхтv баст дäр слv́г-кóдта; хäірáг дäр jä к̀ӯхтv баст jä зärдäj лvг-кóдта jä хäрíсvн цäвáгул, фäлá jä qäдvн цäвáг цv слvг-кодтаїдä ämä jä бáстvтäн icӯäг̀д-кäнv́нv мад̣ál нал icсáрдта. Сёк̀іná ӯі ку бáзvдта, ӯäд jä цäвáг рáск̀äфта ämä бáӯадīс хäірáгмä ämä jін цäвáгäі jä сáрv сäрдáсäндäф [142]) фäкóдта.

мать стала: „какъ мнѣ съѣсть эту лошадь, вѣдь она велика“? Она повела ее и привела въ чернолѣсье. Посмотрѣла: подходитъ сверху волкъ. Она говоритъ волку: „Волкъ, не ѣшь ли конины?—Гдѣ она? говоритъ онъ, ѣмъ!—Вотъ она, вотъ.—Волкъ подошелъ къ ней; то схватитъ и за ляжку куснетъ, то за бокъ куснетъ. Лисица ему говоритъ: „Что ты дѣлаешь, волкъ?“ Волкъ сказалъ: „А какъ же, лиса?“ Лиса сказала: „Коня такъ не рѣжутъ; конь—магометанинъ, а какъ магометанъ рѣжутъ, это я тебѣ покажу“. Вотъ она спустила веревку, всунула въ петлю го́ловы коня и волка и стала спереди хватать коня за морду. Конь потянулъ назадъ и такимъ образомъ волкъ и конь отъ удушенья подохли.

II. Какъ Дигорцы чорта надули.

Дигорецъ Секина косилъ траву въ Тцыгинѣ. Около полуденнаго времени пришелъ къ нему одинъ человѣкъ и онъ считалъ его за себѣ подобнаго человѣка. Человѣкъ на одномъ концѣ косилъ траву, а тотъ, что́ къ нему пришелъ, смотрѣлъ на него съ часокъ. Около нихъ было дерево—ива. Подошедшій человѣкъ сошелъ внизъ къ дереву, обрубилъ сучья, изъ нихъ сдѣлалъ косу и началъ косить траву съ другаго конца сѣнокоснаго луга этой косою. Тутъ Секина его узналъ: „Это не человѣкъ, а чортъ“. Когда Секина свою косу оттачивалъ надъ *балагомъ* на камнѣ, тогда и чортъ сходилъ къ водѣ, бралъ камень и также этимъ камнемъ ивовую косу оттачивалъ. Вотъ Секина сказалъ себѣ: „что я дѣлаю, то все точно такъ-же и этотъ чортъ дѣлаетъ за мной“. Началъ онъ вить веревку изъ травы, и когда Секина веревку свилъ, то и чертъ также свилъ. Потомъ Секина связалъ себѣ ноги веревкою, которую свилъ. И чортъ веревкою, которую свилъ, себѣ ноги связалъ. Затѣмъ Секина и руки себѣ крѣпко связалъ, и чортъ себѣ точно такъ-же руки связалъ. Послѣ этого человѣкъ сначала перевязь рукъ на остреѣ своей желѣзной косы перерѣзалъ, а потомъ взялъ косу и также перерѣзалъ перевязь ногъ. Чортъ также перевязь своихъ рукъ думалъ перерѣзать ивовой косой, но его деревянная коса что́ могла

Стäі jін хäірӑг зӑхта: «дäу саінӑг удтӑн, фӑлӑ мул дӳ фäцäбӑрдäр дä; нӳр мäн Хцау дäӯӑн рӑдта ämä мä хон ӯä хӑдӑрмä. Хäірӑг käі удī, ӯі та фӳтцӑг ӯмäі ärцӯдӳ кӧдта ämä jä ӄӑхтä фäстӑмä ӑräст käі удӳстӳ ӯітӳххäі. Сӗӄіна хäірӑґі ӑхудта jемä ämä ін фäндӑгул хäірӑг зӑхта: „нӳр ку бӑцäӯäн хӑдӑрӳ дӯӑрмä тӑлӳнґі, ӯäд дӳ рӑздäр бӑцӯ хӑдӑрмä, мäн та нуӯӑд äттäдӯӑр ämä бīнӧнтäн мäн хӑбар рӑдӯр, стäі сӳн зӑґ, äз ку бӑцäӯон, ӯäд ма чī фäхӯдäд, käд нä ӯäд, чī фäхӯда ӯман хорз нä ӯдänī. Стäі jу цӳрӑґ ämä ӑрт нӳххӯссӳн кäн, хӑдӑрӳ рӯхс куд нä ӯал ӯа ӑфтä; ӯäд мäм jу рӑцӯ ämä мä бӑхон хӑдӑрмä дäхӑдäг ämä jу зäґ: „хорз ӯӑзäг ärцӳдī“,—дäхӑдäг jу цӳрӑґ скänӳн кän». Хӑдӑрӳ дӯӑрмä ку бӑхäдцä стӳ, ӯäд хäірӑґі äттӗjä нуӯӑхта ämä jін хäірäг цӳ зӑхта рӑздäр, удӧн сӳнхäст кӧдта. Стäі рӑцӳдīс ämä хäірäґі дäр бӑхудта. Рӯхс ку скӧдтоі, ӯäд jу ӯс ку фӗдта хäірӑґі ӄӑхтä фäстӑ ’рдäм käі удӳстӳ ӯі, ӯäд фäхӯдтīс, ämä фärсмӑ куд хӯдтīс хäірӑгул, ӑфтä ӯцӳ ӑрästäі хӯдгä-хӯдгäjä бӑззадīс. Хäірӑг сӗма цärӳн бӑідӳдта, ӑфтämäі сӳл ӑмонд кälӳн бӑідӳдта. Хäірӑг jу jä дäс ängӯлдул дäс ӄібілаj цӧлпаїмä ӑхаста дӧммä рӑісомäі ämä jу дӧнӳ бӳлӳл сбӑдтīс, доммä jу käсӳн бӑідӳдта ämä jу цӧлпajä jу лäбӳрд дӧммä фäкӧдта ämä jу äі jä-дӑгäі фӗлвäста, ӑфтämäі jä ӄібілатä äвгӑдта, ку jу фӑлӑбӳрдта доммä, ӯäд та jу сӑхат хумӑтäці дӧнӳ бӳлӯл фäбӑдтīс. Стäі ӯäд та jу хат фӑлӑбӳрдта дӧммä ämӑ та jу äі käі сіста ӯі ӄібілатӳ нӳккӧдта. Афтämäі jу цалӳммä ӄібілатä бӑідӑг кӧдта, ӯӑлӳммä jу ӯул бӑізäрīс ämä jу зӑräі дӑг ӄібілатä хӑдцӑ ärбäцӳдī хӑдӑрмä. Хӑдӑрӳ jу äі бӀнонтä бäфарстоі: «дäхӀул, рӑісомäі ку фäцӑус, ӯäд цämӑн бӑізäр кänӳс, ämä доммä Ӏвстаг лäбӳрд цämӑн фäкӑнӳс, дäґӑл бӑдт ку фäкӑнӳс?—ӯäд таґд jу сä рӑідӑг кän ämä сä ärбäхäсс“. Хäірӑг сӳн зӑхта: „Ӏвстаг лäбӳрд дӧммä ӯітӳххäі фäкӑнӳн ämä дӧнän, äз цӳ сӑхат фӑлӑбӯрӳн, ӯцӳ сӑхат рӑхädцä вäjí jä кädӯс; стäі ӯäд ӯӧтӳд ку фäбӑдӳн, ӯäд та jä ӌӳмӳр фäцӑӯ ämä ін jä ӌӳмӳräі та äз нä фäjӀсӳн цалӳммä jä кädӯс рӑхädцä вäjí ӯалӳммä, ämä зäр дäр мул ӯітӳххаі бӑвäji».—Хäірӑгän ӑлӳ сабӑтӳзäрӳ дäр jä сӑрӳ сärдӑсändäф кӧдтоі,

рѣзать? и онъ не находилъ средства освободить себя отъ путъ. Когда Секина это замѣтилъ, онъ схватилъ косу, подбѣжалъ къ чорту и косою ему на головѣ сбрилъ нѣсколько волосъ. Вотъ ему чортъ сказалъ: „Я думалъ тебя обмануть, но ты оказался сильнѣе меня. Теперь меня Богъ тебѣ отдалъ, веди меня въ вашъ домъ“. Что это былъ чортъ, это Секина прежде всего потому догадался, что у него ноги были выворочены ступнями назадъ. Секина позвалъ чорта съ собою и тотъ сказалъ ему дорогой: „Теперь, какъ мы къ двери дома подходимъ въ темнотѣ, ты войди впередъ въ домъ, а меня оставь за дверью и извѣсти обо мнѣ родныхъ (домочадцевъ); скажи имъ, пусть никто не смѣется, когда я буду входить, а не то тому, кто посмѣется, добра не будетъ. Также вели погасить свѣчу и огонь, чтобы не было болѣе свѣту въ домѣ, а потомъ выйди ко мнѣ, позови меня въ домъ самъ и скажи: „хорошій гость пришелъ“, и самъ вели зажечь одну свѣчу“. Когда они подошли къ двери дома, онъ оставилъ чорта снаружи и что́ ему чортъ раньше сказалъ, все выполнилъ. Онъ вышелъ и позвалъ чорта. Когда засвѣтили свѣчу, одна женщина, увидѣвъ, что у чорта ноги назадъ выворочены, засмѣялась и какъ смѣялась въ сторону надъ чортомъ, такъ въ этомъ направленіи смѣючись и осталась смѣющеюся. Сталъ чортъ съ ними жить и такимъ образомъ стало сыпаться на нихъ счастіе. Чортъ на своихъ десяти пальцахъ десять ведеръ съ черпакомъ относилъ къ рѣкѣ поутру, садился на берегъ рѣки, начиналъ на воду смотрѣть, дѣлалъ черпакомъ одинъ черпокъ въ водѣ, вытаскивалъ его полнымъ и наливалъ ведра, а потомъ, когда черпнетъ воды, цѣлый часъ праздно сидѣлъ у берега рѣки. Затѣмъ опять еще разъ черпнетъ воды и, что́ зачерпнетъ, опять въ ведра нальетъ. Такимъ образомъ, пока онъ наполнитъ вёдра, наступалъ вечеръ и уже вечеромъ съ полными ведрами онъ приходилъ домой. Домочадцы однажды его спросили: „Вѣдь ты рано утромъ уходишь, такъ отчего же опаздываешь до вечера? Отчего рѣдко черпокъ въ водѣ дѣлаешь и даромъ сидишь? Наполняй ведра поскорѣй и приноси ихъ (домой)“. Чортъ имъ сказалъ: „Потому я изрѣдка черпокъ беру, что, когда черпаю, въ тотъ часъ къ рѣкѣ доходитъ чистая вода; а когда я

ӳі ку нä ко́дтаїккоі, ӳад ун сӗмä фäцӑрунӳ ма́дӑл нä уд́і. Наі ју ку ко́дтоі ämä кӑрі [144]) ку кäдӯс ко́дтоі фіјáгäі думгӑ́мä, ӳад ју ју фіјáг раст сӳппäрста кӑрі сäрмá, ју, кäнä дуӳä фіјáґі та ју äттӑ́мӯсмä дäґӗ́лӳ áппäрста. Ку ју äі бáфарстоі: «äттӑ́мä та ма цäмӑ́н äппáрус?“—ӳад ју зáхта: «äттӑ́мä та ӳітухкäі ка́лун ämä käі ка́лун ӳі мах ámонд näу; ку jä бáфснajäм, ӳädтäр äі мі́стутä бáхäрдӡустӳ. Н’ámонд чī нä ӳа, ӳ́мäі ӳädтäр мáхмä нӣцӳ ärхӑ́дцä ӳ́дӑнī». Áфтämäі цáрдустӳ, ämá хäдӡáр қäздӳ́г кäнӳ́н бáідӳдта. Сä қӑ́ӳул қáмäті бӣ́рäґ сáхурīс ämä сä а́лӳ зäр дäр свӑ́ллон хáста. Ју кäм удī ӳм та, сабáтӳзäрӳ, бӣ́рäґ ју лäппӯ́ áсӄäфта, хäірáгäн jä сӑ́рӳ сäрдáсäндӡäф áфон ку уд́і ӳäд. Бīнонтä jӯгуräі дäр фäдӣ́сі [145]) фе̑сті, бáргом дӡі чīдäр уд́і удóн. Хäірáґ қурмá кäнӳн бáідӳдта сäхӣ́ хäдӡáräі jін jä сäрӳ сäрдáсäндӡäф чī фäкóдтаїд áхäм ку нал уді́с; áфтämäі сäрдáсäн ráіста ämä jä сä сӳ́нхонтäм, кäм jӯ́мä кäм і́ннämä лäвӑ́рдта ämä сä курдтá: «мä сӑ́рӳ мӳн і́скī сäрдáсäндӡäф фäкӑ́нäд». Jäхі́цäн та ӳі кäнӳ́н нä уд́і, удóнäі дäр нӣ́чī бáкумдта; áфтämäі jä сäрдáсäндӡäф áфон ӣ́вӣ́уїн бáідӳдта. Стäі ӳад árв дäр гäрáхтä кäнӳ́н бáідӳдта, хäірáґ дäр рӣ́зӳн бáідӳдта. Сӗ́кінатäн сä дӑ́ллäі, Фäрäсӄа̑ттӳ қӑ́ӳ, нáдӳ ӳа̑ллäі jу стӳр дӯр īс; хäірáгäн мадӡал ку нал уді́с, ӳад ӯцӳ дӯрӳ бӳнмä нӳллӳ́ґдī ämä ма фäстӑ́мä Сӗ́кінáтäм áфтä сдӳ́рдта: «бáіӳарӳн фäдґа́ ун ма ӳäд, қäздӳ́г кäнӯ́т; чī бáіӳара, удóн та гургá ämä мäлґа́ кäнӑ́нтä, jӯ́äі-jӯ́мä цäӳ́а̑нтä». Áфтämäі кī бáіӳа́рста, удóн мäлґа́ дäр áräх фäкóдтоі, jӯ́äі-jӯ́мä дäр цäӯ́нцä, сä мулг чī удī, ӳі дäр бáхордтоі. Сӗ́кінáтäм нӳр дäр īс áхäм äґдáу ämä сä мі́дäггонӳ áлӳ аз дäр кувд кäнӳ́нцä тáлӳнґі ämä фäззӑ́ґӳнц: «нä хорз ärвáдӳ тӳххáі кувд кäнӑ́н». Кувд та хäірáґ цӳ бон фе̑савдī, ӯцӳ бон дӯ́рӳ бӳн фäкӑ́нӳнцä. Кӯ́вдäі—бäґа́нjä дäр, арáқäі дäр, холлáгäі дäр, кӯсáртäі дäр сä кі́зґітäі ī́скі́ лäгмá ку фäцӑ́ӯ, ӳад ӯ́мäн дäр нä ӳал фäдӑ́дтӳнц, нäфӑ́дгаг [146]) сӳн вäјі ӯцӳ кувд. Нӳрӳ́ӯäнг дäр äі кäнӳ́нцä; хäрі́сӳн цäвáг дäр нӳрӳ́ӯäнг äгáс уд́ī.

праздно сижу, тогда идетъ въ ней грязная вода и я грязной не беру, пока опять чистая не придетъ, потому меня и вечеръ застигаетъ". Вечеромъ каждую субботу чорту голову брили, и если-бъ этого не дѣлали, онъ не могъ бы съ ними жить. Когда молотили, то, когда вѣяли вымолотки лопатой по вѣтру, онъ одну лопату прямо взбрасывалъ на кучу вымолотковъ, а одну или двѣ лопаты по пусту за токъ бросалъ. Когда его спрашивали: „а за токъ ты зачѣмъ бросаешь?" то онъ имъ говорилъ: „Я потому бросаю въ сторону, что то, что́ высыпаю, не наше счастье; если даже мы это и уберемъ, все-таки его мыши съѣдятъ. Что не наше счастье, изъ того все равно не будетъ намъ прибыли (соб. ничего до насъ не дойдетъ)". Такъ они жили и домъ сталъ богатѣть. Къ нимъ на деревню повадился бѣдовый волкъ и каждый вечеръ уносилъ у нихъ ребенка. Однажды въ вечеръ подъ субботу волкъ схватилъ ребенка, какъ разъ въ то время, когда пришелъ часъ чорту брить голову. Вотъ всѣ домашніе безъ исключенія выбѣжали на тревогу, кто только былъ изъ взрослыхъ. Чортъ сталъ безпокоиться, такъ какъ не было никого изъ тѣхъ въ ихъ домѣ, кто его побрилъ-бы. Онъ взялъ бритву и подавалъ ее то тому, то другому изъ ихъ сосѣдей и просилъ ихъ: „пусть кто нибудь побрѣетъ мнѣ голову". Самъ себѣ онъ это не могъ сдѣлать, а изъ нихъ никто не захотѣлъ. Такимъ образомъ время его бритья стало истекать. Тогда небо стало гремѣть, а чортъ трепетать. Ниже Секиновыхъ, въ Фараскатскомъ аулѣ, выше дороги, есть большой камень. Когда черту исходу небыло, онъ подъ этотъ камень влѣзъ и назадъ такъ крикнулъ Секиновымъ: „Да не будетъ у васъ обычая дѣлиться, богатѣйте,—а кто будетъ дѣлиться, тѣ пусть родятся и мрутъ и всегда имѣютъ по одному потомку". Такимъ образомъ кто дѣлился, тѣ и умирали часто, и имѣли по одному потомку, и какое было у нихъ имущество, они все проѣли. У Секиновыхъ и до сихъ поръ такой обычай, что они ежегодно въ кладовой дѣлаютъ *кувдъ* въ темнотѣ и говорятъ: „мы дѣлаемъ *кувдъ* ради нашего добраго брата. И также дѣлаютъ они *кувдъ* у камня въ тотъ самый день, въ который чортъ исчезъ. Отъ этого *кувда*, отъ пива, арака, отъ сухой пищи и отъ кусарта они не даютъ (ничего) даже тѣмъ изъ

Ш. Ӯäігӯтä.

Ӯäігӯті Хуцӑу ку сӕалдіста, ӯадтӑ сі ӓртӑ ӓнсӯвӓртӓ ӑдтӓнцӓ: Ӓсӕсӑдӓг, Харахсӗі ӓмӑ Ӓсӕамбӏіт. «Цӓӯӑн», зӓгӑ захтӧнцӓ, «мах аці ӑдӓмі хӓтцӑ нӗцӏ бӑкӓндӏінан, ма фӗдӑрмӓ бацӓӯӑн». Ӯотӗмӑі Ӯазӑj [148]) сӓрмӑ бӑцудӓнцӓ. Ӓр ӓі цӑрдӓнцӓ [149]): «Цӓітӑ ма нӓхӗцӑн ігӯӓрдӑн рӑхсӓдӓн», захтӧнцӓ ма стур зілд скодтӧнцӓ, горӗн дӓр ӏбӓл хурӑі ӓрзілдтӧнцӓ. Цӏфітаґі Қӓрӓґӑсі [150]) дуӯӑ ӯäjӯґі қӓбӗсӓі [151]) хӯӓстӑнцӓ ӓмӑ jеу ӏннӗі ӓррӓӯӏхта, ӯотӗмӑі ӓ ӑстӓӯі ӯӓнгӑ цӏфі ніххӑстӓі. Ӓртӑ᾽нсувӓрі кӑстӓнцӓ ӯӧнӓмӓ ӓмӑ сін jеунӑг ӓртіӄӑхуг қӑдір ӑдтӓі. Хӗстӑр захтӑ кӓстӓрӓн: «рабӑдӓ қӑдірбӓл ма ӯоі цӏфӑі ісӏӑсӓ». Ні-сӓмӑ қӓрдтӓі ма ӓі ӓ jеунӑг ӓнгӯлдӓі фӗлвӑста: «ӯӧтӓ дӓ ґӑуі! дӓ қӑрӓ ку нӗціі [152]), ӯӓд цӓмӑн хӯӓцІс?» Qоґалӯқтӓ бӓл [153]) ӓрбӑцудӓі; ӓ ӯӧсі фІдӓ ба хумӑ кодтӑ, мугкӑг ітудтӑ ӓмӑ jі ӓ дӓндӑґі сӑсті барімӑхста, тухӑ ін куд нӗкӗ кӓнӑ. Мугкӑг ітӯд ку фӓцӑі, ӯадтӑ ін кӓрдӏн бӑхӯӓрун кӧдта, ніӯӑзун дӓр ін бӑкӓнун кӧдта; ӯадтӑ ін захтӑ: «мах цӯппӓрдӓс ӯӓрдӯнґіні бӑлці ӑдтан. Qумі будӯрі jеу Фіjаумӓ нӓ фусӯн [154]) ӑдтӓі ма ӯӧмі ӯӓрдӯнтӓі нӓхӗцӑн горӗн скодтӑн, нӓ гӑлтӓ ба мӗдӑгкӑі. І фіjӑӯӓн ӓ фӯстӓ фӗсӄӑрдтонцӓ бонівӑ jӓні; фіjӑу ку᾽рбаіґӑлӓі, ӯад і ӯӓрдӯнтӓмӓ фӗвнӑлдта ма сӓ фустí кӓрӧммӓ фӗхста, ӓдгӑлтӓ, ӓдлӑгтӓ. Мӓ дӓндӑг дӓр ӯад басӑстӓі: сӓ сӓрбӑл фӓдтӑн. Цо ӓмӑ хӧнхі цӓрӑ, дӓ қӑрӓ нӗцііі». Ӓрбӑцудӓі ӓмӑ jӗнсувӓртӓн захтӑ: «мӓ ӯӧсі фідӑ мӓ баФхӯӑрдта, ӓ дӓндӑґі сӑсті дӓр мӓ ніввӑрдта». Jӗтӓ ба смӓстгӯн ӑнцӓ ӯӧбӓл, ӓмӑ дӧртӓ ӓхсӯн бӓідӓдтонцӓ Qоґалӯқдӓмӓ, хумӑ кодтӧнцӓ ӯäігӯтä ӯотӑ.

«Гӓр мах ба ӓґірід нӗці ан?»—зӓґгӑ захтӧнцӓ. Дор цід ку фӗхсіонцӓ, ӯад цід сӓ готӧн расӓдтідӓ. Jӗці дӧртӓ Qоґалӯқті сӗ᾽вдӗсӓн ӓнцӑ. Ӯäігӯтӓн ба сӗ᾽вӓлґаздӓр jӗці ӓртӑ ӓнсӯвӓрі ӑдтӓнцӓ, хӧнхмӓ ӯомӑн ӓрбӑцудӓнцӓ, фал ӯоі бӓрцӑ тухӑ ба сӓмӑ ӯӓдтӑр ӑдтӓі.

своихъ дѣвушекъ, которыя за мужъ выходятъ, такъ какъ этотъ кувдъ у нихъ заповѣдный. Они дѣлаютъ это до нынѣ, а ивовая коса и до нынѣ была цѣла.

III. Преданіе о великанахъ.

Когда создалъ Богъ великановъ, было ихъ три брата: Афсадагъ, Харахсей и Афсамбитъ. „Пойдемъ“, сказали они „мы съ этими людьми ничего не подѣлаемъ, пойдемъ въ крѣпость“. И такъ они пошли на вершину Ўазы и поселились на ней. „Давайте разчистимъ себѣ сѣнокосъ!“ сказали они; сдѣлали большой кругъ и кругомъ ограду изъ кругляковъ. Въ топкой рощѣ въ Карагасѣ два великана въ обхватку боролись и одинъ другаго столкнулъ, такъ что онъ до середины въ грязи завязъ. Три брата смотрѣли на нихъ; а былъ у нихъ одинъ трехногій катеръ. Старшій сказалъ младшему: „сядь на катера и вытащи его изъ грязи“. Тотъ добрался до нихъ и однимъ пальцемъ его вытащилъ. „Такъ тебѣ и нужно! твоя сила ничто, такъ къ чему ты борешься?“ Шелъ онъ черезъ Когалукты: отецъ его жены землю пахалъ и сѣмя сѣялъ, спряталъ его себѣ въ дупло зуба, чтобы его никто не обидѣлъ. Когда самъ кончилъ сѣять, то далъ ему поѣсть хлѣба и напиться и потомъ такъ сказалъ ему: «Мы четырнадцать аробщиковъ были въ отъѣздѣ; на Кумыцкомъ полѣ у одного пастуха былъ у насъ пріютъ. Мы сдѣлали ограду изъ аробъ, волы были въ серединѣ. У пастуха разбѣжались бараны утромъ на зарѣ. Когда пастухъ проснулся, онъ схватилъ арбы и ихъ къ краю стада перебросилъ съ быками и людьми. Тогда у меня и зубъ сломился, когда я очутился на ихъ головахъ. Ступай, живи въ горахъ, твоя сила ничто!“ Онъ пришелъ и сказалъ своимъ братьямъ: „Отецъ моей жены меня обидѣлъ, въ сломанный зубъ меня вложилъ“. Они разсердились на это, начали бросать камни въ Когалукты, когда (тамъ) великаны пахали: „Развѣ мы уже совсѣмъ ничто?“ говорили они. Какъ бросятъ камень, то иногда у тѣхъ плугъ ломался. Эти камни въ Когалуктахъ до сихъ поръ (этому) свидѣтели. Самыми слабыми изъ великановъ были эти три брата, потому они и перешли въ горы, а вотъ сколько силы всетаки у нихъ было!

IV. Бíнӷítä куд рáнтäстäнцä Дігóрі ўоі таўäрâq.

Бíнӷítäн сä рáігуräн Капкáі äі,[155]) Дігóрämä ба äрбáфтудäнцä Кäсäгâі. Капкáјі рáхёс äрдâгäі јес хонх, Ахмáті хонх. Јеці хóнхі цўóрі рáгі цáрдäі јеу хуцáўі-ўáрзон пахомпáр. Јеу хат ку áдтäі, ўäд íбäл Хуцáўі зäрдâ фäххýдтäі ämá jímä рáрвіста ўорс зóлӄítä ämá ін äбáўäр бáхўäртонцä. Кäд qäбâр qiámät кóдта, ўäдтâр Хцáўäі ғаст нä кóдта, фал ка рáхаўідä ўóідäр ä-ӄóхäі ісêсідä ämá бáбäі âі бáніхасідä ä-бáўäрбäл. Ўоі ку фäîдта Хуцáу, ўäд äі бáфарста: «Цämâн сä ніхáсі бáбäі фäстâмä?» Пахомпáр ін зáхта: «Хуцáу, ду мä сфâлдістаі, дä бäрáгä дäн ämá ці дä фâндуі, ўоі мін кäнâ». Ўоі ку фêғуста Хуцáу, ўäд ін äртäрêғäд кóдта äма зáхта золӄítäн: «Цäі базурғíн ісóтä ämá täхêтä, лäгâн qiámäті бâсті ағáз куд кäнáітä ўótä». Ма'цäгâі ўоіфäстê кäлмítä бäл бáзуртä äрзáдäі ämá Ахмáті хóнхмä фäттáхтäнцä. Јеу сäрдä јéці хóнхі цўóрі рáфёцаўäн кóдта јеу сíрдмар; фäккáстäі хóнхмä äма ўінýі: цідâр бíнӷítä хóнхі ӽáсäі рáтäхä-бáтäхä кäнýнцä. «Дêссаг, ці ўáвäр äнцâ јéтä?» зáхта сíрдмар, хäстâгдäрäі фäјíнун äі сä бäргâ фänд áдтäі, фал бäрзóнд áдтäнцä ämá ін ғänâн ку н'áдтäі, ўäд äрбáхудта јеу кáдғін лäг ämа дујемâі сä ғäўáі-кäнýн бáідäдтонцä äгáс дýўä мäјí. Нáнäўадäр [156]), с'áрмі ку нêці бáфтудäі, уäдтá скóдтонцä дарғ асíнä ма ўотêмäі схíстäнцä бíнӷítämä. Ку ніккáстäнцä, ўäд дін нијíдтонцä мýді ғóстä ма фäллâбурдтонцä фäінâ ғóсёмä, н'ёнғáлóгäі ўоі, а сін бíнӷítä јéсті кâндäнäнцä; фал бíнӷítä сä цäфтâ кäнун ку бáідäдтонцä, ўäд фäггâлстонцä сä мýді ғóстä ма кäбâлті äргâппітä кóдтонцä ўоі дäр нäбáл бáзудтонцä. Зâнхі ба ку'рхíстäнцä, ўäд äркáстäнцä сä ӽóхтämä ма ні íнғäн [157]) äнцä мудâі. Кóхтä ку рáстардтонцä, ўäд сämâ ўótä адғíн фäккáстäі ма дуінê [158]) нідтêсäнцä. Бäргâ ма сä фänd áдтäі схêзун, фал нäбáл бáндіуд-

IV. Преданіе о томъ, какъ пчелы явились въ Дигоріи.

Мѣсторожденіе пчелъ Кавказъ, въ Дигорію-же онѣ попали изъ Кабарды. Съ правой стороны Кавказа есть гора Ахматъ-гора. У этой горы нѣкогда жилъ одинъ бого-любивый пророкъ. Однажды Богъ на него разгнѣвался, послалъ на него бѣлыхъ червей и они ѣли его тѣло. Хотя (отъ этого) онъ и сильно страдалъ, но всетаки на Бога не жаловался, а тѣхъ (червей) что отпадали, своей рукою бралъ и опять прикладывалъ къ своему тѣлу. Увидѣвъ это, Богъ спросилъ его: „къ чему-же ты ихъ опять прикладываешь?“ Пророкъ сказалъ ему: „Господь, ты меня сотворилъ, я подчиненъ тебѣ и что желаешь дѣлай со мною“. Услыша это, Господь смиловался надъ нимъ и сказалъ червямъ: „Окрылитесь и летайте и вмѣсто страданія приносите человѣку пользу!“ И дѣйствительно, послѣ этого у червей появились крылья и они улетѣли на Ахматъ-гору.

Въ одно лѣто близъ этой горы бродилъ охотникъ; посмотрѣлъ онъ на гору и видитъ: какія то мухи въ щель то влетаютъ, то вылетаютъ. „Чудно́, что это за мухи?“ сказалъ охотникъ; ему конечно хотѣлось посмотрѣть ихъ поближе, но онѣ были высоко, и такъ какъ ему не было возможности до нихъ добраться, то онъ призвалъ одного почтеннаго человѣка и стали они (пчелъ) караулить цѣлые два мѣсяца. Наконецъ, такъ какъ ни одна (пчела) не попала имъ въ руки, они сдѣлали длинную лѣстницу и такимъ образомъ взлѣзли къ пчеламъ. Они посмотрѣли, увидѣли медовые соты и взяли каждый по соту, не подозрѣвая того, что имъ пчелы что нибудь сдѣлаютъ; но какъ начали пчелы ихъ кусать, такъ они побросали медовые соты и не знали, гдѣ спрыгнули. Когда они спустились на землю, то увидѣли, что ихъ руки выпачканы; они облизали руки,— имъ показалось очень вкусно и они сильно удивились. Хотя имъ и хотѣлось еще слазить (за медомъ) но они не отваживались на пчелъ, и ушли, взаимно давъ клятву въ томъ, что никому не скажутъ, что нашли. По прошествіи зимы, когда пришла весна, охотники, гораздо позднѣе чѣмъ въ первомъ году, снова пошли къ той горѣ. На этотъ разъ щель была биткомъ наполнена, сверху виднѣлись соты меду

тонцä бíнд̧ітäі ма рáндäнцä, кäрäд̧éмäн ніссóмі-гäнгäі, куд нéкäмäн зáґд̧äнäнцä ці ссíрдтонцä ўоі. Зумáг фäјéвґудäі ма ўáлд̧äг ку äрцýдäі, ўäд сíрдмартä фітцáг áнзäі д̧äвгáрä äрäґáмäд̧äр äрцýдäнцä бáбäі јéці хóнхі цóрмä. Јеці хат д̧áсä ґунсґá ід̧áг сцäі, ўäлáмä д̧äр ма кáстäнцä мýді ґóстä ма хóрі тäвдáі і муд к'áдтäі јеjä зáнхämä тáґдäі. Ўоі ку фäґдтонцä сíрдмартä, ўäд нäўäгäі бáбäі схéзун вändá скодтонцä äма ўа-нä-ўа ўäдтáр сä куд äрéсонцä ўóтä. Фітцáг äрістіхтонцä балíј д̧áрä äма д̧і сämбý [159]) скóдтонцä. Ўоі фäстé ба сä сäртä äрбатýхтонцä баслýqтäі äма сä сämбýјі хäдцá схíстäнцä мудбíнд̧ітämä, äрсämбурд-кóдтонцä сämбýмä сéлдáр сä хäдцá (äнä с'éлдáр фäллíґдáјонцä) äма сä äрхáстонцä ґáумä, јеу мінґі сін муд тäр рáістонцä сä хäдцá. Ґáўі ба сä ісáрст бäтмáнмä нікк̆ўäрдтонцä; бäтмáні бíнд̧ітä сäхéцäн рáлäсäн д̧áсä скóдтонцä ма цід кóсäгбíнд̧ітä óрдäгäі мінґí сáхат рáтäхіонцä сä хéцäн зумáгмä муд ämбýрд кäнýммä, фал äнхўáц äвдéсäн ба нä кóдтонцä сä нäўáг хäд̧äрäбäл. Ўáлд̧äг кý'рцудäі, ўäд і бäтмáн рáцудäі ма нäўáг цуді д̧äр хéцäн бäтмáні нікк̆ўáрдтонцä; ўóтёмäі ба дуўá äнцá. Фітцáг бäтмáндтä дан јéтä áдтäнцä, зäґґá зäґýнцä мудтáртä. —Ўäдáі árдämä Дігóрон läг цідґíн кäнýі мудбíнд̧ітä ма кóвуі сä фäлвärá Анігóлäн. Анігóл кä äі, ўоі бäлвýрдäі нёкé зóнуі. Јеўäі јеўéтä зäґýнцä ўäлárвон хўáрзгäнäг дан äі; ка бáбäі—Анігол фітцáг сä ці сірдмар іссірдта је дан äі; јес ўäхáндтä ўóтä ка зäґýі, Анігóл дан áдтäі базурґíн золкíтä кё ірáґäі фäттáхтäнцä јеці пахомпáр. Ка фäндуі ўäд, фал мудтáртä ін ä-зáрдіхудäі qäбáр тáрсунцä ма áліанз, мýдтä будýрмä ку фäллáсунцä, ўäд ін кувд кäнýнцä. Кўар мудтáрі, јéумä ка лáса ўäхáндтä, нард фус бáлхänунцä, нíј'áвгäрдунцä ма цämáі мудзáд фäўóнцä ўói туххäі бáковунцä. Áці таўäрáq äнá мáнгä кёі, óбäл зäрóнд мудтáртä сóмікäнýнцä ма Дігóрі мудтáрäн ходуінáг д̧äр äі ўоі нä зóнун, фал áці д̧убáндіäі ändáр ба Дігорóн läг бінд̧íті туххäі нéці зóнуі, кäд сä хўáздäр хäд̧áрдар фонс [160]) áнцä ўäдтáр.

и растаявшій на солнцѣ медъ текъ на землю. Увидя это, охотники рѣшились снова влѣзть и во что бы то ни стало достать меду. Сначала они содрали вишневую кору и сдѣлали себѣ *самбу*; потомъ они окутали головы башлыками и съ *самбу* влѣзли къ пчеламъ, собрали ихъ въ свою самбу вмѣстѣ съ ихъ маткою (безъ матки онѣ бы разлетѣлись) и принесли ихъ въ деревню; немного меду они захватили для нихъ съ собою.

Въ деревнѣ они вогнали ихъ въ мазанную сапетку; въ сапеткѣ пчелы себѣ вылѣзное отверстіе сдѣлали и такимъ образомъ рабочія пчелы оттуда на короткое время вылетали, чтобы себѣ на зиму собрать меду, но совсѣмъ не покидали новаго дома. Когда пришла весна, то сапетка отроилась, и нововышедшій (рой) они въ сапетку вогнали; такимъ образомъ ихъ стало два. Пчеловоды говорятъ, будто это и были первыя сапетки. Съ тѣхъ поръ донынѣ Дигорецъ почитаетъ пчелъ и молится ихъ покровителю Аниголу. Кто-же такой Аниголъ, этого точно никто не знаетъ. Нѣкоторые говорятъ, что онъ небесный благодѣтель; а кто,—что Аниголъ тотъ охотникъ, который первый нашелъ пчелъ; есть и такіе, которые говорятъ, что Аниголъ—тотъ пророкъ, со спины котораго улетѣли крылатые черви. Какъ бы то ни было, но пчеловоды сильно боятся его гнѣва и ежегодно, выпуская пчелъ на поля, дѣлаютъ ему *кувдъ*. Нѣсколько пчеловодовъ, выпускающихъ вмѣстѣ, покупаютъ жирнаго барана, рѣжутъ его и молятся объ урожаѣ меда. Что это преданіе достовѣрно, въ этомъ клянутся старые пчеловоды и даже дигорскимъ пчеловодамъ совѣстно не знать этого преданія; но кромѣ этого разсказа дигорецъ о пчелахъ ничего не знаетъ, хотя онѣ для него и главный источникъ дохода.

V. Туккáj рун.

„Туккáj рун дä фäххäссäд".

Jеу—аст анзi бäрцâ мä бäл цудái ўäд—ärбáўадтäн будýräi мä фiдiфiдi цóрмä ämа iн зäгýн: „Áцци, нуртâгкä jеу хёлáгä ärбáмардтон äз». О Хуцáу дiн ма бáкома, цäмâн äi рáмардтаi?—зäгâ мä бäл фäгâркодта. «Ци кäнýi, лäгýз ку äi хёлáгä?»—зäгâi фäрсýн. «Нурмâ куд нёкäд фёгýстаi, нä мугкáгäн хёлáгä мáрун куд нёнгёзуi oi? Мах óмäн álи анз кувд кäнâн, лäгýз, ду баi [161]) мáргä кäнiс».—Цäмâн?—зäгâ бáбäi äi фäрсýн. Áцци ниўóлафтäi қäбâр ämа мiн зáхта: «Ärбáдä атâ мä цóрi, äзá [162]) дiн ärдубáндiтä кäнóн. Рáгi, äздäр нäбáл ářijафтон jéцi дæбâх рäстâг, Туккáтä сä бäрцíтä-бäл [163]) ма ку áдтäнцä, ўäд jéунäг хäдærái рá-нäхстäр-äнцä гáзгä, хóдгä дуўáдäс хўасцáўi ärвáдтäлтä сё'фсáлä [164]) ärтíндäсäiмаг; рáкäсгäi сäмâ лäгi зäрдâ irádäi. Спýдäнцä сä хўáсгäрзämä ämá кäрдýнтä [165]) бáiдäдтонцä; ўóтёмäi цi рáкарстонцä Хуцáу зóнуi. Jеу бон кämí ádтäi óміба, стур-сёхўар áфонi ärрáстäнцä фäзâгi зар гäнгâ сä ўосóнгämä сёхўар кäнýммä. Jéцi бон Хуцáу äнтâф-бон скóдта ма кудтâр ärбáдтäнцä óтä сё'фсáлämä фäддýрдтонцä ämа сiн кóсäi ўäрáс дäдтýн бáiдäдта радугái. Кудтâр рániўастонцä фáiнä кóсi, óтä фäiнёрдигäi гäркáнýн рáiдäдтонцä. «Ўäу! м'ártäнтä лухтâ кäнýнцä!" Отёмäi мiнгí сáхат ку рáцудäi, ўäд i дуўáдäс дäр сä ўóдтä iсíстонца. Сё'фсáлä к'ádтäi, jéба нä ма бániўаста ма óнämä ку'ркáстäi, ўäд нiккýдтäi: «О Хцау дäўäн тáбу! ädтá ájä ци фiдбíлiз ádтäi, мä кóхäi сiн ци ўäрáс рáвардтон, jejâ сiн марг ку фäцâi». Ўóiфäстё бáцудäi ўäрáсi гäбâтмä ämа дзi кóсi даг рáўахта; oi бäл óтä зâнхi нiввáрдта äхўáдäг ба гäбâти ком [166]) фёхáлдта ма ўäрáс зäнхâмä ку рáўахта, ўäд дiн iўäрáсi хäдцâ зäнхâмä ärхáудтäi сау стур хёлáгä. „Мäнâ, куi [167]) марг," зäгâ зáхта ўоi ку фäiдта ўäд. О ўäўái! гäбâти кум ку нä нiбпáстон ämа мä лäгýздзinадäi мäгýр ádämi ку фäццáхтон; jéтä кämi нäбал äнцä, óмi мäнâн дäр мä мäлâт хўäз-

V. Туккаевская болѣзнь.

„Туккаевская болѣзнь да унесетъ тебя!“

Однажды (мнѣ было около восьми лѣтъ) прибѣжалъ я съ поля къ моему дѣдушкѣ и говорю ему: „Ацци, сейчасъ я убилъ змѣю“. О, чтобъ Богъ тебя не слушалъ! зачѣмъ ты ее убилъ?— закричалъ онъ на меня.—Что такъ?—спросилъ я, вѣдь змѣя скверна. „Развѣ ты до сихъ поръ еще никогда не слыхалъ, что нашему роду не должно убивать змѣй? Мы имъ ежегодно *кувдъ* дѣлаемъ, дурачекъ, а ты ихъ убиваешь“. Отчего?—снова спросилъ я. Дѣдушка глубоко вздохнулъ и мнѣ сказалъ: сядь-ка такъ около меня, я же тебѣ разскажу. Нѣкогда, я уже не засталъ это прекрасное время, когда Туккаевы еще были въ силѣ, изъ одного дома тронулись, шутя и смѣясь, двѣнадцать косарей братьевъ, а тринадцатый ихъ заправитель. Посмотрѣть на нихъ,—у человѣка сердце кипѣло! Пришли они на свой сѣнокосъ и начали покашивать. Сколько накосили они, Богъ знаетъ! Однажды, во время полдника, они возвращались, распѣвая осеннюю пѣсню, къ своему балагану полдничать. Въ этотъ день Господь послалъ жару и какъ только они сѣли, то крикнули своему распорядителю и онъ сталъ давать имъ по очереди брагу изъ чашки. Какъ только они выпили каждый по чашкѣ, то стали всѣ кричать: Охъ! мои кишки разрываются! Затѣмъ, спустя не много времени, всѣ двѣнадцать испустили духъ. Тотъ, что былъ ихъ распорядителемъ, не пилъ и когда посмотрѣлъ на нихъ, то зарыдалъ. „Боже, тебѣ покланяюсь! это что за несчастіе! Брага, которую я имъ своей рукою давалъ, оказалась для нихъ ядомъ!“ Послѣ этого онъ подошелъ къ бурдюку браги и налилъ полную чашку; поставивъ пока ее на землю, самъ шейку бурдюка распустилъ и брагу лилъ на землю; и вотъ вмѣстѣ съ брагою на землю выпала большая чорная змѣя. „Вотъ, гдѣ ядъ“—сказалъ онъ, увидя это. „О увы! Вѣдь я не завязалъ углы бурдюка и по своей оплошности погубилъ бѣдныхъ людей! Такъ какъ ихъ уже болѣе нѣтъ, то и мнѣ лучше умереть“. Съ этими словами онъ взялъ чашку браги и выпилъ ее до дна—(чтобъ съ

дӑр äi. Ӳотёмӑi рӑiста ӳäрӑсi ӄос ämai [168]) бӑниӳаста äбунтӑi ма —д'ёзнаг ӳojӑy ку фäӳiдä—je дäр рамӑрдäi. Ӳотёмӑi, мä хор, нä фiдтäлтä jeунӑг бон äртiндäс мӑрдi бафснӑiдтонцä ма ӳäдӑi ӑрдämä ба ӑлi анз jёцi бон кувдгӑнгä äрцӳдäнцä. Мäнӑ ӑлi бон цi'лґiст iґóсiс: Туккӑj рун дä фäххäссӑд—зäґгӑ, jедäр ӳäдäi ӑрдämäi. Нур дäр мах jёцi кувдӑлi анз ку кäнäн бӑiронхдä? Кäд нä Хуцӑу хёзiдä jёцi фiдбiлiзäi; мäнӑ, кóсарт ку нiккӑнäн ämá налгоiмӑгäi нämӑ ка jec, jётä äхсäрфämбӑлдтi хäдцӑ ändӑмä ку рӑцäӳäн ма óмi ку скóвäн?—„Ändӑмä ма ӳäд цämӑн фäццӑӳäн?“ зäґгäi бӑфарстон. „Омäн äma ändёгäi мард фäцӑнцä хёлӑгä дäр ändёгäi äi, ма jiн мах дäр ändёгäi бӑковäн“.

Нiґґóсäi Äццi, фал äз ба ӄäбӑр смäстгӳн дäн хёлӑгтämä ма фаґґӑркодтон: „Ämai ändӑmä ӄäбӑрдäр ма сä мӑрдäнäн, jётä мах ärвӑдтäлтä рӑмардтонцä!“ Ма кӑнä, мä ӳод, ма кӑнä, зäґгӑ зáхта Äццi. Хёлӑгтä бёурä 'нцä ма сёнкätёi нä рамӑрдäнä, jеу дӳ́ӳä сi ку рамӑраi, ӳäдтӑ iннёти ба дäхёмä фäффудäнхä кändäнä; ӳoi бӑсти Хуцӑ́ӳäн цiд балiхстä кändiнáн цämӑi нä сä хӳ́рзäнхä ӳа, ӳóiтуххäi.

VI. Хämiцáti таӳäрӑq.

Хämiц фiдцáг дäр ámi нiбпáдтäi ämа Таусолтáнтäi кiзгӑ ärбáхудта; ӳóнäi стӳ́рдäр мугкáе н' ádтäi Биасла́нтämä. Ӳädтá цämäiдäрiттäр сä сiáхсi бáфäлiвдтонцä. „Ӳä сiáхс ӳä кiзгi ӳiн косäг скóдта: фáгус хäссӳ́i сог äрáґäi хäссӳ́i.“ Сiáхс Таусолтáнтämä куд фäццӳ́дäi бáлцi, ӳотёмӑi баi рамáрдтонцä ӳädтá сäхӳ́ättä ба ärбáцудäнцä: „цäӳ́ан нä хӳ́рi рáхонäн!“ Цiрттämä куд iсцӑ́рттäнцä, ӳотӑ рáрвiстонцä сä хӳ́рämä, сäхӳ́ättä ґӑ́умä нäбал iсändiудтонцä. Ärсämӑцудäi ӳordӑ́mä сä хӳ́рӑ́: äфäсдӑӳiнтä ä ӄóхтä бäл хӳ́äцгӑ, басмáqti мёдäгä, jефтóнгäi: камáriäi, суґзäрiнä äґнäгӳ́täi, áлцämäiдäр jефтóнгäi Ку äi фäíдтонцä, ӳädтá сäхёбäл фäххӳ́дтäнцä: „Ци мi [169]) кäнтä [170]) мё'рвадтäлтä, зäґгӑ сä бáфарста,—нä хäдзáрämä ӳäлӑ́мä цämӑн нä iсцудáiтä?“ Хуцáу дiн ма бáкомäд! Дä лäгi дiн jескé цухӑi рамáрдтан, захтонцä:

твоимъ врагомъ было такъ!)—и также умеръ. Такимъ образомъ, мое солнце, наши предки въ одинъ день тринадцать мертвыхъ прибрали и съ тѣхъ поръ и по нынѣ ежегодно въ этотъ день ходятъ на кувдъ. Вотъ клятва, которую ежедневно слышишь—*Туккаевскій моръ пусть тебя унесетъ*—и пошла съ тѣхъ поръ. Развѣ-же ты забылъ, что мы и понынѣ совершаемъ этотъ *кувдъ* каждый годъ, чтобы Богъ спасъ насъ отъ этой бѣды, что мы заготовляемъ *косартъ* и что, сколько ни есть у насъ мужчинъ, мы всѣ съ *ажсарфамбалами* выходимъ на дворъ и тамъ молится?" А зачѣмъ мы выходимъ во дворъ?—спросилъ я. „А потому, что онѣ внѣ дома умерли, и что змѣи—внѣ дома,—потому-то и мы ихъ внѣ дома молимъ". Ацци кончилъ, но я сильно разсердился на змѣй и закричалъ: „Съ этихъ поръ я еще пуще буду ихъ убивать, за то что онѣ нашихъ братьевъ уморили". Отнюдь не дѣлай этого, моя душа,—сказалъ Ацци. Змѣй много, всѣхъ не перебьешь; одну, двѣ изъ нихъ убьешь, а другихъ на себя озлобишь. Вмѣсто этого будемъ просить Бога, чтобы онъ былъ къ намъ милостивъ.

VI. Преданіе о Хамыцевыхъ.

Хамыцъ прежде всего усѣлся въ этихъ мѣстахъ и взялъ дочь у Таусултановыхъ. У Біаслановыхъ не было рода сильнѣе этого (т. е. Таусултановыхъ). Вотъ оклеветали (Таусултановымъ) ихъ зятя: „Вашу дочь рабыней сдѣлалъ вашъ зять; она навозъ носитъ, дрова на своей спинѣ носитъ. Когда пошелъ зять къ Таусултановымъ на побывку, они его убили, потомъ сами пошли: „пойдемъ, уведемъ нашу сестру". Когда они дошли до кладбища, то послали за своей сестрой, а сами далѣе въ аулъ не осмѣлились. Пришла къ нимъ туда сестра; ея приданныя прислужницы держатъ ее подъ руки, сама въ башмакахъ, нарядная: въ *камарѣ*, въ золотыхъ позументахъ, всячески наряженая. Когда они увидѣли ее, то стали издѣваться надъ самими собою. „Для чего я вамъ нужна, мои братья?" спросила она ихъ; „почему вы не пришли въ нашъ домъ на верхъ?"—Чтобъ Богъ тебя не послушалъ! твоего мужа

Jéцi рáӯän i ӯócä ä käpдän ä póнäi фéлваста: „äз ма ци хóрмä цäудäнän?“—зäг̇гä ämá äхé рамáрдта кäpдäнäi. Дäлä нáдбäл дýӯä цiртдäвäни сä äвдéсäн. Jeу бáсастäi iннä ба ма äгáс.

VII. Ӯáскёргij таӯäрäq.

Хóнхi Ӯáскёргi хóнхi бёрä ӯáрста. Цäнхiгóлäн зáхта: „äз дiн хӯäрз бунáт iссéрдäнäн“, маi Хäруéсi нiссáхта. Ӯóмi ä зäрдä нä бáдтäi—Цäнхiгóлäн—ämаi нä äнцóiнä кóдта. Ӯаскёргi jiн Задäлéскi ýнгäгi qалаýртä нiссáхтq. Сiрдóн рáзахта: „Мäн гадцáj рäӯäндтäi ку нä рájервäзаi, ӯäдтá дä рамáрдäнäнцä“. Цäнхiгóл Сiрдóнi гадцáj цáрi бáцудäi нä ӯотёмäi qалаýртä бäл рájевг̇удäi. „Сiрдóнi гадца äi!“—зäг̇гäi. Ӯотёмäi Цäнхiгóл äрбáдтäi нур кämi äi ӯóмi. Ӯаскёргi äрцýдäi ма qалаýртä бáфарста: „áбäлти цäӯäг jéсти рáцудäi?“—Сiрдóнi гацájäi äндäрнёцi фäiдтан,—заг̇гä зáхтонцä.“ Áттá ӯä Хуцáу фёсáфäд, qалаýртäн зáхта; äз ӯiн ӯóтä ку зáхтон, цäӯäг ма рáӯадётä!“—ämа Ӯаскёргi ä кард фéлваста ä мáстäi ämа хонх цiцпáфта. „Áтä цämáн äi нä цáфтаiтä?“ Хонх фäдуӯéхäi Задäлéскi сäрмá; ӯäдтá ä мудýрадäр фéлваста ма хонх фäтцáсäi: „átä äi цämáн нä бäräхӯастаiтä?“ Ä цáфтä нур дäр бäрäг äнцá Задäлéскi.

VIII. Алáрдvj зар.

Когда подходятъ къ кувäндон ’у, то поютъ:

Тáбу [172]) дäӯäн кäнáм, рӯхс Алáрдv,
Хӯссáрv [173]) мäнáӯäi дä к̇iрiаг. [174])
Ӯäi! тáбу, рӯхс Алáрдv,
Цäгáтv [175]) хóрäi дä бäгáниаг. [176])
Тáбу дvн фäӯáд, рӯхс Алáрдv!
Фäлвáрaj [177]) фóсäi дvн ӯрс ӯäрv́гк нvвóндаг! [178])
Тáбу дvн кäнáм сvзг̇áрiн, бáзvргiн, рӯхс Алáрдv.
Фäрвv хумäллáгäi [179]) дä бäгáниаг,

съ чьего-то наговора мы убили!“—сказали они. На томъ-же мѣстѣ женщина вынула ножницы изъ-за пояса: „къ какому солнцу пойду я?“ сказала она и закололась ножницами. Внизу на дорогѣ два могильные столба этому свидѣтели. Одинъ изъ нихъ сломался, а другой еще цѣлъ.

VII. Преданіе о Уаскерги.

Горный Уаскерги сильно любилъ горы. Онъ сказалъ ангелу соляныхъ копей: „Я найду тебѣ хорошее мѣстопребываніе“, и поставилъ его въ Харуесѣ. Но тамъ Цанхигола сердце не сидѣло и онъ тамъ не уживался. Уаскерги поставилъ надъ нимъ сторожей въ Задалесскомъ ущельѣ. Сирдонъ сказалъ ему: „если хитростью моей суки ты не высвободишься, то тебя убьютъ“. Ангелъ соли вошелъ въ шкуру сирдоновой суки и такимъ образомъ миновалъ сторожей: „Это сирдонова сука“, такъ говоря, они пропустили его. Такъ Цанхиголъ усѣлся тамъ, гдѣ онъ и теперь. Уаскерги пришелъ и спросилъ сторожей: „проходилъ здѣсь какой нибудь путникъ“? Кромѣ сирдоновой суки мы никого не видѣли, — сказали они. „Чтобъ Богъ васъ погубилъ“! сказалъ онъ сторожамъ; „развѣ я не говорилъ вамъ такъ: не пропускайте (никого) прохожаго“? Уаскерги извлекъ шашку свою въ гнѣвѣ и ударилъ по горѣ: „зачѣмъ вы такъ не ударили“? Гора до самаго Задалеска раздѣлилась на двое. Тогда онъ вынулъ и копье и пронзилъ гору и гора продырявилась: „такъ вы зачѣмъ ее (суку) не проткнули“? Его удары и нынѣ ясно видны въ Задалескѣ.

VIII. Пѣснь Алардѣ.

Когда подходятъ къ мѣсту для *куеда*, то поютъ:

Табу тебѣ дѣлаемъ, свѣтлый Аларды!
Изъ пшеницы подсолнечной тебѣ киріагъ!
Уай! *табу* свѣтлый Аларды!
Изъ неподсолнечнаго хлѣба тебѣ пиво!
Табу да будетъ тебѣ, свѣтлый Аларды!
Изъ Фальварина стада тебѣ бѣлый ягненокъ въ нывондагъ!
Табу тебѣ дѣлаемъ, золотой, крылатый, свѣтлый Аларды!
Изъ ольховаго хмѣля тебѣ пиво,

Місіраг [180]) äвзі̂ст дä нvса́інаг, [181])
Мёрёдта́г бӑ̂мпäг [182]) дä äвӑ̂рäн.
Äі! та́бу, та́бу дvн кäнӑ̂м, рӯхс Ала́рдv,
Ўäі! Фӣдтіїнаг [183]) чӣ ӯ удо́н дӓ̆бӑ̂хäі ба́фӣдvн кäна́і.
Ўäі! та́бу, та́бу дvн кäнӑ̂м, рӯхс Ала́рдv,
Сvзі̆а́рінäі ку стv дä ба́зvртä!

IX. Са́і̆äстä.

Дӯ́сон бо́ммä ба́фvнäі мä ўа̂нгтä нä ку́рдтоі,
Мä ца̂стvтä дӓ̆і̆а́раі [184]) ӓрдvнд кänv́н нä ку́мдтоі.
Ўä! нä хӑ̂хта нä бӑ̂стä,
Куд ма цӓра̂м ўä фа̂стä!

„Фäхӯ́д, фäхӯ́д дäхі́ул!“
Зäі̆га̂ мäм бӑ̂стä сдӯ́рдта,
„Нäл хӯ́ схӯ́ссvд мä рі́ул“.
Зäі̆га̂, jäхӑ̂дäг скӯ́дта.
Ўä! нä хӑ̂хта, нä бӑ̂стä,
Куд ма цӓра̂м ўä фа̂стä!

Äз ўä са́бӣ, ўä ма̂ллäг,
Зäрда̂j рӯ́хсäн ку ха́стон,
Äз ўä äста̂гдäр ўä хӑ̂ррäг
Мä хӯлфv ку да́рдтон....
Уä! нä хäхтä etc.

Нvр тӯ́хvбон äдӯ́хäі,
Дуўа̂ дӣ́хv ку фе̊стӯ́т,
Ämä jу ран дäр мäн тvххäі
Схӑ̂цvн qом ку нä стӯ́т.
Ўä! нä хäхтä etc.

Нä ра́ігуräн, нä бӑ̂ста,
Ца́рдäн адці́н дv ку дä!
Цард нä кӯ̆ра̂м дä фа̂стä,
Зäрда̂jі рӯхс дäр дv ку дä.
Ўä! нä ха̂хтä etc.

Мисирское серебро твой *кысайнаг*,
Имеретійская вата твое ложе.
Уай! табу, табу дѣлаемъ тебѣ, свѣтлый Аларды!
Уай! Кто должникъ, дай имъ здоровыми заплатить (долгъ)!
Уай! табу, табу тебѣ дѣлаемъ свѣтлый Аларды!
Изъ золота вѣдь твои крылья!

IX. Думки.

Вчера до свѣтла спать мои члены не просили,
Глаза мои отъ *двагары* сомкнуться не могли.
Охъ! Наши горы, наша родина!
Какъ еще намъ жить безъ васъ?

„Смѣйся, смѣйся надъ собою!“
Промолвила мнѣ родина,
„Кабанъ легъ мнѣ на грудь.“
Сказала, сама заплакала.
Охъ! наши горы, наша родина и т. д.

„Я вашего младенца, вашего слабыша,
Для сердечной радости вскармливала,
Я ваши кости и останки
Въ своей утробѣ хранила“...
Охъ! наши горы и т. д.

„Теперь въ день насилія ты обезсилѣлъ,
Такъ какъ на двѣ части вы раздѣлились,
И на одномъ мѣстѣ ради меня
Биться вы не въ состояніи“.
Охъ! наши горы и т. д.

Наша родина, нашъ край!
Какъ для житья ты сладокъ.
Не просимъ мы жизни безъ тебя,
Такъ какъ ты свѣтъ сердца!
Охъ наши горы и т. д.

Іттӑг хорз нӕм рӕкӕнӕс,—
Цӕдтӕ дӕм стӕм мӕлӕмӕ,—
Дӕхӕмӕ нӕ ку ӕнӕнӕс
Зӕлӕмӕмӕ хӕцӕмӕ.
Ӯӕ! нӕ хӕхтӕ etc.

Ӯрс бӕзӕл сау цӕсӕг
Тӕнгӕй тӕнгдӕр ку цӕдӕс,
Мӕ зӕрдӕ нӕ урӕмӕ ӕцӕ qӕг [185])—
Ӯӕд ӕм кӕцӕйдӕр ӕрдзӕрдӕс:

Ӯӕ! бӕстӕй скуд, ӕфхӕрдӕг!
Дӕӯӕн ку ӕс ӕнqӕлдзау,— [186])
Ку зӕнӕс дӕхӕдӕг,—
Дӕ дӕн ӕмӕ дӕ Хуцау.
Ӯӕ! нӕ хӕхтӕ etc.

Кӕмдӕріттӕр, дӕ цӕӯӕт,
Нӕхӕ дӕ номӕй ку хӕссӕм;
Цӕ фӕндӕ тӕх нӕл ӕрцӕӯӕд,
Ӕгӕд нӕ сӕрмӕ нӕ хӕссӕм.

Нӕ рӕйгурӕн, нӕ бӕста,—
Удӕн [187]) ӯд дӕр дӕ ку дӕ....
Цард н'ӕгӯрӕм дӕ фӕстӕ,
Зӕрдӕйӕн йӕ ӯӕлӕ худ дӕ дӕ.

Јунӕг Хуцӕу сӕбӕр ӯ,
Ју хат мӕхмӕдӕр рӕкӕсдзӕн:
Мӕгӯрӕн йӕ дӯӕ qӕбӕл ӯ,
Тӕрӕгӕд нӕм бӕкӕндзӕн.
Ӯӕ, нӕ хӕхтӕ, нӕ бӕстӕ,
Куд ма цӕрӕм ӯӕ фӕстӕ!

Вполнѣ добро ты намъ оказала бы,—
За тебя мы готовы умереть,—
Когда позвала-бы насъ къ себѣ,
Чтобъ съ дурнымъ зельемъ (?) биться.
Охъ наша родина и т. д.

На бѣлой подушкѣ черная слеза
Когда сильнѣе сильнаго струилась,
(Мое сердце не выноситъ этой печали),
Откуда-то прозвучало:

„Охъ! Отторгнутый отъ родины, обезчещенный человѣкъ!
(Но) у тебя вѣдь есть надежда (потомство),
Вѣдь ты знаешь это самъ—
Твоя вѣра и твой Богъ!“
Охъ наши горы и т. д.

Гдѣ бы ни были мы, твое потомство,
Пусть твоимъ именемъ мы держимся,
Какое бы насиліе ни постигло насъ,
Мы не примемъ безславія на голову!
Охъ наши горы и т. д.

Нашъ край, наша родина!
Вѣдь ты ихъ (потомства?) душа...
Не ищемъ мы жизни безъ тебя,
Ты прикрѣплена къ сердцу.
Охъ наши горы и т. д.

Единый Богъ милостивъ,
Когда нибудь и на насъ онъ взглянетъ,
Молитва бѣднаго пріятна (?) Ему,
И онъ сжалится надъ нами.
Охъ наши горы, наша родина,
Какъ намъ жить безъ васъ?

X. Бäхфäлдæсун [188]).

Адтäи јеу хўарз äнäтäрæгад лäг äма ін лäқўан раігурдäи. Јæці лäбпóјі Кантä [189]) дäлмагýрмä енцæг фäххастонцä. Ўбіфäстæба і бітцæу рамардäі; мäрдтамä ку цудäі, ўад ä бäхбал ä сарг сäвардта; гäрзаі ін нä адтäи ämá äхсінцæј цäраі ідóнä скóдта, сібýлді [190]) цäраі ба ä сарг ісарáста, ä бäхбал рабадтäі ämа цäун баідäдта; Дзандæт ібал іссудäі, Дзäранзæт ібал іссудäі, фандагон адäм, ма сäхæмæтнімäрі захтонцä: „Ізад äрцаýі, ідаўäг [191]) äрцаýі!“ Ізäддäр нä дäн, ідаўäг дäр нä дäн,—загга зäхта, магýр лäг дäн, мäрдтамä цäýн, гäўагкін дäн ämá мä гäўагкінäі ба ма раўадæтä. Дзандæт äрфæстäгäі ämä ін хўарз гäст ідóнä равардта, Дзäранзæт рафæстäгäі äма ін ä сарг равардта. Цäýн баідäдта ämá ібал хорі фурт Мäхämат ісцудäі, мäјі фурт ібал Мäсämат ісцудäі, гäздýгі фурт ібал Хämатqáн ісцудäі, Фäрнугі фурт ібал Сämатqан ісцудäі: «ізäд äрцäýі» захтонцä, «ідаўаг äрцäýі»,—захтонцä. „Ізäд дäр нä дäн, záхта, ідаўаг дäр нä дäн, záхта, магýр лäг адтäн, äрвадäнгон адтäн, гäуліман адтäн, хäстäгхäссаг адтäн, äзнагсадтäг адтäн, тогагор адтäн, мäрдтамä цäýн, гäўагкін [192]) дäн, гäўагкінäі мä ма раўадæтä». Хорі фурт Мäхämат рафæстäгäі ämá ін ј'ефтáугітä равардта, мäјі фурт Мäсämат рафæстäгäі ämá ін ä сáргämбäрзäн равардта, гäздýгі фурт Хämатqáн рафæстäгäі ämá ін ä думæтонг равардта, Фäрнугі фурт Сämатqáн рафæстäгäі ämá ін равардта хўарз áхсä. Ўадтá сä бафáрста: «куд ўóдзанäі мä фандáг»? Ма ін záхтонцä: «јеу ўóсämä бáqäртцäнä, андзáлä [193]) ä фадзал, [194]) кóнгадä ä содзінä, фастá [195]) ј'æнгурстæўан: отæмäі зáнхі äскудтä хујýі». Дæс фäккодта ämá сä бáфарста: „Ўóтä цämáн äі је?»—«Јеба ўóтä омáн äі, загга ін záхтонцä, ўäлäбал лäгганáгä адтäі, мäрдтæ-надäі äі фæдуі, [196]) јеба ўóтä омáн äі ämá јеу äі ізóлті рацó: ўоі тäрæгäддзінáдä дäўан дäр рáхілä кандäнäі. Ўомäі ку бајевгуаі јеу ма ўóсämä бáqäрдцäнä, аікá равäінäі [197]) бадтýі ämá ін ібäл нä қäртýі. «Је ўóтä цämáн äі?“ загга сä фáрста. Јеба ўóтä омáн äі: сінхóні карк імá ку ніз-

X. Посвященіе коня.

Былъ одинъ хорошій, безгрѣшный человѣкъ и родился у него мальчикъ. Этого мальчика *каны* въ загробный міръ унесли питомцемъ. Послѣ этого тотъ мальчикъ умеръ; когда онъ отправлялся къ мертвымъ, то осѣдлалъ своего коня; у него не было ремня и онъ сдѣлалъ узду изъ алычевой коры, изъ *карагуловой* коры справилъ себѣ сѣдло, сѣлъ на коня и отправился. Ему встрѣтился Дзендзетъ, ему встрѣтился Дзеранзетъ, дорожные люди, и сказали себѣ: Зэдъ идетъ, дауэгъ идетъ! „Я не зэдъ, я не дауэгъ,—сказалъ онъ,—я бѣдный человѣкъ, иду къ мертвымъ, я нуждаюсь и нуждающимся меня не отпустите.“— Дзендзетъ спѣшился и далъ ему хорошо обдѣланную узду, Дзеранзетъ спѣшился и далъ ему свое сѣдло. Отправился онъ (далѣе) и встрѣтились ему сынъ солнца Махаматъ, сынъ луны Масаматъ, сынъ Газдуга (богатаго) Хаматканъ, сынъ Фарнуга Саматканъ. „Зэдъ идетъ,“ сказали они, „дауэгъ идетъ!“ сказали они. „Я не зэдъ, сказалъ онъ, я не дауэгъ, сказалъ онъ, я былъ бѣднымъ человѣкомъ, братолюбивымъ былъ я, селолюбивымъ былъ я, помощникомъ близкимъ, враговъ побѣдителемъ былъ я, кровомстителемъ былъ я; я иду къ мертвымъ и нуждаюсь; не отпустите меня нуждающимся“. Сынъ солнца Махаматъ спѣшился и далъ ему свой подсѣдельникъ, сынъ луны Масаматъ спѣшился и далъ ему свой чехолъ для сѣдла, Газдуговъ сынъ Хаматканъ спѣшился и далъ ему свой подхвостникъ, Фарнуговъ сынъ Саматканъ спѣшился и далъ ему хорошую плеть. Затѣмъ онъ спросилъ ихъ: „Каковъ будетъ мой путь?“ И они сказали ему: „Подъѣдешь ты къ одной женщинѣ, *андзала* у ней *киткой*, переводина—иголкой, ступа—наперстком и такимъ образомъ зашиваетъ она трещины земли. Онъ удивился и спросилъ ихъ: „Это отчего-же?“— Это оттого, сказали они ему, что на землѣ она была распутна; (теперь) она искупаетъ это загробной жизнью; вотъ отчего это, и ты отъ нея подальше ступай: ея грѣховность и тебѣ можетъ повредить. Миновавъ ее, ты прибудешь еще къ одной женщинѣ; она *длинной веревкой* яйцо обвязываетъ и ей на это веревки не хватаетъ. „Это отчего такъ?“—спросилъ онъ ихъ.

заідä, рімахсгâі кóдта, нур ба äі мäрдтінáдäі фёдýі—jёба ўотä омâн äі, изóлті рацó, дä фäндáгäн дін рáхілä кäндäнâі ўоі тäрёгäд. Омäі óдтäр ку бáцäўаі, jеу ма ўóсämä бáqäрдцäнä, сäдá тáтхаj áстäу бáдуі, лäкáрдä кäпê ä кóхі дáруі, jёунäг тáтхаj бёрёкёт ін сі näje. Фарстá бáбäі сä: «Je уóтä цämâн äi?» Jéба ўотä омäн äі, зäггä зáхтонцä, ўäлäбâл äхê губýн äфсаста, хäстâг нä хáста, сінхóні нä ўáрста, бінонті нä áста, ä мäрдті-надäі äі фёдуі, ізóлті дi рацó, дä фандáгäн дін рáхілä кäцдäнäі. Омâі ку бajёвгуаі, jеу ма ўóсämä бáqäртцäнä, дуўá тáтхаj áстäу бáдўі, сäдá тáтхаj бёрёкёт ін сі jec, сугзäрінä кäпê ä кóхі дáруі. Дёсгáнгä сä фарстá: «je ба ўóтä цämâн äi?»—Je ўóтä омâн äі ämá ўäлäбâл äхê губун нä ўáрста, ä бінóнті äфсáста, хäстâгі хáста, сінхóні áста, ä мäрдті-над урýх äі, омâі ці дурд фёгосаі, стур бâстämä цäудäнä,—дä гóсалгі бáхäссä. Омäі ку бajевгуаі jеу ма ўóсämä бáqäрдцäнä: сäдá гóгі дóцуі ма ін сі jеу гóгі бёрёкёт нä jё. „Je ўóтä цämâн äi“, зäггä зáхта. „Je ба ўóтä омâн äі: Ўäлäбâл äхё губýн äфсáста, хäстâгі нä хáста, сінхóні нä áста, ä мäрдті-надäі äі фёдгâ кâнуі, ізóлті рáцо,—фäндагсóдäг [198]), хузёсäг [199]) äі. Омäі ку бajевгуаі, jеу ма ўóсämä бáqäртцäнä: дуўâ гóгі дóцуі, сäдâ гóгі бёрёкёт ін сі jec. «Jеба ўóтä цämâн äi?»—Jеба ўóтä омâн äі: ўäлäбâл äхê губýн нä ўáрста, бінóнті äфсáста, хäстâгі хáста, сінхóні áста. Ўомäі ці дурд фёгóсаі, стур бäстâмä цäудäнä, дä гóсалгі бáхäссä, páізäгä. Ўóмäі ўодтá ку бáцäўаі, jеу ма ўóсämä бaqäртцâна: ўäрáсі кўустêлä ä páгí дáруі, хäрдмâ ібäл імісýі, урдýгмä jе'фцäкўуáті кäлýі. «Хуцáўі дёссаг! зäггä зáхта, jеба ўóтä цämâн äi?»—Jеба ўóтä омâн äі: ўäлäбâл, кумâл цäгдгäі, імä сінхóн кумäлгóр ку бáцäўідä, ўäд комâн кумâл нä лäвáрдта, jеба ўотâ ўомâн äі. Ізолті äі рáцо, фäндáгсодäг хузёсäг äі. Ўомâі ўодтâр ку бáцäўаі, läг ämá ўóсämä бáqäртцäна: галдáр сä бýні, галдáр сä ўалê, кілдунвäлдáгдäі [200]) хуссýнцä, нä сäбâл qâртуі, кäрäдёмä äі раівáзä-бáівазä кäнýнцä. «Хуцаўі дёссаг! jéба ўотâ цämâн äi?» Jéба ўотâ омâн äі: ўäлäбâл кäрäдёі нä ўарстóнцä, jеба ўотâ омâн äі. Ізóлті сі рáцо, фäндагсóдäг, хузёсäг

Это вотъ отчего: когда сосѣдская курица у ней неслась, то она утаивала, теперь же она это отплачиваетъ загробной жизнью; вотъ это отчего; ступай отъ нея подальше, ея грѣхъ можетъ тебѣ испортить путь. Когда отъ нея ты пойдешь, то прибудешь еще къ одной женщинѣ: сидитъ она среди сотни грядъ, держитъ грязный заступъ въ рукѣ и нѣтъ у ней пользы даже отъ одной гряды. Онъ спросилъ ихъ: „это отчего такъ?“—Это вотъ отчего,—сказали они,—на землѣ она свой животъ наполняла, близкимъ не помогала, сосѣда не любила, о домочадцахъ не заботилась; за это отплачиваетъ она въ загробной жизни; ступай далѣе отъ нея, она испортитъ тебѣ твой путь. Миновавъ ее, ты прибудешь еще къ одной женщинѣ: сидитъ она между двухъ грядъ, а получаетъ со ста и держитъ въ рукѣ золотой заступъ. Удивляясь, онъ спросилъ ихъ: „Это отчего такъ?“—Это оттого, что на землѣ она свой животъ не любила, своихъ домашнихъ кормила, ближнему помогала, о сосѣдѣ заботилась; ея путь загробный широкъ; какое слово отъ нея услышишь,—такъ какъ идешь ты въ великое мѣсто,—сохрани его въ памяти. Миновавъ ее, ты прибудешь еще къ одной женщинѣ: доитъ она сотню коровъ и нѣтъ ей доходу, какъ отъ одной коровы.—„Это отчего такъ?“ сказалъ онъ. Это вотъ отчего: на землѣ она свой животъ питала, ближнему не помогала, о сосѣдѣ не заботилась; загробной жизнью это она искупаетъ; ступай дальше отъ нея,—она сожигаетъ путь, отнимаетъ видъ. Миновавъ ее, ты прибудешь еще къ одной женщинѣ: она доитъ двухъ коровъ, а получаетъ доходъ, какъ отъ сотни коровъ. „Это отчего такъ?“ Это вотъ отчего: на землѣ она свой животъ не холила, домашнихъ кормила, ближнему помогала, о сосѣдѣ заботилась. Какое слово отъ нея услышишь,—такъ какъ идешь ты въ великое мѣсто,—сохрани въ памяти и разскажи его. Какъ отъ нея пойдешь, то прибудешь еще къ одной женщинѣ: несетъ она на спинѣ кадушку браги; вверхъ она (брага) надъ нею бурлитъ и внизъ на ея воротъ проливается. „Божье чудо! сказалъ онъ, это отчего такъ?“ Это вотъ отчего: на землѣ, когда она процѣживала квасъ и приходилъ къ ней желавшій (напиться) квасу сосѣдъ, она ему квасу не давала, оттого это такъ. Дальше отъ нея уходи: она сожигаетъ путь, отнимаетъ видъ.

ӓнцӑ. Ӯомӑі ӯодтӑр ку бӑцӓӯӓі, лӓг ӓмӑ ӯӧсӓмӓ бӑqӓртцӓнӑ: тӓрqӧсӟар сӓ бӯні, тӓрqӧсӟар сӓ ӯӓлӗ, дӓлqӯ́р-ӯӑлqуръі [201]) хуссӯ́нцӓ, кӑлгӓ-ӯӑлгӓі [202]) сӓбӑл qӓртӯі. «Хуцӑ́ӯі дӗссаг! је ӯӧтӓ цӓмӑн ӓі?» Ӯӓлӓбӑл кӓрӓдӟӗі бӗрӓ ӯӑрстонцӓ, дӓлӓбӑл дӓр кӓрӓдӟӗі бӗрӓ ӯӑрзунцӓ, сӓ мӓрдті-над урӯ́х ӓі. Ӯонӑі ці дӟурд фӗ̄госаі, стур бӓстӑмӓ цӓудӟӑнӓ, дӓ ̄госалӣ бӑхӓссӓ. Ӯомӑі ӯӧдтӓр ку бӑцӓӯӓі, јеу гӑдцамӓ баqӓртцӑнӓ, надбӑл дӓрӣ́мӓ хуссӯ́і, ӓ хурфӑі кӓӯ́істӓ рӓјӯ́нцӓ. «Хуцӑ́ӯі дӗссаг! јӗба ӯотӑ цӓмӑн ӓі?» Јӗба ӯотӑ ӯомӑн ӓі ӓмӑ ӑмӓі-ӓндӑмӓ ці ӑдӓм ӯа, јетӑ сӓ мӑдӓ, сӓ фіді кӧммӓ нӓбал кӑсдӟӓпӓнцӓ, фӓндӑ сӓхӗмӓ јесцӓнӑнцӓ, ӓнӓ ӑ̄ӧмӓі дӟордӟӑнӑнцӓ, сӓ мӓрдті нӑдӓі ӓі фӗдгӑ кӓндӟӑнӑнцӓ, ізӧ́лті ӓі рацӧ́,—фӓндагсӧ́дӟаг хузӗсӓг ӓі. Ӯомӑі ӯодтӓр ку бӑцӓӯӓі, тӓрхӧні-бӑдӓг ӑдӓммӓ бӑqӓртцӓнӑ: фӓрӯ̆ӑ лӓдӟӯ́тӓ сӓ ӄӧхі, фӓрӯ̆ӑ ӄӗлӑ́тӓ [203]) бӓл бӑдунцӓ, фӓрӯ̆ӑ фінгітӓ сӓ рӑзі, стур кӑрцітӓ ӯӓлӓфтӑ́ӯӓ, бінаг-хӧдтӓ сӄӗлхӓттӓ, ніссӓбӑл сістӑ ӓнцӓ, ніссӓбӑл ліськӓ ӓпцӓ. „Хуцӑ́ӯі дёссаг! јеба ӯӧтӓ цӓмӑн ӓі?“ Јеба ӯӧтӓ ӯомӑн ӓі: ӯӓлӓбӑл тӓрхоні-бӑдӓг ӑдӓм ӑдтӓнцӓ, рӑстӑн хӓрӑ́н тӓрхӧ́н кӧдтонцӓ; сӓ мӓрдтінӑдӓі ӓі фӗдгӓ кӓнӯ́нцӓ, фӓндаг-сӧдӟӓг, хузӗсӓг ӑнцӓ, ідӑрдті сі рацӧ́. Ӯӧ́мӓі ӯодтӑр ку бӑцӓӯӓі, јеу ма ӑдӓммӓ бӑqӓртцӓнӑ: ӓвзӗстӓ лӓдӟутӓ сӓ ӄӧхі, ӓвзӗстӓ ӄӗлӑ́тӓ бӓл бӑдунцӓ, ӓвзӗстӓ фінгітӓ сӓ рӑзі, стур кӑрцітӓ ӯӓлӓфтӑ́ӯӓ, салхӧдтӓ сӄӗлхӑттӓ. «Хуцӑ́ӯі дёссаг! јеба ӯӧтӓ цӓмӑн ӓі?» Јебӑ́ ӯӧтӓ ӯомӑн ӓі: ӯӓлӓбӑл тӓрхӧ́ні-бӑдӓг ӑдӓм ӑдтӓнцӓ, рӑстӑн раст тӓрхӧ́н кӧдтонцӓ, хӓрӑ́мӓн хӓрӑ́м тӓрхӧ́н кӧдтонцӓ: сӓ мӓрдті-над урӯ́х ӓі, ӯӧ́нӓі ці дӟурд фӗ̄госаі, стур бӑстӑ́мӓ цӓудӟӑнӓ, дӓ ̄госалӣ бӑхӓссӓ, раізӑ́ӣӓ. Бӑ́здӓхӓ сӓмӓ, ба сӓ фӓрсӓ. — Ба сӓмӑ́ ӑздӓхуі, бӑсӓффӑрсуі. «Дӓлла́г фӓндаг – захтонцӓ ін—фӓндагсӧ́дӟаг, ӯалла́г фӓндаг—хузӗсӓг, ӑстӓуккаг бӓл ніццӓудӟӑнӓ, јеу хӗді ̄ӧсмӓ ніqqӓртцӓнӑ; фӑтqӓдӓ ӓмӑ́ фӑдӓрqез, [204]) сібулдӟӓ ӓма тӑсӓн ӯёс; баіра́г-бӓх ӓзнӓмӑ́гӓ, бітцёу-бӑдӓг стӓлфӑ́гӓ; омӓі дӓр ма фӓттӑрсӓ, ніццӑффтӓ кӓнӓ, фёӯӧ́рдаг ӯодӟӑнӓ. Дзёнёті бӑкӓсӓн тубпӯ́рмӓ бӑqӓртцӓнӑ; бітцёутӓ дӓмӓ ӓхсірі́ цӑдӓі раӯаідӟӑнӑнцӓ: „нана́ ӓрцӓӯ́і,“ зӓ̄дӟӑнӑнцӓ, „баба́ ӓрцӓӯ́і,“ зӓ̄дӟӑнӑнцӓ! Баба́ дӓр ӯін ӓрцӓудӟӑнӓі, нана́ дӓр ӯін ӓрцӓудӟӑнӓі.—Ӓ дӟіппӓі

Когда пойдешь онъ нея далѣе, то прибудешь къ мужчинѣ и женщинѣ: бычья шкура подъ ними, бычья шкура на нихъ, спиною другъ ко другу спятъ они, не хватаетъ имъ (бычьей шкуры) и они тянутъ ее туда сюда другъ у друга. „Божье чудо! это отчего такъ?“ Это вотъ отчего: на землѣ они другъ друга не любили, потому это такъ. Ступай дальше отъ нихъ: они сожигаютъ путь, отнимаютъ видъ. Когда оттуда далѣе ты пойдешь, то придешь къ мужчинѣ и женщинѣ: заячья шкура подъ ними, заячья шкура на нихъ, тѣсно обнявшись спятъ они и съ избыткомъ имъ хватаетъ (шкура). „Божье чудо! Это отчего такъ?“ На землѣ они другъ друга сильно любили и внизу также другъ друга сильно любятъ; ихъ загробный путь широкъ. Какое слово отъ нихъ ты услышишь,— такъ какъ пойдешь ты въ великое мѣсто,— сохрани въ своей памяти. Когда пойдешь далѣе, то прибудешь къ сукѣ: лежитъ она на дорогѣ протянувшись, а изъ ея утробы щенята лаютъ. „Божье чудо! Это отчего такъ?“ Это вотъ отчего: люди, что впослѣдствіи будутъ, не станутъ повиноваться своимъ матерямъ и отцамъ, будутъ поступать по своему, будутъ говорить, не достигнувъ зрѣлости: это они искупятъ загробной жизнью; ступай далѣе отъ нея (суки), она сожигаетъ путь, отнимаетъ видъ. Когда пойдешь далѣе, то прибудешь къ людямъ, засѣдающимъ въ судѣ: въ ихъ рукахъ ольховыя палки, сидятъ они на ольховыхъ скамеечкахъ, передъ ними ольховые столы, на нихъ накинуты большія шубы, на (головахъ) у нихъ войлочныя шляпы съ полями вверхъ, покрыты они вшами и гнидью. „Божье чудо! Это отчего такъ?“ Это вотъ отчего: на землѣ они были судьями, правому творили худой судъ; загробной жизнью они это искупаютъ; они сожигаютъ путь, отнимаютъ видъ, ступай отъ нихъ дальше. Когда пойдешь далѣе, то еще прибудешь къ людямъ: въ ихъ рукахъ серебряные посохи, сидятъ они на серебряныхъ скамейкахъ, передъ ними серебряные столы, на нихъ накинуты большія шубы, (на головахъ) сафьянныя шляпы съ поднятыми полями. „Божье чудо! Это отчего такъ?“ Это вотъ отчего: на землѣ они были судьями, творили правому правый судъ, а виновнаго карали, ихъ загробный путь широкъ; какое слово отъ нихъ услышишь,

сін дуўёмӕн фӕдзӱ слӕсуі, ба сін сӕ іўӕруі. «Над кӕмі äі ўоі мін б'ӕмонётӕ».—«Над мах бӕрä н'äі, нä ӕстäу суґзäрінä стуґкін лäqўӕн бӕдуі, над ўоі бäрӕгä äі». Суґзäрінäстуґкін лäqўӕн імä раўӕјуі, ä рӕзäі фäррастуі, дзёнѐті цäх зäлдä бäл ін ä бäх äртіӄӕхуг фӕсӕхсӕн скӕнӱі, дзёнѐті дўӕр ін хäрхäргӕнгä бӕігон кӕнуі; гургӱр гӕнгä ін ӕдӕмісістӱнцä. «О гас цäўäі іўӕзäг! зäґгä ін зäґунцä, кӕмі адтä, куд ӕдтä?» «Äрзімаіха—Зімаіхуі фурт ӕдтäн, äхсӕвä рӕігурдтäн, і бонä Сослӕні äфсäдті фäццӱдтäн, Гӧрі-фёдар басӕстон, änä ӕґомäі нон кё ракодтон, ӧітухäі мін аі ўäнгä фӕндӕг ӕдтäі".—Ўäлäм'ӕі скӕнѐтä—Сослӕні хӕтцä äнхäтінä куд ўа, Урӱзмäгі хӕтцä äнбадінä куд ўа!

Јеці мӕрді одібäстä кӕмі äі, ӕці мӕрді одібäстä дäр ўӧмі ўäд [205]).

такъ какъ пойдешь ты въ великое мѣсто,—сохрани въ памяти и разскажи его. Заверни къ нимъ и спроси ихъ.—Онъ завернулъ къ нимъ и спрашиваетъ ихъ. „Нижній путь—сказали они ему—сожигающій путь, верхній путь—отнимающій видъ, поѣзжай по среднему и прибудешь къ одному мосту. (Онъ сдѣланъ) изъ *стрѣлочнаю дерева и фадаркевоваю* (колкаго) дерева, изъ карагульника и гибкаго тростника; молодой конь—пугливъ, молодой всадникъ—боязливъ; (но) ты и этого не бойся, ударь (коня) и будешь на той сторонѣ, въ виду райскаго кургана. Мальчики выбѣгутъ къ тебѣ изъ молочнаго озера: „Мама идетъ!“ скажутъ они, „Тятя идетъ!“ скажутъ они. „Вашъ тятя къ вамъ придетъ, ваша мама къ вамъ придетъ.“—Онъ вынимаетъ имъ изъ кармана каждымъ двумъ по яблоку и одѣляетъ ихъ. „Покажите мнѣ, куда дорога!“—Дорога не въ нашей власти, между нами сидитъ златокудрый мальчикъ, дорога въ его власти.—Златокудрый мальчикъ выбѣгаетъ къ нему, направляется впереди его, дѣлаетъ трехножныя путы его коню на зеленой травѣ рая, дверь рая отворяетъ ему съ трескомъ, и съ шумомъ встаютъ ему на встрѣчу люди: „Добро пожаловать, гость! говорятъ они ему, гдѣ ты былъ, каковъ былъ?“ Былъ я Арзимайха, Зимайховъ сынъ, ночью родился, днемъ ходилъ въ походъ съ Сосланомъ, разбилъ я крѣпость Гори; за то что я добылъ себѣ имя не по возрасту, достигъ я этихъ мѣстъ. „Посадите его на верху, дабы онъ былъ спутникомъ Сослана, чтобы онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Урызмагомъ.“—Гдѣ мѣстопребываніе души того покойника, тамъ да будетъ мѣстопребываніе души и этого покойника.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

[1]) Балц—называлась у Осетинъ отлучка изъ дому, продолжавшаяся иногда цѣлый годъ. Отправлявшійся въ *балцъ* обыкновенно объѣзжалъ своихъ родственниковъ и кунаковъ въ отдаленныхъ аулахъ, нерѣдко не имѣя другой опредѣленной цѣли для путешествія. Нарты въ *балцѣ* искали приключеній и совершали разные подвиги. Иногда цѣлью балца была поѣздка за солью; возвращавшихся съ солью встрѣчали словами: цäнхäі äгáс цӯ! (дигор.)—Отъ соли иди здоровымъ.

[2]) Частица цäі (фä-цäі-цъдī) придаетъ прошедшему времени глагола оттѣнокъ одновременности выражаемаго имъ дѣйствія или состоянія съ другимъ дѣйствіемъ. Напримѣръ: ӯі қäдмä фäцäіцъдī äз ъл ку фёмбäлдтäн—онъ проходилъ въ лѣсъ, когда я его встрѣтилъ; ӯі қäдмä фäцъдī—онъ прошелъ въ лѣсъ, (т. е. лицо разсказывающее этого не могло уже видѣть); бīрäг̑ фäцäілъг̑дī—волкъ убѣгалъ (когда его видѣли); бīрäг̑ фäлъг̑дī—волкъ убѣжалъ. Прошедшее время съ цäі соотвѣтствуетъ такимъ образомъ русскому несовершенному виду, но имѣетъ еще оттѣнокъ *недавности* дѣйствія: ӯі äм фäцäіцъдī—вотъ онъ (только что) къ нему проходилъ; Батраз балцъ фäцäіцъдī—Батразъ (только что) поѣхалъ въ балцъ.

[3]) Рáзълдтътä käніккам—глаголъ käнън съ прич. множ. ч. прош. времени другаго глагола выражаетъ *многократность* дѣйствія. Напр. рáгäбпътä кодтон—я прыгивалъ; рáкудтътä кодтон—я плакалъ нѣсколько разъ и т. д.

[4]) К̑улдӯ́н, дигор. к̑улдӯ́н значитъ склонъ горы; происходитъ изъ словъ к̑ӯл—скатъ и дӯ́н—хвостъ. Послѣднее слово, варіантъ слова дъмäг (хвостъ), употребляется только въ концѣ сложенія: дарг̑дън—длиннохвостый, цъбърдън—коротнохвостый и т. д.

[5]) Сӄӓрʏн гнать, синонимъ глагола сӯрʏн; въ ӓрʏсӄӓрʏн—пригнать *г* вставлено для благозвучія.

[6]) Фʏн, дигор. фун, значитъ *сонъ*; фʏнӓі—сонный, ба-фʏнӓідӓн—я заснулъ. Слово фʏн едва-ли можно отдѣлять отъ зендск. hvafna, армян. khoun, санскр. svapna, хотя послѣдовательность звуковыхъ измѣненій и неясна.

[7]) Хӓдмӓстпсӓлтӓ—названіе какой-то фамиліи; хӓдмӓст значитъ—вспыльчивый, гнѣвливый. Псӓлтӓ—неизвѣстно среди осетинскихъ фамилій.

[8]) Ірӓд јӓ дʏппӓі сʏста—калымъ изъ своего кармана взялъ. Въ нартскихъ сказаніяхъ нерѣдко встрѣчается эта черта: человѣкъ, незатрудняющійся выдать калымъ немедленно—*изъ своего кармана*—считается очень богатымъ.

[9]) Саулӓг—соб. черный человѣкъ; названіе сословія средняго между рабомъ (кӯсӓг) и сословіемъ алдарскимъ (бадилятъ, царгосатъ). Саулаги—свободное сословіе, не находившееся сначала въ податной зависимости отъ алдаровъ. Нѣкоторыя фамиліи *саулаговъ*, поселившись на алдарскихъ земляхъ, платили собственникамъ извѣстную подать.

[10]) Тӯма́н—съ грузинскаго thumani=10 рублямъ. Персид. tūmān.

[11]) Курдалӓгон—миѳическій кузнецъ, пребывающій на небѣ или въ царствѣ мертвыхъ. Онъ куетъ подковы и проч. для коней умершихъ, закаляетъ богатырей въ своей кузницѣ и дѣлаетъ ихъ несокрушимыми, стальными (ӓндон). Имя повидимому сложное изъ курд—кузнецъ и лӓг—мужъ.

[12]) Тʏнтʏкалак—гдѣ находится упоминаемый нерѣдко въ нартскихъ сказаніяхъ Тынты-градъ, разскащикъ не могъ указать. Тʏнтӓ (мн. ч. отъ тʏн) значитъ лучи (солнца), также нити основы.

[13]) А́рвʏста—отъ ӓрвӣтʏн—а не ӓрвʏ́ста, такъ какъ между тѣмъ и другимъ есть разница въ значеніи: а́рвʏста=послалъ, ӓрвʏ́ста—посылалъ. Вообще глаголы сложные съ предлогами ӓр, ӓм, а выражаютъ различіе imperfecti и perfecti, вида несовершеннаго и совершеннаго, посредствомъ переноса ударенія въ послѣднемъ значеніи на гласную предлога, которая притомъ изъ ӓ переходитъ въ чистое *а*. Примѣры: ӓмбу́лʏн—обыгрывать, а́мбʏлдтон—я обыгралъ, ӓмбʏ́лдтон—я обыгрывалъ; ӓмба̂лʏн—встрѣчать, а́мбӓлдтан—я встрѣтилъ, ӓмба̂лдтӓн—я встрѣчалъ; ӓмбі́ӣн—гнить, а́мбідтӓн—я сгнилъ, ӓмбі́дтӓн—я гнилъ; ӓмба̂рзʏн—закрывать, а́мбӓрстон—закрылъ, ӓмба̂рстон—

заѣрывалъ; ӑӯулӕн—жевать, аӯӕлдтон—я жевалъ, ӓӯӕлдтон—я жевалъ; аја́фӕн—догонять, а́јӕфтон—я догналъ, ӓја́фтон—догонялъ, Ср. также: а́ппӓрстон—я бросилъ, ӓппа́рстон—бросалъ; а́лӕгӕстон—ругнулъ (выругалъ), ӓлӕгӕстон—ругалъ и мн. друг.

[14]) К̆ӯӕбадӓгӯс—женщина сидящая (бадӓг) въ углу (к̆ӯл) дома, сидѣнь, домосѣдка, знахарка; к̆ӯл—внутренняя часть сакли между очагомъ и задней стѣною; тутъ сидятъ обыкновенно старухи на полу или на подушкахъ. Бӓх дӓума́ ј̆ӓргом нӓ радтцӓнӕс—собственно: конь тебѣ свой передъ не дастъ.

[15]) Рӯхсаг ӯ! Будь свѣтелъ! — обыкновенное пожеланіе мертвому, т. е. да будетъ тебѣ царствіе небесное.

[16]) Тӯг ӕсӕн—брать кровь т. е. отомстить за кровь родственника. Кровная месть еще до сихъ поръ не утратила своего значенія у Осетинъ.

[17]) Ба́дгӓ кӓнӕс, лӓугӓ кӓнӕс—глаголъ кӓнӕн—дѣлать, какъ въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ глаголъ thun, сталъ въ осетинскомъ самымъ употребительнымъ вспомогательнымъ глаголомъ: почти каждый глаголъ можно выразить описательно чрезъ дѣепричастную форму на—гӓ и глаголъ кӓнӕн.

Примѣры: фӕсгӓ кӓнӕн=фӕссӕн—я пишу (ich thue schreiben), лӕ̄дгӓ кӓнӕн—убѣгать, сӯргӓ кӓнӕн—преслѣдовать; хӯсгӓ кӓнӕн—спать и т. п.

[18]) Кувд—отъ кӯвӕн, дигор. ковун—просить, молить—молитва, сопровождающая жертвоприношеніе. Необходимая принадлежность всякаго *кувда* 3 лепешки (ӡӕ̄рӕтӓ); при поминкахъ четыре. Животная жертва по усмотрѣнію. Послѣ молитвы часть лепешки бросается въ огонь.

[19]) Ӯа́ццилла и Ӯастӕрцӕ. Первый изъ этихъ духовъ соотвѣтствуетъ христіанскому св. Ильѣ, второй—св. Георгію. Оба святые были занесены къ Осетинамъ изъ Грузіи съ проповѣдью христіанства, но въ послѣдствіи стали народными богами. Имена Ӯаццилла и Ӯастӕрцӕ (дигор. Ӯаскёргі) очевидно сложены изъ именъ Илла (Илія) и Giorgi (Георгій) и слова ӯац, ӯас, значеніе котораго въ настоящее время Осетинамъ неизвѣстно. То-же слово находится въ имени дзуара Ӯасхо, (Ӯасхо дӓ ӯа́зӓг—У. твой гость), чествуемаго въ Кани, въ горахъ, 4-го ноября (См. Сб. Свѣд. о К. Г. III Отд. 2. стр. 40). Недалеко отъ аула Донифарса есть горная пещера, посвященная св. Николаю. Мѣстное населеніе приноситъ здѣсь жертвы, на которыя слетаются орлы. Въ этихъ птицахъ видятъ вѣстниковъ св. Николая. Пещера называется

Ўацнiколаji лäгäттä. Такое сочетаніе слова ўац съ именами христіанскихъ святыхъ заставляетъ предполагать, что оно означало вѣроятно *святой*, хотя это понятіе передается обыкновенно словомъ сvгдаг (дигор. суғдäг)=зенд. suγδa. Св. Илья называется также *Елі* и Іелiа. Онъ считается виновникомъ грозъ и подателемъ плодородія. Ему приносятъ въ жертву козловъ и барашковъ, если кого нибудь поразитъ громовой ударъ и въ извѣстный праздникъ хорv бон—(день хлѣба). См. подробности въ главѣ о миѳологіи. Ўацiлла и Ўастvрдi являются въ нартскихъ сказаніяхъ въ множественномъ числѣ: обыкновенно тѣхъ и другихъ по семи. Божества развѣнчались и перешли на степень какихъ то небесныхъ духовъ, которыхъ побиваютъ богатыри.

[20]) Гдѣ находилась Хäзмv бvдvр—Хазмійская равнина—разскащикъ не могъ опредѣлить. Въ настоящее время названіе Хäзмv бvдvр носитъ всякая ровная мѣстность, удобная для вспашки.

[21]) Что значитъ слово *тба*, соединяющееся съ именемъ Ўацiлла, Осетины не знаютъ.

[22]) Зäдтä—ангелы; зäд, срав. ново-перс. yazdân—богъ (соб. множ. ч.), парсійское yazd, зендск. yazata.

[23]) Балсäцi цалх—иначе Малсäцi, Барсäцi-цалх иногда оiнон—какое-то странное существо, имѣющее видъ колеса (цалх) и состоящее на службѣ у Бога (Хуцау) или фvд Іоаннä (отца Іоанна или Іоа̀нна Крестителя). Собственникъ колеса посылаетъ его противъ врага и оно, раскатившись, разрѣзаетъ его на части. Объясненіе миѳологическаго значенія этого колеса см. въ главѣ о вѣрованіяхъ Осетинъ.

[24]) Гдѣ находится Сопiаj зäппäдъ—склепъ Сопіи (Софіи?) разскащикъ не могъ опредѣлить. Вѣроятно это какое нибудь мѣсто, освященное въ древности церковью въ честь Св. Софіи и за тѣмъ ставшее, какъ другія древнія церкви, дзуаромъ. Г. Туккаевъ слышалъ, что Сопiаj зäппäдъ находится на военногрузинской дорогѣ недалеко отъ Казбека.

[25]) Мä скäнгä läппў– мой названный сынъ т. е. не родной. Скäнгä—дѣеприч. форма отъ глагола скäнvн—сдѣлать.

[26]) Гдѣ находится святыня Таранджелос, разскащикъ не зналъ; имя взято съ грузинскаго, означающаго *архангела*. Мvкалvгäбўртä и Рёком два дзуара недалеко отъ Цейскаго селенія въ горахъ. Описаніе главнаго святилища Осетинъ Рекома см. въ моемъ дневникѣ «*въ горахъ Осетіи*» *)

*) Въ журналѣ, „Русская мысль“, Сентябрь 1881 г.

Святилище Мукалугäбýртä остатокъ христіанской церкви, построенной нѣкогда во имя св. Николая Чудотворца. Вторая часть сложенія—гäбýртä можетъ быть-ӄабýртä—бугры, конусы, утесы на горѣ; въ первой части—имя Николая. Въ каждомъ домѣ въ честь Рекома и Мукалугäбýртä 6-го декабря (въ день св. Николая) рѣжутъ барана. Но спеціально оба покровительствуютъ окрестнымъ жителямъ, Цейцамъ, которые справляютъ имъ двухнедѣльное празднество въ маѣ (отъ 9-го по 23 число).

[27]) Гдѣ протекаетъ рѣка Саӄоладон—неизвѣстно.

[28]) Ўäјіг (дигор. Ўäјуг) въ множ. числѣ Ўäігутä—великаны—считаются древнѣйшимъ населеніемъ Осетіи. Они были созданы Богомъ прежде нартовъ и обладали непомѣрнымъ ростомъ и силою. См. ниже преданье о воскрешенномъ исполинѣ.

[29]) Сўáдäттä—собственно: черныя воды отъ сау дон—вмѣсто саудäтта.

[30]) Мäн цäýн на бáісäрстаі?—Меня почему ты не закалилъ? Между формой винит. и род. падежа мäн и мä есть нѣкоторое различіе въ употребленіи. Мäн форма болѣе сильная и употребляется, если имѣется въ виду выдвинуть указаніе на лицо. Она ставится въ началѣ предложенія и въ отвѣтѣ, если не повторяется глаголъ. Мäн ўі алíгуста—меня онъ обругалъ: ўі áлíгуста мä—онъ обругалъ меня. Кäі гал у ўі? Чей это быкъ? Мäн (а не мä)—мой.

[31]) Сатана—по нартскимъ сказаніямъ сестра и жена Урызмага—играетъ значительную роль въ осетинскомъ эпосѣ. Она представляется женщиной необыкновеннаго ума, нерѣдко выручающей Нартовъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

[32]) Бўräфäрнуг.—Въ собранныхъ мною сказаніяхъ встрѣчается лишь вскользь упоминаніе объ этомъ нартѣ. Въ напечатанныхъ до сихъ поръ сказаніяхъ онъ упоминается только въ одномъ (Осет. тексты стр. 43), какъ отецъ семи сыновей и убійца Хамыца. Сынъ Хамыца, Батразъ, еще мальчикомъ обыгрываетъ сыновей Бурафарныга и затѣмъ, узнавъ отъ отца ихъ, что онъ вмѣстѣ съ Челесханомъ убилъ Хамыца, убиваетъ семь сыновъ Б-га, превращаетъ его жену въ кореннаго вола, а невѣстокъ въ пристяжныхъ и молотитъ ими по колючему терновнику. Имя Бўräфäрнуг въ противоположность именамъ другихъ нартовъ—Созрукъо, Урузмäг, Батраз, повидимому, чисто осетинское. Во второй части не трудно узнать слово фарн—миръ, изобиліе. (Ср. иранскія

имена: Артаферн̆ъ, Фарнабазъ, Ἰνταφέρνης (др. пер. Vindafarnā и др.); въ первой г. Цораевъ видитъ слово бӣрä (дигор. бёурä)—много (Осет. тексты стр. 51). Но почему-бы общепонятное слово—бӣрä—исказилось въ бурä—не понятно. По словамъ Гацыра Шанаева (Сб. св. о К. Г. Вып. IX отд. II стр. 10) имя Бӯрäфäрнγг̑а служитъ самымъ задушевнымъ привѣтствіемъ при пожеланіяхъ счастія: Бӯрäфäрнγг ссӯ—будь богачемъ, Бӯрäф̆äрнγг̑омъ.

[33]) Собственно: сдѣлалъ его хорошимъ гостемъ.

[34]) Собственно: изъ головной кожи (скальпа) и кожи отъ усовъ.

[35]) Собственно: безъ нахожденія средства нѣтъ.

[36]) Цγ кäнγс?—соб. что дѣлаешь?—употребляется въ значеніи: что съ тобой?

[37]) Собственно: одинъ вертокъ (ӯγлд) еще сдѣлай, эту волю еще тебѣ даю.

[38]) Кӯсарт—барашекъ или другое домашнее животное; которое зарѣзывается для гостя или при какихъ нибудь обстоятельствахъ.

[39]) Хорз сä фёдта—соб. хорошо ихъ видѣла, смотрѣла на нихъ, какъ на хорошихъ гостей, потомъ: хорошо потчивала.

[40]) Мγрмγргäнгä—мγрмγркäнγн выражаетъ звуки, производимые конемъ или эшакомъ во время течки. Употребляясь о человѣкѣ, мγрмγркäнγн значитъ хохотать.

[41]) Что значитъ Арqγзγ дäндäг—разскащикъ не могъ объяснить.

[42]) Бадäг—отъ бадγн-сидѣть—дѣвица засидѣвшаяся.

[43]) Скалм ӯдзнäн—многія имена существительныя и прилагательныя могутъ, принимая приставку с— (зенд. uz- us-) и сочетаясь съ вспомогательными глаголами—дäн, кäнγн—превращаться какъ бы въ глаголы, выражающіе пріобрѣтеніе того свойства, которое принадлежитъ этимъ именамъ: скалм дäн—я обратился въ змѣя, сарс дäн—обратился въ медвѣдя; слäг дäн—обратился въ мущину, возмужалъ; снард дäн—ожирѣлъ, сзонцін дäн—поумнѣлъ, сбӣрäг̑ кäнγн—превращаться въ волка,—сдзäбäх дäн—я выздоровѣлъ, сдарг̑ дäн—я вытянулся; сг̑äдзγг дäн—я разбогатѣлъ.

[44]) Дä хäдзäр куд фёхäлд! Одно изъ наиболѣе употребительныхъ проклятій.

[45]) Äм ӯäз—изъ äм—срав. зендск. hama, санскр. sama и ӯäз—вѣсъ, тяжесть—значитъ равный по вѣсу.

[46]) Бäхтäрäн—собственно: погоняющая (тäрγн—гнать) коней.

[47]) Нä qäўv ämбIc фäлIдv—половина нашего аула уходитъ. Человѣкъ уважаемый ради почета называется половиной аула.

[48]) Тäргái—Непереводимый терминъ: жена, оскорбленная въ домѣ мужа, уходитъ изъ него въ домъ родителей или сосѣдей. Это временное отсутствіе ея до примиренія съ мужемъ называется тäргái. Тäргаi происходитъ отъ глагола тäрvн—гнать.

[49]) Мäрдтäм дарäс—соб. одежда къ мертвымъ; въ Осетіи есть обычай заблаговременно шить себѣ платье, въ которомъ будешь похороненъ, такъ называемое мардтдаг. Нерѣдко надѣваютъ на себя это платье, собираясь на какое-нибудь опасное предпріятіе.

[50]) Гдѣ находится Фäрдvцi бvдvр—Фардыжское поле—разскащику неизвѣстно.

[51]) Фäрсаг лäг—побочный человѣкъ. Сынъ *алдара* отъ жены низшей его по сословію. Фарсаглаги не получали отъ отца доли въ земельной собственности и добывали средства жизни сами.

[52]) На мой вопросъ, гдѣ было мѣсто Iелусанёд—разскащикъ сказалъ: „ўi ахäм бäстä удIс ämä Хцау адäм ку äвзvрvн кодта, Jелусанёдäi рацvдvстv—это было такое мѣсто: когда Богъ создалъ людей, то они вышли изъ Iелусанеда». Т. о. Iелусанёд—родина первыхъ людей и въ этомъ имени можно видѣть искаженіе имени Iерусалима. Ср. въ нашихъ духовныхъ стихахъ Сафатъ-рѣку (искаженіе названія долины Iосафатской) или Израй-рѣку (изъ Израиль).

[53]) Собственно: душу на душу (другаго) никто не промѣнялъ.

[54]) ФIдIўäг—глашатай. Въ каждомъ аулѣ въ должность глашатая избираются люди съ громкимъ голосомъ. ФIдIўäг сзываетъ народъ въ нvхас—на сходку, причемъ обыкновенно повторяетъ: áфтä ма чI зäIгäд: „нä фёqустон“, зäIгä, т. е. чтобы никто не говорилъ: «я не слышалъ!» ФIдIўäг наканунѣ поминокъ или похоронъ обязанъ извѣстить о нихъ, чтобы никто не удалялся изъ аула. За свой трудъ, по словамъ г. Цораева (Осет. Тексты стр. 88), глашатай получаетъ обыкновенно каждый разъ по одной мѣрѣ пшеницы, по двѣ мѣры проса, на поминкахъ еще особую долю мяса, пива, хлѣба и водки; кромѣ того онъ освобожденъ отъ всякихъ повинностей. При общественныхъ *кувдахъ* на его долю идетъ шкура быка, которую онъ дѣлитъ съ кузнецомъ.

[55]) Äртä арäqv фалёмä—áрäq—долина; почему раненый не умиралъ, если его перенести за три долины, разскащикъ не могъ объяснить.

[56]) Qáун—значитъ *убавлять*, *уменьшать*, дигор. Iáун; нужно различать отъ qäýн (дигор.) Iäýн—быть нужнымъ, нуждаться.

Ацъ городäн ӕ́мбӣс—половину этого города. У Осетинъ нѣтъ собственнаго слова для города. Они употребляютъ либо грузинское слово ка́лак, называя городомъ κατ'ἐξοχήν Тифлисъ, либо русское *город*, либо персидское сахар.

[57]) Цъуд—отъ глагола цäун—идти, ѣхать—собственно *ходъ*.

[58]) Фъинг—небольшая круглая доска на низкихъ ножкахъ, которая ставится передъ каждымъ обѣдающимъ.

[59]) Ӯäд—собственно 3 лицо ед. ч. повелит. наклоненія отъ глагола ун—быть; употребляется при перечисленіи соотвѣтственно нашему *и*, *и*.

[60]) А́фтä нä зáхтаі нä? Не говорила ли ты такъ?—Въ осетинскомъ нерѣдко для усиленія вопроса повторяется при положительномъ вопросѣ цъ, при отрицательномъ нä: цъ дӯръс цъ? что ты говоришь? цъ кä-нӯт цъ? что съ вами? нä удтä нä? не былъ ли ты? и т. п.

[61]) Дä фäндáг раст (сокращено фäндáраст)—Да будетъ путь твой прямъ!—обычное пожеланіе ѣдущему или идущему.

[62]) А́хсäв—съ чистымъ начальнымъ ударяемымъ *а* значитъ *сегодня ночью*; вѣроятно сложено изъ а (аі) этотъ и äхсäв.

[63]) Хӣдъцӯсмä—хӣдъцус собств. ухо (цӯс) моста (хӣд) т. е. начало моста, входъ на него.

[64]) Что за существо Съфъттäр разскащикъ не могъ объяснить. Въ сказкѣ о сынѣ старшины Мъстъцӯс'ѣ (Мышиное ухо), напечатанной въ Осет. Текстахъ (стр. 99 слѣд.) чортъ даетъ герою сказки какой-то чудесный листъ—съфтäр, который будучи повернутъ въ рукѣ, совершаетъ всякія чудеса. Иногда вмѣсто съфтäр—онъ просто называется съф—листъ. Съфтäр—по словамъ г. Туккаева—употребляется въ собирательномъ смыслѣ и указываетъ обиліе листьевъ: листва. Не имѣетъ-ли съфтäр какое нибудь отношеніе къ Съфъттäр'у?

[65]) Арфä кäнън—собственно: благословлять.

[66]) Собственно: такими прямопутными будьте.

[67]) Словомъ *любовница* мы передали осетинское выраженіе ӣскäі ӯс, собственно: чья-то жена.

[68]) Сгарън—значитъ собственно: пробовать, трогать.

[69]) Слово ämдзуарцiн—означаетъ всѣхъ имѣющихъ общій дзуар, общую святыню (отъ äм—и дзуар), а также крестнаго отца и кума.

[70]) Зълдтäн—собственно: вертѣлся, кружился.

[71]) Фäхсъ́н—называется баранъ выпотрошенный и варимый цѣльнымъ, тушей; цäхцiн—копченый, соб. посоленый. Коптятъ по преимуществу жирныхъ барановъ.

[72]) Цъмгӕ—всякая жидкая пища: молоко, взваръ, каша и т п.

[73]) Дън Хцау ӕ̆ґ̆ӕд ӯӕд—значитъ собственно: пусть тебѣ будетъ довольно Бога т. е. пусть Богъ одинъ тебѣ будетъ судьей, а я тебѣ не стану мстить.

[74]) Бӕхбӕттӕн—коновязь—столбъ или стволъ дерева съ развилками, за которыя привязываютъ лошадей. Такой бӕхбӕттӕн можно видѣть около каждой сакли.

[75]) Ӕмӯат ӕрцъдъстӕм—собственно: сошлись на одной постели.

[76]) Гдѣ находится Тараqаji бъдър—разскащикъ не зналъ.

[77]) Тӕрсгӕ̄ мīјӕ́г ма фӕкӕ́нӯт—ближе можно перевести: не дѣлайте что нибудь въ родѣ страха. Мī—значитъ *дѣло*, мīкӕнън—дѣло дѣлать, работать, мīјаг—faciendus. Фъсгӕ мīјаг кӕнъс цъ? Дѣлаешь ли ты что нибудь въ родѣ писанія? Занимаешься ли ты писаньемъ?

[78]) Кӕнгӕ̄ ун нӕ̄цъ кӕндзӯнӕн—употребленіе дѣепричастія ня—гӕ при глагольной формѣ усиливаетъ значеніе глагола и соотвѣтствуетъ русскимъ оборотамъ вродѣ: сдѣлать не сдѣлаю.

[79]) Нӕ зӕрдӕјӕ—соб. отъ нашего сердца—употребляется въ значеніи: по нашему мнѣнію.

[80]) Гумīрідӕр—происходитъ отъ слова гумīр великанъ, исполинъ. По преданіямъ, раньше Нартовъ въ Осетіи жили Ӯӕігутӕ и Гумīрітӕ. Вѣроятно въ послѣднемъ названіи скрывается собственное имя древняго народа Киммерійцевъ, библейск. Gomer, ассир Gimirrai, греч. Κιμμέριοι, какъ и въ нашемъ *кумиръ*. Извѣстно, что имена древнихъ народовъ, иногда автохтоновъ, нерѣдко принимаютъ значеніе *великановъ*. Срав. наши слова: исполинъ, волотъ.

[81]) Дзӕ̆ґ̆ӕ́ доінаг дӯр—какой родъ камней называется дзӕ̆ґ̆а (дигор. дӕнґ̆а) намъ неизвѣстно; доінаг (отъ дон) значитъ *рѣчной*.

[82]) Угӕрдӕнтӕ—един. ч. угӕрдӕн—участки для покоса; по дигорски: ігӯӕрдӕн.

[83]) Ӕстӕмбън—происходитъ изъ словъ: ӕстӕм—*рѣдкій*, *скудный* и бън—*почва*, т. е. съ плохой почвой.

[84]) Нъххӕр ī—соб. сталъ развалиной; хӕр—развалина, куча.

[85]) Тъхгӕнӕг ӕмӕ тъхӕ́гӯр—тъхгӕнӕг (отъ тъх—сила и кӕнън—дѣлать) значитъ *притѣснитель*, *насильникъ;* тъхагӯр (тъх агӯрын—искать) соб. ищущій силы, соперника,—борецъ.

[86]) Аміранъ коммӕ бакастъстъ—значитъ собственно: взглянули въ ротъ Амирана.

[87]) Заріаг калм—заріаг (зарійскій) собственное имя, происходящее отъ какой-то мѣстности.

[88]) Нур ранv фёстäм—собственно: теперь мы очутились на мѣстѣ, т. е. теперь мы попали въ такое положеніе, гдѣ нужно выказаться.

[89]) Хулфv дäуматä—соб. вещи внутренности, затѣмъ внутренности въ тѣлѣ.

[90]) Дарддäфäі—неподалеку—дäф въ концѣ прилагательнаго указываетъ на присутствіе извѣстнаго качества въ малой степени: сäнтдäф—нѣсколько помѣшанный, аррадäф—глуповатый, хäстäгдäф—довольно близкій.

[91]) Jä сäрäн нал удī—изнемогъ—собственно: не былъ болѣе для своей головы, не могъ болѣе спасти свою голову т. е. свою жизнь.

[92]) Лäгун—лысый, облѣзлый и гладкій. Напр. ärдӯjі хузäн лäгун ӯ—онъ гладокъ какъ волосъ. Хорз—въ сложеніи смѣняетъ о на ä, поэтому: хäрзлäгун.

[93]) Хäдäѓäлгäjä--самопадающій—отъ глагола ѓälvн—падать отъ зрѣлости.

[94]) Цvма īстäмäн бäззvдī—какъ будто къ чему нибудь годился. Бäззvн—годиться, прош. вр. баззvдтäн.

[95]) Матара—кожаный мѣшокъ большаго объема.

[96]) Паконді—по объясненію разскащика, существо выше людей, но ниже ангеловъ. Онъ живетъ на небѣ и служитъ разсыльнымъ у божества.

[97]) Сфа́рда́г кäнvн—отъ слова фардäг *проворный*—значитъ собственно: спроворить, проворно унесть, утащить.

[98]) Хäдар агӯрvн вänд нал скäндvнäн—собственно: не пожелаю искать дома (своего).

[99]) Арч̣ī—башмаки въ родѣ сандалій изъ воловьей кожи: подъемная часть изъ одного куска, а подошва сплетена изъ тоненькихъ ремешковъ. Такіе башмаки употребляются для ходьбы по снѣгу. Они дѣлаются значительно больше ноги и набиваются соломой, такъ что принимаютъ видъ небольшихъ подушекъ.

[100]) К̇упрі—бурдюкъ, jä к̇упрij стvѓд бакодта—ободралъ его для бурдюка т. е. снялъ кожу такъ, чтобъ изъ нея вышелъ бурдюкъ.

[101]) Курдіад.—Народное повѣрье утверждаетъ, что нѣкоторые, угодные Богу, люди не получаютъ отказа на свои просьбы. Просьба, на которую нѣтъ отказа, называется курдіад.

[102]) Jä гупп фäцvдī зäххvл—собственно: его шлёпъ (гупп—звукоподражательное слово) пошелъ на землѣ.

[103]) Ўарvінаг—отъ глагола ўарvн—*дѣлить*—значитъ собственно: dividendus. Пожеланіе—да будетъ домъ вашъ раздѣленъ—равносильно пожеланію: да погибнетъ вашъ домъ.

[104]) Марадзўт—спѣшите. Этотъ глаголъ употребляется только въ повелит. наклоненіи. Вѣроятно онъ сложенъ изъ *ма* (μή) и раўадzvн—отпускать.

[105]) Jä̆ взаг раўахта—значитъ собственно: отпустилъ свой языкъ.

[106]) Ärчіáці дäрг̆; дäрг̆—полоса или кусокъ разрѣзанный въ длину. Ärчіаг—кожа годная для изготовленія ärчī.

[107]) Кäбīц—кладовая. *Кабицъ*—небольшая комната для припасовъ въ задней половинѣ дома. Ключи отъ кабица хранятся хозяйкой. Никто, кромѣ хозяйки, въ прежнее время не имѣлъ право туда входить.

[108]) Ўáідvг—собств. окоченѣлый.

[109]) Räхvс—желѣзная цѣпь надъ очагомъ. Такихъ цѣпей виситъ обыкновенно двѣ или три. Къ нимъ подвѣшивается котелъ. Räхvс имѣетъ до сихъ поръ священное значеніе для Осетина, какъ самый святой предметъ въ его саклѣ. Украсть цѣпь у кого нибудь—значитъ нанести ему сильнѣйшее оскорбленіе.

[110]) Гдѣ было Азнvбvдvр—разскащикъ не могъ опредѣлить.

[111]) Тутvр—имя патрона волковъ. Христіане-осетины разумѣютъ подъ этимъ именемъ св. Ѳеодора Тирона, которому повиновались волки, а магометане-осетины—царя Ирода. Въ честь Тутыра соблюдается строжайшій постъ въ чистый понедѣльникъ, называемый Тутvр комдарäн, т. е. держаніе глотки для Тутыра. Осенью ему приносится въ жертву козелъ (Тутvр цау), мясомъ котораго запрещено угощать постороннихъ.

[112]) Залгäд—какъ называется это дерево по русски мнѣ не умѣли объяснить. Это кустарниковой породы деревцо съ пахучими желтыми цвѣтами. Сдѣлать изъ него ярмо конечно невозможно.

[113]) Донбvттvр—властитель водяныхъ. Онъ владѣетъ рыбою и ему молятся рыболовы. Ходитъ повѣрье, что онъ держитъ въ рукѣ цѣпь и топитъ тѣхъ, кто купается поздно. Имъ стращаютъ дѣтей. Въ нашемъ текстѣ донбvттvртä во множ. числѣ, какъ выше ўацiллатä и ўастvрцiтä. По дигорски донбёдтäр. Иные произносятъ донбіттір, можетъ быть по созвучію съ біттір—летучая мышь.

[114]) Нvппастоі—обѣщали; нvбäттvн—привязывать, потомъ: обязываться кому нибудь, обѣщать.

[115]) Ўадахсīн—соб. воздушная хозяйка, какое-то воздушное женское

существо. Ахсӕн—употребляется какъ титулъ женщинъ высшаго сословія—княгинь.

[116]) Дуӕ (дигор. доӕ)—скачка, устраиваемая въ честь умершаго. Большая скачка происходитъ иногда два, три дня. Первый призъ—полная сбруя для коня и шапка для всадника. У богатыхъ людей даютъ побѣдившему и лошадь.

[117]) Урдʏгʏстӕг—лицо избираемое для прислуживанія на пиру, для рѣзанія мяса, распредѣленія кусковъ, потчиванія и т. д. Названіе происходитъ отъ урдʏг—стойма и стʏн—стоять.

[118]) Ӕрбаріуӕ—такъ произносится вм. ӕрбарӕӱӕ, отъ ӕрбарӕӱӕгʏн (д. ӕрбарӕӱӗгун)—двигать на себя, толкать, нажимать.

[119]) Ӱӕ зӕрдӕ мʏл ма хӱдӕд—соб. пусть ваше сердце надо мной не смѣется, т. е. не сердитесь на меня.

[120]) Јӕ зӕрдӕ бӕхʏл чӏ дарʏ—кто держитъ свое сердце на конѣ, т. е. кто надѣется, полагается на своего коня.

[121]) Мӏдӕгӕі—соб. изнутри; здѣсь—изъ сада.

[122]) Ӕфсӕндӕʏх хутӕ—желѣзнорылыя свиньи. Въ другихъ сказаніяхъ упоминается ӕфсӕндӕʏх бӏрӕӕ—желѣзнорылый волкъ.

[123]) Улʏнӄ—разстояніе между указательнымъ и большимъ пальцемъ.

[124]) Дӕ фʏдʏ сʏст бахордта—твоего отца вошь заѣла, т. е. твой отецъ нищій.

[125]) Въ осетинскій плугъ (гӱтон) впрягается нѣсколько паръ воловъ. Одна пара воловъ свидѣтельствуетъ о бѣдности.

[126]) Бӕіріаі—здравствуй—сокращено изъ баірајаі отъ глагола баірајун, ир. баіраїн—радоваться. Это привѣтствіе обыкновенно говорятъ работающему.

[127]) Дӕ гӱтон ку рафтаӱаі—когда вынешь изъ земли плугъ, т. е. когда кончишь пахать.

[128]) Ју ӕрласта, ју ӕвгӕрста—ју, сопровождающее глагольную форму, указываетъ на повторительность, многократность; ју ӕрласта ју ӕвгӕрста—соотвѣтствуютъ русскому многократному виду: пинашивалъ, рѣзывалъ. См. Грам. Шёгрена § 89.

[129]) Ӱӕлӕтӕ—собственно *сверху*; но верхняя, горная, сторона у Осетинъ соотвѣтствуетъ югу.

[130]) Ӱмӕн мадӕл нӕ зонʏс—собственно: для этого способа или средства не знаешь.

[131]) Ӕултʏ состоитъ изъ мѣстоименія аі, предлога ʏл и знака множ. ч. *тѫ* въ мѣстномъ падежѣ, по дигорски а-бӕл-ті (тутъ).

[132]) Дä цудтаг раст—значитъ собственно: твое дѣло прямо (да будетъ) т. е. имѣй удачу, будь счастливъ.

[133]) Äгас цӯ—собственно: иди здоровъ. Это привѣтствіе говорятъ пріѣхавшему.

[134]) Хорз фӕн—собственно: видь хорошее—служитъ отвѣтомъ на предыдущій привѣтъ.

[135]) Куідʏн (диг. куідун и куідум)—песехвостный (куі—песъ, дум—хвостъ); такъ называются безкурдючные бараны. Ихъ не приноситъ въ жертву, такъ какъ говорятъ, что они напоминаютъ собаку.

[136]) Фäззäг—лѣто. Осетины различаютъ времена года слѣдующимъ образомъ: 1) Зʏмäг—зима, 2) рагвалдзäг (рагӯалдзäг) ранняя весна, 3) Ӯалдзäг—весна и первая половина лѣта (приблизительно май и іюнь) 4) Фäззäг—лѣто начиная съ покоса до листопада, 5) äрäг-фäззäг—позднее лѣто т. е. осень съ появленія инея и съ листопада до снѣга. Дѣлятъ годъ и на двѣ большія половины: теплое время—сäрдä (диг.) и холодное время зумäг (диг.). Новый годъ нäӯäг бон или анзісäр (диг.)—справляется зимой въ Васильевъ мѣсяцъ (Басілтʏмäі), послѣ новолунія непремѣнно въ пятницу. Этотъ день не совпадаетъ съ нашимъ календаремъ и приходится то раньше, то позже Рождества.

[137]) Тӕ̄г диг. тӕ̄гä—называется хребетъ горы, если она тянется въ длину.

[138]) Падцáхʏ фäндаг—значитъ собственно царская дорога.

[139]) Äвгарстäуі;—посредствомъ окончанія—äуі присоединяемаго къ прош. прич. страд. залога образуются безличныя формы со значеніемъ 3 л. наст. времени, страдат. залога. Уі происходитъ отъ глагола ун—быть. дзурдäуі—говорится, говорятъ; бадтäуі—сидится; кафтäуі—пляшется, кіндäуі—дѣлается—(вм. кондäуі), істäуі—берется и т. п. Подробности объ этихъ формахъ см. во 2-ой части.

[140]) Цʏфгін—топкій, отъ цʏф—грязь; здѣсь Цʏфгін собственное названіе одной мѣстности въ Дигоріи.

[141]) Хäрӕ̄сі цäд. Какое это дерево, разскащикъ не могъ объяснить. Г. Туккаевъ полагаетъ, что хäрӕ̄с ива.

[142]) Бäлäӕ̄—лодка, челнокъ изъ цѣльнаго ствола (ройка), а также кусокъ дерева съ выемкой для воды, надъ которымъ точатъ косу, смачивая водою оселокъ.

[143]) Jä сäрʏ сäрдасäндзäф фäкодта—собственно: сдѣлалъ ударъ бритвой по головѣ. Есть повѣрье, что дабы овладѣть чортомъ, нужно сбрить ему нѣсколько волосъ на головѣ.

[144]) Кäр—смолоченная, но еще не провѣянная куча зерна, лежащая на гумнѣ.

[145]) Фäдīсʏ фёстʏ—пустились въ погоню. Фäдīс—тревога; происходитъ отъ словъ фäд—слѣдъ и глагола īсʏн—брать.

[146]) Јуäі-јумä цäўäнтä—собственно: пусть живутъ по одному заразъ, т. е. пусть имѣютъ только по одному потомку мужскаго пола.

[147]) Нäфäдгаг—значитъ запретный для постороннихъ; въ нѣкоторыхъ *куадахъ* могутъ принимать участіе только члены одного рода; такіе куады называются нäфäдгаг (изъ слова нä—нашъ и фäдгä—обычай).

[148]) Ўаза—гора близь Донифарса.

[149]) Äрäіцáрдäнцä—поселились на ней. Въ дигорскомъ весьма свободно между глаголомъ и предложною приставкой вставляется дополненіе. Напр. äрäібадäн—сядемъ на это (мѣсто); фäінадтон—изъ фä-äінадтон—я побилъ его; раігалстон—(изъ ра-äі-галстон) я его выбросилъ; нійäвгарстон—(изъ ні-j-äвгарстон) я его зарѣзалъ, нійімадӡурдтон (изъ ні-јімä-ӡурдтон)—я ему крикнулъ и т. п.

[150]) Qäрäʕäс—мѣстность въ Дигоріи, по рѣкѣ Урсдону.

[151]) Qäбёсäі—въ обхватку, qäбёс—обхватъ, чаще произносятъ—ʕабёс.

[152]) Нёціі=нёці äі—nihil est.

[153]) Qоʕалуqтä—селеніе въ Кабардѣ, а также родъ (теперь фамилія) Когалуковская.

[154]) Фусун—домъ, въ которомъ останавливаются на ночлегъ, или лицо, у котораго ночуютъ.

[155]) Дигорцы называютъ Кавказъ—Капкаі, Ироны, Капкаӡ; сравните диг. куі (собака) ир. куӡ; äфсоінä (ярмо) ир. äфсонӡ; інсäі—двадцать, ирон. ссäӡ и др.

[156]) Нанäўадäр—наконецъ, собственно: будь не будь! Сложено изъ ўа нä ўа. Начальное *н* вѣроятно явилось подъ вліяніемъ н въ нä, какъ благозвучная приставка. Часто говорятъ и ўа-нä-ўа.

[157]) Інʕäн ун, інʕäн кäнун—пачкаться въ чемъ нибудь липкомъ.

[158]) Дуінё—сильно, огромно, соб. съ міръ (величиною).

[159]) Сäмбу—конусъ изъ вишневой коры, употребляемый при пересадкѣ пчелъ въ сапетки.

[160]) Фонс—скотъ, затѣмъ всякое имущество, доходъ, прибытокъ.

[161]) Баі=ба+äі.

[162]) Äза—я-же.

[163]) Сä бäрцітäбäл—бäрцä—значитъ собственно *мѣра*.

[164]) Афсаⷯä—слово кабардинское—обозначаетъ человѣка, обыкновенно молодаго, который во время полевыхъ работъ завѣдуетъ хозяйствомъ прочихъ работниковъ, стряпаетъ, устраиваетъ шалашъ и т. д.

[165]) Слогъ—тä, присоединяясь къ окончанію неопредѣленнаго наклоненія, выражаетъ многократность: кäрдунтä—покашивать; бадунтä—посиживать, ⷣорунтä—поговаривать и т. д. Это—тä то-же, что́ образуетъ множ. число въ склоненіи.

[166]) Ком—главное отверстіе бурдюка, образуемое шеей животнаго; ⷦум—отверстія, образуемыя ногами.

[167]) Куі=ку äі.

[168]) Ämаі=äма+äі—и его.

[169]) Мі равно какъ ⷣі, ⷣі (для 3-го л. ед. ч.), ні, ӱі, сі—мѣстный внутренній падежъ, не отмѣченный въ грамматикѣ Шёгрена; напр. ні мі äвгäдтонцä—налили въ меня; саітан мі бадуі—діаволъ во мнѣ сидитъ.

[170]) Кäнтä—вм. кäнётä—2-е л. мн. ч. наст. времени.

[171]) Цäнхігол—называется теперь мѣстность, въ которую Дигорцы отправляются за солью для скота. Цäнхіголі адтäн—я былъ въ Цäнхігол'ѣ—говоритъ вернувшійся съ солью. Цäнх—соль, гол, по словамъ г. Туккаева, значитъ *куча*. Въ нашемъ текстѣ цäнхігол, по объясненію разскащика, ангелъ завѣдующій соляными копями.

[172]) Табу—слово употребляющееся въ религіозномъ смыслѣ—молитва (?).

[173]) Хӱссар—склонъ горы, обращенный къ солнцу; по дигорски хонсар.

[174]) Кⷯірⷯаг—лепешка съ сыромъ предназначаемая для кувда, по иронски ⷯірⷯаг, на чисто дигорск. діалектѣ ⷦёрёаг.

[175]) Цäгат—несолнечный склонъ горы.

[176]) Бäгäніаг—матеріалъ для пива, то изъ чего можетъ быть сдѣлано хорошее пиво; окончаніе—аг выражаетъ годность къ чему нибудь: булⷦоніаг—годный въ полковники; нѵвондаг—годный быть жертвеннымъ животнымъ; ⷦӱсаг—годный какъ чашка; гаілаг—будущій быкъ. Такъ же образовано и слово ⷦірⷯаг.

[177]) Фäлвäра—богъ завѣдующій стадами.

[178]) Нѵвондаг—животное, вскармливаемое заранѣе для жертвоприно-

шенія. Его выбираютъ изъ стада съ извѣстными обрядами. Выбранное животное нельзя бить; выбраннаго бычка не запрягаютъ въ арбу и всячески холятъ.

[179]) Фӕрвʏ хумӕллӕгӕі—изъ хмѣля, который вьется вокругъ ольхи. Такой хмѣль считается лучшимъ.

[180]) Місіраг,—точнаго значенія этого слова не знаютъ осетины. Не есть-ли это восточное (арабское) названіе Египта—Місір?

[181]) Нʏсаінаг — отъ слова сан—знакъ, нʏсан кӕнун—дѣлать знакъ. Нʏсаінаг—называется всякій матеріальный знакъ, оставляемый обязательно на мѣстѣ, гдѣ былъ кувдъ, напр. серебряная монета, кусокъ пищи и т. п.

[182]) Бӕмпӕг—*вата*; небольшіе куски ваты и серебряная канитель составляютъ обыкновенное приношеніе осетинъ въ дзуары. Осетины сами уже не знаютъ для какой цѣли приносятся эти кусочки ваты. Можно думать, что этотъ обычай ведетъ свое начало отъ христіанскихъ временъ. Не предназначалась-ли прежде вата для горѣлокъ въ лампады?

[183]) Фӕдтііаг—тотъ, кто обязанъ заплатить (фӕдʏн), т. е. тотъ, у кого еще не была оспа, кто такимъ образомъ состоитъ въ долгу у Аларды.

[184]) Дзӕ̆ғар—болѣзнь глазъ, при которой нельзя сомкнуть вѣки.

[185]) Этого стиха не было въ спискѣ г. Т. Онъ добавленъ г. Кокіевымъ, чтобы дополнить строфу.

[186]) Ӕнқалдзау—подающій надежду, наслѣдникъ; отъ ӕнқал—надежда. Такъ понимаетъ это выраженіе г. Кокіевъ. Г. Туккаевъ полагаетъ, что ӕнқалдзау можетъ относиться къ дальнѣйшимъ словамъ дӕ̄н и Хуцау: т. е. у тебя есть то, что даетъ надежду,—именно вѣра и Богъ.

[187]) Удон—относится къ цӕ̆ӯӕт предыдущей строфы: ты, родина, душа потомства.

[188]) Бӕхфӕлдёсун—посвященіе коня покойнику—обрядъ совершающійся на могилѣ. Цѣль его та, чтобъ покойникъ имѣлъ коня въ загробномъ мірѣ и могъ доѣхать благополучно до мѣста ему предназначеннаго. Положивъ покойника въ могилу, приводятъ коня къ могилѣ. Туда-же приносятъ шкуру барана, зарѣзаннаго въ день погребенія и ушатъ браги. На шеѣ у коня два аршина бѣлаго коленкора; подъ сѣдломъ, вмѣсто подсѣдельника, новый неношенный сафьянъ; сѣдло не имѣетъ подушки. Человѣкъ, ведущій коня, держитъ новую плеть въ

рукѣ. Для коня берутъ съ собою пригоршню проса—какъ фӕндагкаг—т. е. провизія на дорогу (viaticum) въ царство мертвыхъ. Если все это не исполнено, то обрядъ лишается своего значенія. По вѣрованію народа, все что приносится мертвому, служитъ ему на пользу въ загробномъ мірѣ. Если у родныхъ покойника нѣтъ коня, то имъ даютъ его знакомые. Пока покойника зарываютъ, конь стоитъ въ сторонѣ; затѣмъ его подводятъ къ изголовью покойника, народъ образуетъ кружокъ вокругъ могилы и бӕхфӕлдёсӕг, становясь предъ конемъ, начинаетъ свою рѣчь.

[189]) Кӕнтӕ—г. Туккаевъ полагаетъ, что кӕнтӕ какіе-то духи, можетъ быть духи умершихъ.

[190]) Сібулӕ, ирон. сувылӕ—значитъ *карауль*, *караячь*.

[191]) Дӕ́ӯӕг—духъ покровитель, серафимъ.

[192]) Гӕ́ӯагкін—значитъ тотъ, у кого чего нибудь не достаетъ.

[193]) Что такое ӕндӕлӕ г. Туккаевъ не знаетъ; по смыслу требуется что нибудь въ родѣ *каната*.

[194]) Фӕдӕл—нитка, болѣе толстая, продѣваемая въ ушко иголки; съ этой ниткой скручивается другая, болѣе тонкая, которою шьютъ. Когда послѣдняя истощилась, то къ толстой (фӕдӕл) ниткѣ прикручиваютъ новую.

[195]) Фӕстӕ—большая деревянная ступа.

[196]) Мӕрдті над—соб. путь мертвыхъ, затѣмъ загробная жизнь вообще.

[197]) Рӕвӕінӕ—конопляная веревка въ длину не менѣе шести обхватовъ, настолько длинная, чтобъ ею можно было перевязать арбу.

[198]) Выраженіе фӕндаг со́дӕг употребляется о колдунахъ, вѣдьмахъ и людяхъ съ дурнымъ глазомъ. Они, встрѣчаясь на пути, могутъ повредить человѣку, подвергнуть его опасности.

[199]) Хузёсаг—отъ хуз—цвѣтъ, видъ, образъ и јесун—отнимать—употребляется о нихъ-же. Они могутъ измѣнить видъ человѣка къ худшему, наслать на него болѣзнь и т. п.

[200]) Кі́лдунвӕлдаґдӕі—спиною другъ ко другу повернувшись, отъ кілдун—спина и фӕлдаґд-ун—перевертываться.

[201]) Дӕлqур—ӯӕлqур—соб. горло внизъ, горло вверхъ.

[202]) Кӕлгӕӯӕлгӕі—съ избыткомъ; отъ кӕлун—проливаться и уӕлӕ (?) вверхъ?

[203]) Кӗ́ла—небольшая полукруглая скамейка на трехъ ножкахъ.

[204]) Что за деревья—фатqäд, фäдäрqез мнѣ не могли уяснить. Мы добавили для ясности перевода слова—*онъ* (*мостъ*) *сдѣланъ*,—которыхъ нѣтъ въ оригиналѣ, полагая, что здѣсь перечисляется матеріалъ—вѣроятно очень тонкій и ненадежный,—изъ котораго сдѣланъ мостъ.

[205]) По окончаніи рѣчи бäхфäлдёсäг'а коня обводятъ три раза вокругъ могилы и даютъ ему попробовать браги, послѣ чего чашку, изъ которой конь пилъ, разбиваютъ объ его копыто. Потомъ даютъ коню принесенное съ собою просо и отрѣзаютъ ему кончикъ уха или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ надрѣзъ. Кто нибудь изъ присутствующихъ садится на него и скачетъ до тѣхъ поръ, пока вгонитъ въ испарину. Сафьянъ и коленкоръ снимаютъ съ коня и отдаютъ бѣднымъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

ПРЕДАНІЯ И СКАЗКИ

ЗАПИСАННЫЯ ПО-РУССКИ.

I. Преданіе о великанахъ. [1])

Однажды Нарты отправились въ походъ подъ предводительствомъ Сослана. Сырдонъ былъ ихъ проводникомъ въ горахъ и по своему коварному характеру цѣлый день заставилъ Нартовъ блуждать, такъ что ночь застала ихъ въ горахъ. Они увидѣли пещеру и рѣшились въ ней переночевать. Проснувшись по утру, они замѣтили, что ночевали не въ пещерѣ, а въ плечевой впадинѣ громадной человѣческой лопатки. Удивившись необыкновенному размѣру костей, Нарты пожелали, чтобъ великанъ воскресъ, но былъ лишенъ зрѣнія. Богъ исполнилъ желаніе Нартовъ. Скелетъ преобразился въ огромнаго слѣпаго великана, который, воскреснувъ, немедленно просилъ Нартовъ вернуть ему зрѣніе. Нарты отвѣчали уклончиво и стали его разспрашивать, какъ воевали уойгуты (великаны). Онъ сказалъ: „пусть одинъ изъ васъ станетъ на той сторонѣ ущелья, а я на этой и я въ него брошу камнемъ“. Сосланъ поставилъ свою бурку въ указанномъ мѣстѣ, а самъ, отбѣгая въ сторону, закричалъ великану, что все готово. Великанъ бросилъ въ ту сторону, гдѣ стояла бурка громаднымъ камнемъ и бурки какъ не бывало. Затѣмъ великанъ спросилъ, попалъ ли онъ въ цѣль. Ему сказали, что онъ убилъ человѣка, и онъ обрадовался, что ему, хотя и слѣпому, удалось это сдѣлать. Тогда Нарты спросили его, чѣмъ питались великаны. Онъ взялъ огромный комъ земли, сжалъ его въ рукѣ и изъ него истекла какая-то маслянистая жидкость. Великанъ помазалъ этою жидкостью лбы 99 Нартамъ и ихъ конямъ и всѣ уснули мертвецкимъ сномъ. Проснувшись, Нарты просили Бога, чтобъ онъ обратилъ снова великана въ скелетъ и молитва ихъ исполнилась. Великанъ разсыпался на отдѣльныя кости.

II. Преданіе о змѣѣ въ Галіатѣ. [2])

Около аула Галіаты есть мѣсто, на которое жители сносили свой хлѣбъ и другіе запасы. Однажды, въ отдаленныя времена, осенью откуда-то появился заріаг калм (зарійскій змѣй) и окружилъ это мѣсто, свившись въ кольцо, такъ что хвостъ у змѣя былъ въ зубахъ. Никто изъ жителей не дерзалъ подойти къ опасному мѣсту. На всѣхъ напало уныніе въ виду угрожавшей всему аулу голодной смерти. Изъ бѣды Галіату выручилъ одинъ храбрецъ, родомъ изъ Кантемуровыхъ, который рѣшился напасть на змѣя. Для этой цѣли онъ досталъ свѣжую воловью шкуру, одѣлся въ нее и высушилъ ее на себѣ на солнцѣ, такъ что она плотно облегла его тѣло. Затѣмъ онъ сѣлъ на коня и напалъ на змѣя. Послѣ долгой битвы ему удалось шашкой отрубить змѣю голову. Дѣло было около рѣки и кровь змѣя въ такомъ количествѣ наполнила воду, что цѣлый годъ нельзя было пить изъ этой рѣчки.

III. Преданіе о поселеніи Дигорцевъ въ Камунтѣ. [3])

Было три брата: Суанъ, Осъ и Картылъ. [4]) Картылъ остался на родинѣ и сталъ родоначальникомъ Грузинъ (Картли). Суанъ пошелъ и поселился въ нынѣшней Сванетіи, которая отъ него получила свое имя. Третій братъ—Осъ поселился въ Алагирскомъ ущельѣ и сталъ родоначальникомъ Осетинъ. Старшій сынъ Оса пошелъ въ Дигорію и поселился въ ней. Изъ поколѣнія Оса происходили два брата—старшій Хутгеръ, младшій—Дзынга. Хутгеръ поселился на горѣ Каритинѣ. У него былъ сынъ Челбагонъ, а у Челбагона сынъ—Камынонъ Насръ. Послѣдній поселился на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ аулъ Камунта, названный его именемъ. Въ теченіе времени изъ Алагира пришли непріятельскія войска и стали осаждать Камунту. Жители заперлись въ башнѣ на горѣ близъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ церковь. Послѣ долгой осады Камунтцы поднялись на хитрость. Они подрубили устои моста, дававшаго доступъ въ ихъ башню и перестали отстрѣливать-

ся, съ тою цѣлью, чтобъ непріятель подумалъ, что они истощили свои метательные снаряды. Хитрость удалась. Алагирцы бросились по мосту на приступъ и мостъ подъ ними провалился. Такимъ образомъ непріятельское войско погибло.

У Камынона былъ сынъ Тобо́й. При немъ Камунтцы стали селиться просторнѣе. Онъ построилъ укрѣпленіе на верхней площадкѣ горы на сѣверѣ, а когда его потомство размножилось, то построило башню на востокѣ. Башня эта существуетъ до сихъ поръ и считается самымъ древнимъ домомъ въ Камунтѣ. Въ ней живетъ одинъ изъ рода Дзилиховыхъ. Преданіе говоритъ, что Алагирцы мѣшали этой постройкѣ и разоряли каждую ночь то, что было построено днемъ. Башню эту строилъ Гогъ, сынъ Тобоя. Когда наконецъ удалось довести постройку до конца, Гогъ былъ уже старикъ, а жена его старуха. Дѣтей у нихъ не было. Однажды мать жены Гога возвращалась домой поздно вечеромъ изъ сосѣдняго аула. Вотъ она слышитъ, что на вершинѣ башни бѣсы (хäіраԛітä) пляшутъ и поютъ: „У Гога родится сынъ Бата и ему Авсати (богъ звѣрей) будетъ пріятелемъ“. Дѣйствительно жена Гога вскорѣ родила сына. Бабушка назвала его Бата,—какъ слышала отъ бѣсовъ. Мальчикъ сталъ славнымъ охотникомъ и метко стрѣлялъ зубровъ, туровъ, оленей, кабановъ и всякую дичь. При Ногѣ, сына охотника Баты, снова пришли Алагирцы и стали осаждать башню Гога. Непріятель раздѣлился на конницу и пѣхоту. Конницей предводительствовалъ Асынкъ, сынъ Цалика. Она подошла по руслу рѣки, а пѣхота шла горою, по верху. Подступивъ къ башнѣ, Асынкъ крикнулъ осажденнымъ: „Хотя вы и сильно укрѣпились, но мы васъ не оставимъ: взрослыхъ перебьемъ, а малолѣтнихъ и женщинъ увеземъ съ собою и продадимъ за рубахи и штаны“. Тогда Ногъ, съ вершины башни отвѣтилъ ему: „Черный алагирецъ! Пока наши крымскія пищали будутъ цѣлы, ты у насъ ничего не возьмешь.“ Затѣмъ онъ выстрѣлилъ и ранилъ Асынка въ правое колѣно. Раненый Асынкъ поѣхалъ къ пѣхотѣ. Одинъ изъ пѣхотинцевъ былъ ему врагомъ, подозрѣвая его въ связи съ своею женою. Онъ крикнулъ подъѣхавшему: „Дигорцы гостей хорошо принимаютъ: краснаго шелку повязку тебѣ

подарили!“ Раненый Асынык ъ отвѣтилъ ему: „Собачій сынъ! То, чего не могъ ты сдѣлать руками, то совершилъ сердцемъ!“ О цаликовомъ сынѣ и его ранѣ до сихъ поръ вспоминаютъ въ пѣсняхъ.

Другой братъ Хутгера—Дзынга поселился на горѣ на юго-западѣ отъ нынѣшней Камунты и это мѣсто до сихъ поръ носитъ его имя. Его жена Альди (Ӓлді) [5]) была въ любовной связи съ его братомъ Хутгеромъ. О ней разсказывается слѣдующее преданіе: Однажды, когда Дзынга на долго уѣхалъ изъ дому, Альди ждала своего любовника. Ждетъ, ждетъ,— онъ все не приходитъ. Тогда она въ сильной горести стала пить сыворотку съ водою (хорх дон) и пила такъ много, что упала и лопнула. Дзынга послѣ ея смерти взялъ другую жену и переселился на гору, на западъ, гдѣ жилъ родъ Зӱаjатӓ. У него былъ сынъ Бидзга; у Бидзги сынъ Уалія. Теперь потомство Дзынга носитъ фамилію Баjсогуртӓ, а потомство Хутгера Тобоітӓ.

IV. Преданіе о Бадилятахъ. [6])

Родоначальникъ Бадилятъ пришелъ въ Дигорію изъ Мадзаръ [7]) и сталъ гостемъ у дигорцевъ. До его прихода не знали ружья и пороха, а бились саадакомъ. Бадила принесъ съ собою ружье и сталъ отбивать отгоняемый сосѣдями дигорскій скотъ. Своимъ ружьемъ онъ защищалъ дигорцевъ лучше, нежели они сами себя луками. За это дигорцы подарили ему столько земли, сколько нужно, чтобъ накашивать травы для его коня. Это мѣсто лежитъ близъ аула Махческа и до сихъ поръ называется Баділаjі хоскарц (Бадиловъ покосъ). Бадила женился на дочери лезгурскаго жителя изъ фамиліи Ӱанітӓ и имѣлъ трехъ сыновей: Тугана, Кубати и Абисала. Отъ нихъ происходятъ бадилятскія фамиліи Тугановыхъ, Кубатіевыхъ и Абисаловыхъ.

V. Преданіе объ осадѣ Галіаты Сахомъ. [8])

Нѣкогда подступилъ съ войскомъ Сахъ къ Галіатѣ, которая лежала въ то время на холмѣ въ полуверстѣ на сѣверо-востокъ отъ нынѣшняго ея мѣстоположенія. Сахъ расположилъ

войско на противоположной возвышенности и сталъ обстрѣливать Галіату. Долго осада тянулась безуспѣшно. Наконецъ Саху помогъ одинъ пастухъ. Стоя со стадомъ на противоположной горѣ, онъ заигралъ въ дудку и запѣлъ пѣсенку, въ которой совѣтовалъ Саху велѣть накормить эшака солью и, не давая ему пить, прогнать его изъ лагеря. Сахъ послѣдовалъ этому совѣту. Накормленный солью эшакъ побѣжалъ на гору, выше лагеря, и сталъ копытами и зубами рыть землю на одномъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ отрылъ трубу водопровода, снабжавшаго Галіату водою. Тогда Сахъ отвелъ воду и такимъ образомъ принудилъ Галіату сдаться. Слѣды водопровода видны и до сихъ поръ.

VI. Преданіе о грузинской коронѣ. [9])

Дигорія была подъ властью грузинскаго падцаха Эрекина. Это былъ человѣкъ богоугодный по своему благочестію и правдивости. Однажды за обѣдомъ, когда онъ держалъ въ рукѣ чашу съ виномъ, въ столовую вошелъ больной нищій, и царь предложилъ ему выпить налитое для себя вино. Больной выпилъ и въ чашу капнулъ гной изъ носа нищаго. Прислужникъ хотѣлъ вымыть царскую чашу, но падцахъ взялъ ее, наполнилъ снова виномъ и, не брезгая нищимъ, выпилъ. Въ ту же минуту съ неба спустилось облако и изъ него упала на голову царя золотая корона. Это было божественною наградою царю за его поступокъ. Корона преемственно переходила отъ одного грузинскаго царя къ другому и въ послѣдствіи, при присоединеніи Грузіи къ Россіи, была передана Русскимъ. По образцу этой короны дѣлаются въ Грузіи и Осетіи свадебные вѣнцы.

VII. Преданіе о Ногайцахъ, жившихъ нѣкогда въ Дигоріи. [10])

Когда разскащикъ былъ еще маленькимъ мальчикомъ, то слышалъ слѣдующій разсказъ отъ Ахмата Кантемурова, переселившагося въ послѣдствіи въ Турцію. Кантемуръ однажды съ товарищемъ поѣхалъ въ Ногайскія степи и близъ одной кибит-

ки увидѣлъ ветхаго старика, сидѣвшаго на *кыгасѣ*. Ахматъ Кантемуровъ замѣтилъ своему товарищу громко, что вѣроятно этотъ старикъ очень долго живетъ на свѣтѣ. Въ это время подошелъ къ нимъ съ виду молодой человѣкъ и спрашиваетъ ихъ по дигорски, откуда они пріѣхали. Они сказали: „Изъ Дигоріи.“—Изъ какихъ мѣстъ?—„Изъ Стыръ-Дигора.“—Изъ какого аула?—„Изъ Кусу́.“—Какъ фамилія?—„Кантемуровы.“ Услыхавъ это, молодой человѣкъ крайне обрадовался тому, что увидѣлъ въ свою жизнь еще разъ одного изъ Кантемуровыхъ. Тѣ были удивлены этой радости и просили объясненія. Молодой человѣкъ сказалъ Ахмату: „Стоитъ-ли до сихъ поръ у васъ на дворѣ грушевое дерево?“ Ахматъ отвѣчалъ: „Да, оно еще не засохло, хотя очень старо“.—„Это дерево, сказалъ молодой человѣкъ, я самъ посадилъ и выростилъ. Я жилъ прежде на этомъ самомъ мѣстѣ, а за дровами ѣздилъ на плоскость къ Ахсäрᵛсäр, такъ какъ на горахъ около Кусу́ совсѣмъ лѣсу не было. Однажды я привезъ съ плоскости грушевое деревцо и посадилъ у себя на дворѣ. Впослѣдствіи мы выселились изъ этихъ мѣстъ на плоскость къ Ахсäрᵛсäр. Здѣсь мы долго жили, но наконецъ напалъ на насъ Крымскій ханъ, забралъ насъ въ плѣнъ и переселилъ въ ногайскія степи. Такъ какъ намъ жаль было разставаться съ вещами, то мы ихъ зарыли въ землю и насыпали на этомъ мѣстѣ три кургана. Подъ среднимъ зарыто все имущество алдара, а имущество другихъ лицъ нашего рода подъ двумя боковыми. Если хотите богатства, то раскопайте эти курганы“.—Выслушавъ этотъ разсказъ, Ахматъ Кантемуровъ изумился долговѣчности ногайца и спросилъ его: „Сколько-же тебѣ лѣтъ?“ Тотъ усмѣхнулся и, показавъ имъ на дряхлаго, замѣченнаго ими, старика, сказалъ: „Вотъ мой младшій сынъ, а кромѣ него есть у меня двое старшихъ сыновей, которые отъ дряхлости уже не въ состояніи подниматься съ мѣста“. Чтобъ убѣдить Ахмата Кантемурова въ правдивости своихъ словъ, ногаецъ показалъ ему этихъ двухъ стариковъ.—Долго-ли послѣ этого жилъ ногаецъ и раскопалъ-ли Кантемуровъ курганы, объ этомъ ничего неизвѣстно.

VIII. О Крымскомъ ханѣ и о приходѣ Русскихъ. [11])

Нѣкогда народъ нашъ платилъ дань Крымскому хану (Qärimi хан). Однажды одинъ пастухъ сказалъ другому въ присутствіи Асмамбека Біасланова. „О если-бы я былъ Біасланов сынъ Асламбекъ!“—А что бы ты тогда сдѣлалъ?—спросилъ другой пастухъ. „Я пошелъ-бы къ Биберту и сказалъ-бы ему: будь готовъ! А самъ призвалъ бы Крымское войско, завелъ бы его въ Ахсаватское ущелье, собралъ бы нашихъ людей, напалъ бы на Крымцевъ и перебилъ бы ихъ ночью“. Эти рѣчи услышалъ Асламбекъ и поступилъ по совѣту пастуха. Разбитые татары убрались изъ нашихъ мѣстъ и народъ сталъ платить дань Кабардинцамъ Біаслановымъ—и Дигорцы и Ироны. Тогда Русскихъ еще не было въ этихъ мѣстахъ. Такъ одно время держались Біаслановы, а затѣмъ стали придвигаться Русскіе и разбили Кабардинцевъ. Снизу, съ плоскости, ихъ гнали Русскіе, а сюда, въ горы, ихъ не пускали Дигорцы. Такимъ образомъ Біаслановы были ослаблены. Затѣмъ Русскіе стали двигаться ближе и селиться по Тереку и въ другихъ мѣстахъ. На нашей памяти приходилъ въ Дигорію генералъ Абхазовъ и остановился въ Сурхѣ. [12]) Послѣ его ухода присланъ былъ къ намъ миссіонеръ, грузинъ, Николай Самаргановъ. Онъ разъѣзжалъ по ауламъ и давалъ 50 коп. каждому, кто окрестится. Тогда окрестилось 280 человѣкъ.

IX. Преданіе рода Хамицевыхъ. [13])

Прежде всѣхъ Хамицъ пришелъ въ Стыръ-Дигоръ, какъ говорятъ, изъ Грузіи. Изъ его потомства былъ нѣкто Хой, славный охотникъ. Однажды онъ пошелъ на охоту и выстрѣлилъ въ тура. Раненый звѣрь побѣжалъ въ горы, Хой—за нимъ. Туръ вошелъ въ одну пещеру и скрылся. Хой рѣшился въ нее войти и увидѣлъ тамъ цѣлую семью, мать, старуху и дѣтей. Женщина спросила его: „Откуда ты, какою непогодою тебя сюда занесло?“ Хой отвѣтилъ, что пришелъ за раненымъ звѣремъ. Женщина сказала: „раненый туръ—любимецъ моего мужа Авсати. Спрячься за дверью, въ яму, несчастный человѣкъ, иначе мой мужъ тебя убьетъ“. Хой спрятался. Вскорѣ

пришелъ домой Авсати съ убитымъ туромъ на плечахъ. Въ дверяхъ онъ крикнулъ: „Что-это пахнетъ горнымъ воробьемъ?“ Жена отвѣтила, что нѣтъ никакого человѣческаго духа и что вѣроятно онъ самъ занесъ его, блуждая около людей. Потомъ Авсати сѣлъ ужинать. Когда онъ наѣлся до сыта, жена призналась ему, что спрятала гостя. Авсати, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, велѣлъ гостю выходить изъ ямы, привѣтствовалъ его и назвалъ другомъ. Гость и хозяинъ стали пировать. Затѣмъ Авсати сказалъ гостю: „если хочешь, то будешь каждый день есть рѣдкую дичь. Вотъ тебѣ турье ребро“. И онъ далъ ему турье ребро съ мясомъ и серебряную *булау* [14]) въ видѣ креста. Это ребро вечеромъ съѣдалось семьею Хамицевыхъ, а на утро становилось такимъ-же, какимъ было. Долго продолжалось такимъ образомъ и Хамицевы кормились готовою дичиною. Однажды одна женщина въ семьѣ сказала: „надоѣло намъ постоянно ѣсть одно и тоже“. Вслѣдствіе ея словъ мясо на ребрѣ стало уменьшаться Въ другой разъ она повторила тѣ-же слова и мясо на ребрѣ перестало наростать. Всѣ начали бранить женщину: „наша пища пропала черезъ тебя“. Хамицевы стали приносить жертву *булау* ’ѣ. Если этого не бывало, то годъ бывалъ плохъ для людей и скота. Впослѣдствіи *булау* пропала слѣдующимъ образомъ. Въ Стыръ-Дигорѣ были двѣ дурныя фамиліи Беппитä и Гадзутä. Они выкрали *булау* изъ ящика, въ которомъ она хранилась, стоявшаго на мѣстѣ совершенія кувда и унесли ее въ Грузію. Тамъ они ее продали и всячески скрывали отъ Хамицевыхъ свой поступокъ. Однакожъ объ этомъ всѣ узнали. Хамицевы прокляли ихъ и обѣ семьи погибли безъ потомства. До сихъ поръ, продолжалъ разскащикъ, мы рѣжемъ около Пасхи барашка, несемъ его на мѣсто, гдѣ прежде хранилась *булау*, совершаемъ *кувдъ*, пьемъ брагу и пиво. Хой былъ мой предокъ; у Хоя былъ сынъ Садула, у Садулы—Бата; далѣе не помню. Затѣмъ изъ потомства Баты были два брата Іа и Гобедза, которые ушли въ Грузію, поссорившись съ *царгосатами*. Мой прадѣдъ былъ Царай, дѣдъ—Кезо́, отецъ—Тіхо. Мое имя—Біасланъ. Преданіе о выкраденной у насъ *булау* знаютъ и Дигорцы и Грузины.

X. Сказаніе о Дарезановыхъ. [15])

Отецъ Дарезановыхъ назывался Ростомъ-ханъ. Онъ былъ славнымъ кузнецомъ. У него была красавица-любовница, которая жила въ Сайнаговой горѣ (Саінӓцi хохху мӀдӓг). Онъ ѣздилъ къ ней на конѣ-вѣтрѣ. Объ этомъ узнала жена Ростома и тайно поѣхала вмѣстѣ съ нимъ къ соперницѣ, сѣвъ незамѣтно сзади на коня своего мужа. Пріѣхавъ къ любовницѣ, она убила ее. Умирая, любовница просила, чтобъ ей взрѣзали животъ, такъ какъ она беременна, и вынули ребенка. Желаніе ея было исполнено. Ростомъ вынулъ чудеснаго мальчика—Амирана—и бросилъ его въ воду. Отъ огорченія по случаю смерти своей возлюбленной, Ростомъ занемогъ и народы—Уоюги и Гумиры (Ўаігутӓ и ГумӀрітӓ), плативше ему дань, пользуясь его болѣзнью, теперь отказали въ ней. У Ростома было еще два сына—Бадри и Руси. Однажды онъ послалъ ихъ на море наловить рыбы. Въ то время какъ они ловили, изъ воды вдругъ выскочилъ хорошенькій мальчикъ и сталъ играть на поверхности моря. Братья бросили свое дѣло и любовались имъ. Вечеромъ, возвратясь домой, братья разсказали отцу, что смотрѣли на чудеснаго мальчика на морѣ и поэтому не наловили рыбы. Ростомъ догадался, что это его сынъ и приказалъ имъ поймать мальчика посредствомъ хитрости. „Пусть одинъ изъ васъ, сказалъ отецъ, сядетъ на берегу, а другой брѣетъ ему голову не вдоль, а поперекъ. Тогда мальчикъ выскочитъ изъ воды, чтобъ показать, какъ слѣдуетъ брить. Тогда постарайтесь схватить его и коснуться бритвой его головы;—онъ пойдетъ за вами и его можно будетъ привесть домой“. Братья поступили по указанію отца, поймали мальчика и выбрили ему прядь волосъ. Мальчикъ просилъ какой нибудь одежды и они дали ему свою, но она не была ему впору и разорвалась по швамъ. Тогда онъ попросилъ себѣ отцовское платье и оно пришлось ему какъ разъ впору. Дома мальчика заперли за семью желѣзными дверьми, чтобы онъ не слышалъ шума и криковъ Уоюговъ и Гумировъ, пировавшихъ и хозяйничавшихъ въ домѣ его отца. Но всетаки мальчикъ услыхалъ шумъ, ударилъ ногою въ двери,

вышибъ ихъ всѣ и выскочилъ наружу. Затѣмъ онъ бросился съ мечемъ въ рукѣ на враговъ и изрубилъ ихъ всѣхъ, за исключеніемъ Авцäрона Пасконди, у котораго уцѣлѣла одна изъ его семи головъ. Пасконди улетѣлъ на небо. Съ этихъ поръ Уоюги и Гумиры снова стали платить дань Ростому.

Затѣмъ Амиранъ съ братьями пошелъ биться съ заріаг-калм 'омъ. Змѣй проглотилъ его, но онъ распоролъ чудовищу брюхо ножемъ и выскочилъ изъ него весь облѣзлый, такъ что братья не узнали его и побѣжали. Онъ догналъ ихъ и успокоилъ. По возвращеніи домой Амиранъ хочетъ раздѣлиться съ братьями и проситъ на свою долю Ангетское поле (Ангётті будур). Братья не согласились. Тогда Амиранъ покидаетъ отцовскій домъ и уходитъ неизвѣстно куда.

По уходѣ Амирана Ростомъ снова попалъ подъ власть Уоюговъ и Гумировъ. Видя, что безъ Амирана ему не совладать съ врагами, онъ приказываетъ сыновьямъ непремѣнно его разыскать. Братья надѣли мѣдную обувь, взяли желѣзные посохи и отправились на поиски. Долго они искали напрасно и пошли наконецъ просить совѣта у колдуньи (кӯл-бадäг-ӯс) „На нѣкоемъ мѣстѣ, сказала она, бьются войска Шаха и Шемаха. Ступайте туда, выройте себѣ яму и оттуда бросьте камень въ лагерь Шаха. Тогда изъ середины Шахова войска выскочитъ вашъ братъ Амиранъ и броситъ камень назадъ“. Такъ и случилось: Амиранъ дѣйствительно выскочилъ и бросилъ обратно камень. Тогда братья бросились за нимъ, догнали его и умоляли вернуться домой, обѣщая ему отдать все что онъ пожелаетъ. На возвратномъ пути Амиранъ отсталъ немного отъ братьевъ и вернувшись не засталъ ихъ на мѣстѣ: ихъ унесъ Пасконди на небо. Тогда Амиранъ отправился на море, поймалъ морскаго быка, содралъ съ него шкуру и одѣлся въ нее. Пасконди спустился съ неба и утащилъ Амирана въ свое жилище, гдѣ сидѣли его братья. Ночью Амиранъ тайно далъ знать братьямъ, что онъ около нихъ и научилъ ихъ, что дѣлать. По утру они должны разсказать, будто видѣли во снѣ, что пришелъ Амиранъ и отрѣзалъ Пасконди голову вдоль зубовъ. Братья исполнили наставленіе Амирана. Выслушавъ ихъ сонъ, Пасконди въ гнѣвѣ бросился на

нихъ, но Амиранъ выскочилъ и отрубилъ ему голову. Забравъ все цѣнное въ жилищѣ Пасконди и убивъ его мать, братья по чудесной веревкѣ спустились на землю и вернулись домой. Амиранъ разбилъ Уоюговъ и Гумировъ и заставилъ ихъ снова платить дань. Вскорѣ послѣ этого Ростомъ умеръ и братья похоронили его въ золотой усыпальницѣ.

XI. Изъ сказаній о Сосланѣ. [16])

Жена Хамица однажды полоскала бѣлье на рѣкѣ. На другомъ берегу пасъ барановъ одинъ пастухъ и увидя жену Хамица влюбился въ нее. Онъ прислонился къ камню и внутри камня зародился ребенокъ. Жена Хамица вырѣзала ребенка оттуда, вскормила его и назвала Сосланомъ.

Въ городѣ Гори жила красавица Агунда; [17]) ея путь къ водѣ былъ вымощенъ камнями. Многіе изъ Нартовъ сватались за нее, но она никого не выбрала. Жена Хамица сказала своему питомцу: „если ты хочешь жениться на красавицѣ Агундѣ, то закали себя въ волчьемъ молокѣ. Тогда тебя никакая пуля не пробьетъ и ты возьмешь городъ Гори. [18]) На перекресткѣ семи дорогъ лежитъ голодный хозяинъ собакъ (?). Зарѣжь ему двѣнадцать барановъ и накорми его. Затѣмъ сдѣлай загонъ и собачій хозяинъ загонитъ тебѣ туда волчицъ“. Сосланъ поступилъ, какъ ему было сказано, и надоилъ цѣлый бурдюкъ волчьяго молока. Съ нимъ онъ отправился къ Курдалагону, и тотъ закалилъ его, вылivъ молоко въ свой водоемъ.—Закалившись, Сосланъ пошелъ на городъ Гори, зарядилъ себя въ пушку, влетѣлъ въ городъ, перебилъ жителей, унесъ богатства и взялъ въ плѣнъ красавицу Агунду, которую сдѣлалъ своей женой. Другіе Нарты, участвовавшіе въ осадѣ, завидовали Сослану, что ему досталась такая жена. Тогда Сосланъ тайно вырылъ подземелье, спустился въ него вмѣстѣ съ женою и жилъ тамъ. Нарты стали его искать. Коварный Сирдонъ указалъ мѣсто, гдѣ сидѣлъ Сосланъ и Нарты откопали его. Затѣмъ они отдали ему Агунду въ безспорное владѣніе.

XII. Изъ сказаній о Батразѣ. [19])

Однажды Хамицъ былъ на охотѣ и увидѣлъ козу. Только что онъ хотѣлъ пустить въ нее стрѣлу, какъ она упала мертвая. „Кто ее убилъ?“ крикнулъ Хамицъ. „Это я“, сказалъ подбѣгая какой-то мальчикъ. Затѣмъ мальчикъ пригласилъ Хамица сѣсть, развелъ огонь, изжарилъ козу и они поужинали частью козы. Остальную часть мальчикъ разрѣзалъ на три доли. Хамицъ спросилъ съ удивленіемъ: „зачѣмъ, мальчикъ, ты раздѣлилъ козу на три доли?“ Тотъ отвѣчалъ: „первая доля твоя по старшинству, вторая—твоя по праву, а третья моя“.—„Куда держишь путь?“—спросилъ мальчика Хамицъ.—Туда-же куда и ты,—сказалъ мальчикъ, взвалилъ мясо себѣ на спину и они пошли вмѣстѣ. Когда дошли они до одной рѣки, мальчикъ сказалъ: „Вотъ тамъ, на той сторонѣ я живу“.—Какихъ ты?—спросилъ Хамицъ. „Цанкаевыхъ“.—Есть у васъ дѣвушка — невѣста?—Есть,—сказалъ мальчикъ,—насъ всѣхъ семь братьевъ и одна сестра, но она безобразна и тебѣ не понравится.—Хамицъ все таки пошелъ къ Цанкаевымъ свататься: ему вывели маленькую и безобразную дѣвушку. Но она пришлась ему по вкусу, онъ внесъ за нее *градъ* и положилъ ее себѣ въ карманъ.—Хамицъ принесъ жену домой, но не жилъ съ ней, а только носилъ въ карманѣ всюду, куда пойдетъ: очень ужъ она ему полюбилась. Коварный Сирдонъ узналъ объ этомъ и сталъ срамить Нартовъ: „Нѣтъ у васъ обычая, нѣтъ закона. Иной изъ васъ жену свою въ рукавѣ носитъ, иной—въ карманѣ“. Догадался Хамицъ, что Сирдонъ открылъ его тайну и сказалъ женѣ: „боюсь, что Сирдонъ осмѣетъ меня передъ Нартами за то, что я ношу тебя; лучше я отнесу тебя къ твоимъ роднымъ“. Жена сказала ему: „Хотя мы вмѣстѣ не спали, но у тебя будетъ чудесный сынъ. На твоей спинѣ будетъ опухоль и изъ нея, когда придетъ срокъ, вырѣжутъ мальчика“. Хамицъ отнесъ жену къ ея роднымъ. Дѣйствительно скоро спина его начала пухнуть, и когда пришелъ срокъ, изъ опухоли вырѣзали мальчика. Мальчикъ былъ безобразный съ виду и противный: одинъ Хамицъ зналъ его доблесть.

По прошествіи времени однажды Нарты пировали и на пиру спорили о своей доблести. Кто изъ нихъ храбрѣе другихъ, къ тому чудесная ўасіамонгä (чаша) [20]) сама поднималась къ губамъ. Эта чаша не поднялась ни къ кому кромѣ Сослана. Тогда Нарты сказали Хамицу: „ну-ка, старикъ, разскажи, что ты видѣлъ, можетъ быть, чаша пойдетъ къ тебѣ“. Хамицъ же, зная доблесть своего мальчика, ищетъ его глазами здѣсь и тамъ, но нигдѣ не видитъ. „Гдѣ-это нашъ плѣшивый?“ сказалъ онъ.—Что ты ищешь его? сказали Нарты, твой уродъ что могъ видѣть?—Но вотъ Батразъ (такъ звали мальчика) подошелъ и сѣлъ передъ отцемъ: „Вотъ я! отецъ, сказалъ онъ, я сейчасъ разскажу, что я сработалъ: я убилъ пять *даугов* и шесть *уацилловъ*. Я убилъ отца хлѣбнаго ангела, Боръ-хуаръали, и во свидѣтельство этого, пусть *уасіамонга* поднимется къ усамъ моего отца и пусть старикъ выпьетъ“. Въ одну минуту чаша поднялась сама ко рту Хамица. Сынъ Боръхуаръ-али былъ въ это время спрятанъ за дверями; онъ подслушивалъ, не проговорится-ли кто нибудь изъ Нартовъ о томъ, кто убилъ его отца. Услыхавъ слова Батраза, онъ сказалъ: „Я вамъ задамъ!“ Послѣ этого цѣлыя семь лѣтъ не родилось у Нартовъ никакого хлѣба, кромѣ нартскаго (кукурузы) и они отощали.

Расхрабрился Батразъ, сѣлъ на своего коня, родившагося въ одну ночь съ нимъ, и сказалъ: „я весь міръ переверну!“ Поѣхалъ онъ по полю и вотъ разразился надъ нимъ громъ небесный за то, что онъ убилъ *елій*. Батразъ вынулъ мечъ и началъ на конѣ подпрыгивать къ небу на триста саженъ, думая, что допрыгнетъ до неба. Но громъ все гремѣлъ, то съ одной, то съ другой стороны и отъ гнѣва Батразъ умеръ. На томъ мѣстѣ, гдѣ пало его тѣло, распространилось такое зловоніе, что птицы падали мертвыми. Богъ послалъ ворона узнать о причинѣ зловонія: воронъ вернулся и сказалъ; „тамъ на полѣ какой-то трупъ“. За это Богъ проклялъ ворона: „будь хуже всѣхъ птицъ и шатайся безславнымъ“. Затѣмъ послалъ Богъ ласточку и она принесла вѣрную вѣсть: „На полѣ лежитъ мертвый человѣкъ“. Богъ послалъ *пахомпаровъ*, [21]) чтобъ они выпустили душу изъ тѣла Батраза и внесли его въ не-

бесный *сопійскій* склепъ. Пахомпары внесли Батраза въ *сопійскій* склепъ и тамъ положили. Теперь Батраза зовутъ Уаскиргіемъ.

XIII. Сказка о балкарскомъ и кабардинскомъ охотникахъ. [22])

Два охотника, балкарецъ [23]) и кабардинецъ, случайно сошлись у одной балки. Одинъ стоялъ по одну, другой по другую сторону балки, такъ что они не видѣли другъ друга. Въ балкѣ внизу пасся олень: оба увидали его и выстрѣлили одновременно, такъ что гулъ выстрѣловъ слился въ одинъ звукъ. Олень упалъ и оба побѣжали его взять. Тутъ они столкнулись лицомъ къ лицу и заспорили о правѣ зарѣзать оленя. По адату зарѣзать дичь долженъ тотъ, кто ее убилъ. Осмотрѣвъ убитаго звѣря, охотники увидѣли двѣ раны на его бокахъ. Убѣдившись, что они оба имѣютъ право на оленя, они зарѣзали его вдвоемъ. Голова звѣря, по адату, какъ самая почетная часть, принадлежитъ убившему. Охотники снова заспорили о ней и рѣшили, что возьметъ ее тотъ, кто разскажетъ изъ своей жизни болѣе чудесное и опасное приключеніе. Первымъ сталъ разсказывать кабардинецъ.

„Однажды мнѣ пришлось на охотѣ заночевать въ лѣсу. Я повѣсилъ на дерево мясо убитаго звѣря, отрѣзавъ себѣ часть на шашлыкъ, развелъ костеръ, зажарилъ шашлыкъ, поужиналъ и легъ спать. Только что я укрылся буркою, вдругъ слышу сзади шумъ шаговъ. Я вскочилъ, накинулъ бурку на свалившееся дерево, а самъ залѣзъ подъ него. Смотрю оттуда и вижу—подходитъ лѣсной человѣкъ (лäгсʏрд) [24]) съ топоромъ на груди. Замѣтивъ бурку, онъ бросился на нее и топоромъ разсѣкъ ее и дерево пополамъ. До меня лезвее топора не дошло и я остался цѣлъ. Потомъ лäгсʏрд снялъ мясо, висѣвшее на деревѣ, надѣлъ его на вертелъ, изжарилъ и началъ ѣсть. Разсмотрѣвъ хорошенько лäгсʏрд'а и оправившись отъ страха, я зарядилъ ружье и выстрѣлилъ ему прямо въ грудь. Лäгсʏрд вскочилъ со страшнымъ крикомъ и убѣжалъ. Когда разсвѣло, я замѣтилъ слѣды крови и пошелъ по нимъ. Они привели меня къ одной пещерѣ въ чащѣ лѣса. Я рѣшил-

ся войти внутрь; смотрю: лежитъ тяжело раненый лäгсvрд, а въ головахъ у него сидитъ красавица-дѣвушка. Замѣтивъ меня, она испуганно замахала руками, чтобъ я не входилъ. Однако, убѣдившись, что лäгсvрд'а можно убить оружіемъ, я зарядилъ ружье двумя пулями и выстрѣлилъ прямо въ грудь раненаго. Лäгсvрд страшно закричалъ, такъ что гулъ пошелъ по лѣсу, и скончался. Дѣвушка упала передо мною на колѣни и благодарила меня, что я избавилъ ее отъ лäгсvрд'а. Оказалось, что она родомъ изъ нашего аула и была унесена лäгсvрд'омъ. Она должна была жить съ нимъ и родила ему мальчика, также съ топорикомъ на груди, какъ и отецъ. По просьбѣ дѣвушки я убилъ ея ребенка и отвелъ ее въ нашъ аулъ. Она до сихъ поръ жива и можетъ подтвердить, что все было такъ, какъ я разсказалъ".

Очередь разсказывать была за балкарцемъ. „Однажды, сказалъ онъ, я возвращался домой съ убитой дичиной на спинѣ. Вдругъ спустился надо мной огромный орелъ, схватилъ когтями привязанную у меня на спинѣ дичину, поднялъ насъ и принесъ на вершину неприступной скалы. Здѣсь онъ сожралъ мясо дичины и затѣмъ заснулъ. Утромъ орелъ улетѣлъ и принесъ новую дичину. Когда онъ подлеталъ, то производилъ крыльями страшный вихрь. Въ отсутствіи орла я осмотрѣлся въ его логовищѣ и замѣтилъ множество оружія и человѣческихъ костей. Это были остатки людей, съѣденныхъ чудовищемъ. Когда орелъ снова улетѣлъ, я пересмотрѣлъ оружіе, выбралъ лучшее крымское ружье, зарядилъ его двумя пулями и сталъ поджидать птицу. Вотъ орелъ прилетѣлъ и сѣлъ на мѣстѣ: я прицѣлился—выстрѣлилъ ему въ грудь. Птица страшно закричала, взмахнула крыльями и околѣла. Долго я соображалъ, какъ бы мнѣ добраться до земли и наконецъ придумалъ слѣдующій способъ. Я сдвинулъ трупъ орла къ краю скалы, распялилъ ему крылья, подвязалъ подъ нихъ ружья, нагрузилъ на орла лучшее оружіе, сѣлъ ему на спину, оттолкнулся отъ края скалы и благополучно спустился внизъ. Если не вѣришь моему разсказу, пойдемъ ко мнѣ: я покажу тебѣ все оружіе, которое принесъ изъ логовища орла; оно до сихъ поръ виситъ въ моей саклѣ".

Кому-же принадлежитъ голова оленя? спросилъ кабардинецъ. „Тебѣ, говоритъ балкарецъ, потому что ты подвергался опасности изъ храбрости, а я подвергся ей противъ своей воли.“

XIV. Разсказъ о Дигоръ-кабанѣ [25]).

Дигоръ-кабанъ былъ нѣкогда самымъ знаменитымъ человѣкомъ во всей Осетіи. Онъ ѣздилъ всюду, попадалъ даже въ Грузію, куда въ то время не ѣздилъ никто изъ Осетинъ. Однажды онъ поѣхалъ въ Имеретію и остановился у одного алдара, своего кунака. Его угощали хорошо, но все-же черезъ недѣлю онъ началъ скучать. Разъ какъ-то отъ скуки онъ пошелъ посмотрѣть табунъ своего пріятеля и замѣтилъ, что изъ воды выскочилъ жеребецъ, подбѣжалъ къ табуну и вскочилъ на одну изъ кобылъ. Жеребецъ снова скрылся въ водѣ, а Дигоръ-кабанъ замѣтилъ эту кобылу. Черезъ нѣсколько дней онъ задумалъ ѣхать домой и сказалъ объ этомъ хозяину. Тотъ на прощаніи предложилъ ему самому выбрать подарокъ, какой только пожелаетъ: деньги, оружіе, лошадь и т. п. Дигоръ-кабанъ попросилъ себѣ кобылу, которую замѣтилъ и получилъ ее въ подарокъ. Пріѣхавъ домой, Дигоръ-кабанъ сталъ ухаживать за кобылой и сталъ ожидать дня, когда она ожеребится. Когда день насталъ, Дигоръ-кабанъ самъ принялъ жеребенка на бурку, чтобы онъ не коснулся земли. Онъ далъ жеребенку молока его матери, положилъ его на траву, а самъ сталъ смотрѣть. Видитъ, жеребенокъ вскочилъ, началъ бѣгать и прыгать черезъ мать. Съ весны до осени кормилъ Дигоръ-кабанъ жеребенка молокомъ матери въ полѣ, а осенью заперъ его съ тремя слабенькими баранами и сталъ ихъ кормить вмѣстѣ. Черезъ годъ онъ зарѣзалъ одного барана и по количеству мозга въ костяхъ заключилъ, что еще надо кормить жеребенка. На слѣдующій годъ онъ зарѣзалъ другаго барана и замѣтилъ, что въ костяхъ все еще есть мозгъ. На третій годъ онъ зарѣзалъ третьяго барана и остался доволенъ: мозгу въ костяхъ у него вовсе не было. Тогда Дигоръ-кабанъ пересталъ кормить коня и осѣдлалъ его. Около селенья Фа-

раскатты есть большая балка. Дигоръ-кабанъ привязалъ къ сѣдлу двѣ корзины съ землею, поставилъ коня на краю балки, прикрикнулъ,—и конь перескочилъ на другую сторону. Такимъ опытомъ онъ узналъ первое достоинство коня. Вѣсть о чудесномъ конѣ разошлась далеко, и всѣ о немъ знали.

Однажды изъ Кабарды прибѣжалъ къ Дигоръ-кабану одинъ человѣкъ, подозрѣваемый въ убійствѣ, по имени, Кудаберды, сынъ Саусыга. Онъ пришелъ просить на время коня, чтобы спастись отъ погони. Когда кабардинецъ подошелъ, Дигоръ-кабанъ перевязывалъ ногу раненаго барашка и не привѣтствовалъ гостя, пока не кончилъ дѣла. Гость, судя по пріему, потерялъ было надежду получить коня, но все-таки рѣшился попросить. Дигоръ-кабанъ, не говоря ни слова, вывелъ ему коня, хотя никогда прежде не видалъ этого кабардинца. Получивъ коня, кабардинецъ вскочилъ на него и ускакалъ въ мѣстность Афсизъ, гдѣ и поселился. Оттуда онъ сталъ наѣзжать на родину на чудесномъ конѣ и увозить мальчиковъ. Такимъ образомъ онъ перетаскалъ въ Афсизъ такъ много народу, что составилось цѣлое селеніе. Этимъ онъ прославился въ окружности. Хотя онъ долго жилъ въ Афсизѣ, но все-таки тамъ никто не называлъ его по имени, а просто звали гостемъ. Это казалось ему обиднымъ и онъ рѣшился вернуться на родину. Кудаберды не былъ виновенъ въ убійствѣ, въ которомъ подозрѣвался. Трое одноаульцевъ сговорились убить одного человѣка и во время джигитовки одинъ изъ нихъ направилъ выстрѣлъ, вмѣсто шапки, въ голову своего врага. Подозрѣніе пало на Кудаберды. Теперь, рѣшившись вернуться на родину, Кудаберды поѣхалъ къ дому настоящаго убійцы и просилъ у него пріюта. Тотъ отказалъ ему. Тогда Кудаберды сказалъ: „Я поѣду въ домъ убитаго и мы узнаемъ, кто изъ насъ убійца,—ты или я“. Подъѣхавъ къ дому убитаго, Кудаберды привязалъ коня къ коновязи а самъ вошелъ въ кунацкую и тамъ расположился. Его конь за ночь изгрызъ коновязь. Утромъ замѣтили это и всѣ дивились. Посмотрѣли въ кунацкую и узнали въ Кудабердѣ убійцу хозяина. Вдова убитаго поняла, зачѣмъ пріѣхалъ Кудаберды и собрала всѣхъ мужчинъ аула. Узнавъ о пріѣздѣ Кудаберды, родственники

убитаго хотѣли его убить, но хозяйка просила сначала выслушать его. „Я не убійца, сказалъ Кудаберды, а пріѣхалъ, чтобъ указать настоящаго убійцу, такъ какъ достаточно терпѣлъ изъ-за него. Кто сегодня убѣжитъ изъ аула, тотъ настоящій убійца“. Рѣшили подождать ночь и дѣйствительно настоящій убійца убѣжалъ. Такимъ образомъ Кудаберды оправдался и переселилъ всю свою семью изъ Афсиза на родину. Затѣмъ онъ поѣхалъ еще разъ въ Афсизъ, чтобъ поблагодарить тамошнихъ жителей, у которыхъ онъ гостилъ. Его накормили, напоили и передъ отъѣздомъ вынесли конную серебряную чашу браги. Кудаберды выпилъ на дорогу, попенялъ имъ, что они все время звали его гостемъ и ударивъ коня ускакалъ съ чашей въ рукѣ. Пріѣхавъ домой, онъ привязалъ чашу къ коню, закинулъ ему уздечку на голову и ударилъ его со словами: „ступай къ своему хозяину“. Конь прискакалъ къ Дигоръ-кабану, заржалъ у его воротъ и тотъ его тотчасъ узналъ. Черезъ недѣлю Кудаберды задумалъ узнать, прискакалъ-ли конь домой и снарядился въ дорогу, захвативъ съ собою другую лошадь съ богатой сбруей. Дигоръ-кабанъ принялъ его ласково, показалъ вернувшагося коня, и накормилъ гостя жирнымъ кусартомъ. Гость удивился вкусу мяса и спросилъ хозяина, откуда оно. Дигоръ-кабанъ сказалъ: „Это мясо того барана, которому я перевязывалъ раненую ногу въ то время, когда ты въ первый разъ пришелъ ко мнѣ. Съ того самаго дня я откармливалъ его для тебя и теперь зарѣзалъ“. Гость сказалъ: я былъ въ то время оскорбленъ тѣмъ, что ты предпочелъ мнѣ барана, а теперь я доволенъ. Затѣмъ Кудаберды подарилъ Дигоръ-кабану приведеннаго съ собой коня и уѣхалъ домой.

XV. Сказка объ Алыпѣ [26]).

Въ одномъ аулѣ похитили мальчика и продали какому-то богатому алдару. Тотъ сдѣлалъ его пастухомъ и послалъ пасти барановъ. Однажды мальчикъ, идя за стадомъ, нашелъ конскій черепъ и сталъ его разсматривать; затѣмъ онъ горько заплакалъ. Какой-то прохожій замѣтилъ это и, подойдя, сталъ

спрашивать, почему мальчикъ плачетъ надъ конскою головою. Тотъ ему отвѣчалъ, что этотъ черепъ достоинъ сожалѣнія, потому что онъ принадлежалъ не простому коню, а *алыпу*, чудесной породѣ коней. Прохожій сказалъ алдару о томъ, что его мальчикъ плакалъ надъ конскимъ черепомъ, какъ бы надъ роднымъ братомъ. Алдаръ допросилъ мальчика, не узнаетъ-ли онъ живаго алыпа, если различаетъ мертваго. Мальчикъ сказалъ, что, конечно, узнаетъ. Съ этихъ поръ алдаръ сталъ воспитывать мальчика наравнѣ съ своими дѣтьми и просилъ его достать ему *алыпа*. Мальчикъ все говорилъ, что *алыповъ* на свѣтѣ очень мало и что нужно пересмотрѣть всѣ табуны. Однажды алдаръ съ мальчикомъ снарядились въ путь искать *алыпа*. Долго они напрасно искали, наконецъ въ одномъ табунѣ нашли воронаго коня безъ единаго свѣтлаго волоса. Мальчикъ сказалъ, что этого коня нужно пріобрѣсть за какія бы ни было деньги. Алдаръ купилъ коня. Поѣхали дальше и въ другомъ мѣстѣ нашли вороную кобылу съ маленькимъ бѣлымъ пятномъ на лбу и на задней ногѣ. Опять мальчикъ присовѣтовалъ ее купить и она была куплена. Съ купленными лошадьми они вернулись домой. У алдара скоро явилось подозрѣніе, не убѣжитъ-ли у него мальчикъ и онъ заставилъ его присягнуть, что не убѣжитъ. Мальчикъ поклялся, что не уйдетъ отъ алдара до тѣхъ поръ, пока тотъ самъ ему не скажетъ: уходи отъ меня! Алдаръ успокоился. Вотъ они стали объѣзжать лошадей, алдаръ кобылу, а мальчикъ коня, увѣривъ хозяина, что кобылица отличалась бо́льшими достоинствами. Однажды они выѣхали. Мальчикъ началъ джигитовать, толкать хозяина и надоѣдать ему. Тотъ долго терпѣлъ и наконецъ крикнулъ мальчику: уйди ты отъ меня. Тогда мальчикъ пріударилъ коня и ускакалъ. Алдаръ понялъ свою оплошность и погнался за мальчикомъ. Долго они скакали, но лошади все на одномъ разстояніи. Мальчикъ даже сталъ сомнѣваться въ превосходствѣ своего коня и свернулъ къ русло рѣки—по камнямъ. Долго оба всадника неслись по камнямъ. Тутъ только обнаружилась слабость заднихъ ногъ кобылицы, происходившая отъ ея бѣлыхъ пятенъ. Она устала и алдаръ долженъ былъ вернуться домой. Между тѣмъ мальчикъ разыскалъ отцовскій

аулъ, пріѣхалъ и привязалъ коня къ коновязи. Когда его конь заржалъ, то отецъ, узнавъ по ржанью, что это *алыпъ*, вмѣстѣ съ тѣмъ догадался, что пріѣхалъ сынъ, потому что различать алыповъ умѣла только ихъ семья. Онъ вышелъ и радостно встрѣтилъ сына.

XVI. Легенда и Св. Георгіи [27]).

Гдѣ-то въ полѣ работали три брата. Подходитъ къ нимъ Уастырджи въ видѣ старика и говоритъ, чтобы каждый изъ нихъ пожелалъ что нибудь и его пожеланіе исполнится. Старшій братъ пожелалъ, чтобъ у него былъ всегда отличный урожай всѣхъ посѣвовъ, второй—чтобъ у него размножались стада, а младшій, не зная что пожелать, сказалъ, что пойдетъ посовѣтоваться съ братомъ своей матери. Тотъ научилъ его пожелать хорошую жену и хозяйку. Выслушавъ про желаніе младшаго брата, Уастырджи пошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ одинъ домъ, гдѣ именно въ то время справлялась свадьба. Невѣста уже просватанная, должна была, по словамъ старика, быть *настоящей* женою молодаго человѣка. Онъ убѣдилъ его, чтобъ онъ, когда на свадьбѣ почетный старикъ будетъ молиться, по обычаю, съ лепешкой, бараньимъ бедромъ и стаканомъ въ рукахъ, протиснулся впередъ и постарался отпить изъ стакана, вмѣсто другаго молодаго человѣка, котораго присутствіе требовалось обрядомъ. Отпивъ первымъ изъ стакана, пришедшій съ Уастырджи молодой человѣкъ становился какъ бы вмѣсто жениха. Тому удалось это сдѣлать. Тогда Уастырджи сталъ говорить собравшимся на свадьбѣ, что настоящій женихъ тотъ молодой человѣкъ, съ которымъ онъ пришелъ, что ему невѣста была уже раньше обѣщана и просватана. Начался споръ. Родители невѣсты и родственники жениха опровергали старика. Тогда онъ предложилъ божій судъ. „Пусть, сказалъ онъ, оба жениха возьмутъ по сухой вѣткѣ и воткнутъ каждый свою въ золу очага; чья вѣтка зазеленѣетъ, разцвѣтетъ, дастъ плодъ, тотъ настоящій женихъ.—Женихи сдѣлали это и, по могуществу Уастырджи, дала яблоки вѣтка

молодаго человѣка, которому онъ покровительствовалъ.—Однако присутствующіе потребовали еще другаго доказательства, и старикъ предложилъ слѣдующее: пусть оба жениха зарѣжутъ, ощиплютъ и сварятъ каждый по пѣтуху; чей пѣтухъ выскочитъ изъ котла, сядетъ на его край и запоетъ, тотъ настоящій женихъ. Опять выигралъ приведенный Уастырджи юноша и такимъ образомъ сталъ мужемъ дѣвушки. Молодые зажили въ согласіи и дружбѣ, а Уастырджи исчезъ.

Черезъ годъ Уастырджи, подъ видомъ нищаго, пошелъ провѣдать братьевъ. Приходитъ онъ къ старшему и проситъ немного корму для своей заморенной лошади. У того обильный урожай хлѣба, и онъ вѣетъ его на току. Но на просьбу нищаго онъ отвѣчалъ: „ступай, братъ, своей дорогой. Много васъ тутъ ходитъ. Если всякому давать, такъ это у меня ничего не останется“.—Тогда Уастырджи проклялъ его и сказалъ: пусть ты обратишься въ камень со своимъ хлѣбомъ!— и онъ окаменѣлъ, какъ былъ, съ лопатой въ рукахъ, а хлѣбъ обратился въ щебень.

Второй братъ, у котораго наплодились огромныя стада, также отказалъ Уастырджи-нищему и былъ наказанъ тѣмъ же способомъ. Наконецъ Уастырджи приходитъ къ младшему брату. Тотъ принялъ его радушно вмѣстѣ съ женою, усадилъ его и изжарилъ барана. Послѣ обѣда онъ спросилъ нищаго, чѣмъ онъ боленъ. Тотъ разсказалъ и прибавилъ, что есть одно лишь средство вылѣчить болѣзнь, но для него недоступное: нужно чтобъ кто нибудь пожертвовалъ своимъ ребенкомъ и далъ его зарѣзать, чтобы онъ могъ натереть себѣ грудь кровью младенца. Мужъ и жена переглянулись и вышли въ другую комнату. Вотъ жена и говоритъ: „пожертвуемъ ради гостя нашимъ ребенкомъ. Мы еще молоды, у насъ будутъ еще дѣти, а старику неоткуда достать себѣ ребенка для своего излѣченія“. Мужъ послушалъ жены и предложилъ гостю своего сына. Мать хотѣла непремѣнно видѣть, какъ будетъ умирать ея мальчикъ и изъ за двери смотрѣла, что дѣлаетъ съ нимъ гость. Тотъ надрѣзалъ ему грудь вдоль, вынулъ сердце, отрѣзалъ отъ него половину и затѣмъ скрѣпилъ снова тѣло ребенка и положилъ въ колыбель. Ребенокъ не пикнулъ и

мать, обливаясь слезами, была убѣждена, что въ люлькѣ лежитъ только его трупъ. Затѣмъ старикъ растеръ себѣ грудь и вдругъ помолодѣлъ и сталъ молодцемъ.—Они сидятъ въ комнатѣ. Вдругъ матери послышалось, что ребенокъ плачетъ. Она не вѣритъ своимъ ушамъ, подбѣгаетъ къ люлькѣ и видитъ, что ея ребенокъ живъ и здоровъ. Затѣмъ Уастырджи открылся хозяевамъ и ушелъ, наградивъ ихъ щедро за гостепріимство.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Записано мною въ Стыръ-Дигорѣ отъ старика Баде Гобеева.

[2]) Записано въ аулѣ Камунтѣ. Относится къ безчисленнымъ сказаніямъ о борьбѣ юноши (бога, героя) съ змѣемъ, но любопытно пріуроченіемъ къ мѣстности и лицу. Почему змѣй называется зарійскимъ (или залійскимъ-заліаг) мнѣ не умѣли объяснить. Другой разсказъ о заліаг кали 'ѣ см. въ Сб. Св. о Кавк. Горцахъ, IX, отд. II стр. 56.

[3]) Записано мною въ Камунтѣ отъ Григорія Дзилихова.

[4]) Начало преданія о трехъ братьяхъ—Осѣ, Суанѣ и Картылѣ—грузинскаго происхожденія. Сами Осетины, какъ извѣстно, называютъ себя Ір. Суанетовъ они называютъ Сарі, Грузинъ—Гурдi.

[5]) Имя Ӓлдi повидимому тожественно съ именемъ Алда (Alda alana см. Stritter—Memor. Por. IV § 35 p. 351). Г. Пфафъ слышалъ, что у Нарта Урызмага была другая жена, кромѣ Сатаны, Эльда. Узнавъ о связи своего мужа съ Сатаной, она пошла отыскивать его у соперницы, но двери были заперты. Изъ огорченія Эльда выпила столько кислаго молока, что лопнула и умерла передъ дверьми. (Сбор. Св. о Кавказѣ I стр. 173).

[6]) Записано въ Камунтѣ. Бадиляты—высшее сословіе у Дигорцевъ, соотвѣтствующее *алдарамъ* у Иронцевъ.

[7]) *Мадзаръ*—соотвѣтствуетъ древнему (хазарскому) городу Маджаръ, Маджары, котораго развалины находятся на берегу р. Кумы въ Ново-Григорьевскомъ уѣздѣ Ставропольской губ. близь села Прасковея. Описаніе развалинъ см. въ Ставропольскихъ Вѣдомостяхъ за 1856 годъ №№ 12—20 въ статьѣ г. Архипова.

Другіе варіанты преданія о Бадилѣ см. въ Сб. Св. о К. Г. т. V, отд. I стр. 85, и у Klaproth'a, Reise in den Kaukasus etc II Th. Nachtrag zu S. 381.

[8]) Записано тамъ-же. Сахомъ называютъ Осетины Персидскаго шаха. Г. Пфафъ полагаетъ, что въ преданіяхъ о Сахѣ сохранились народныя воспоминанія о походѣ Шахъ-Абаса. «Сахъ былъ къ Аладжирѣ и въ Куртати. Валаджирцы разсказываютъ, что предки ихъ встрѣтили Саха въ Нузалѣ, гдѣ они защищались, сбрасывая съ высоты горъ камни на войска и обливая ихъ кипяткомъ. Куртатинцы-же показываютъ, что Сахъ обстрѣливалъ пушками древній, высѣченный въ скалѣ монастырь въ Дзивгисѣ и поджегъ церковь; потомъ Осетины отступили до крѣпости Хилака, въ глубинѣ Куртатинскаго ущелья, гдѣ они храбро защищались; но крѣпость, однакожъ, была взята вслѣдствіе измѣны одной женщины, которая дала персамъ знакъ, гдѣ и когда сдѣлать приступъ, снявъ свои красные штаны и вывѣсивъ ихъ у стѣны.... На одной высочайшей скалѣ, въ Куртатинскомъ ущельѣ, замѣтна длинная горизонтальная линія, которая издали похожа на дорогу, искусственно высѣченную въ скалѣ; охотники, побывавшіе на верху скалы, дѣйствительно подтверждаютъ, что тамъ виденъ еще слѣдъ, по которому будто бы Сахъ проѣхалъ на своей арбѣ». См. Сб. Св. о К. Г. V отд. I стр. 96.

[9]) Записано въ Камунтѣ отъ одного изъ потомковъ База Дзилихова, старика, умершаго въ 1880 году будто бы 132 лѣтъ. Преданіе грузинскаго происхожденія.

[10]) Записано тамъ-же. Кантемуровы принадлежатъ къ царгосатамъ, уважаемымъ въ Дигоріи наравнѣ съ бадилятами. По преданію у Царгоса было три сына: Карабуга, Таймазъ и Кантемиръ; отъ нихъ произошли три нынѣ еще живущія въ Дигоріи фамиліи—Карабуговыхъ, Таймазовыхъ и Кантемировыхъ. См. Сб. Св. о К. Г. V отд. I стр. 85.

[11]) Записано мною въ Стыръ-Дигорѣ по дигорски. Преданіе любопытно тѣмъ, что сохранило воспоминаніе о владычествѣ крымскихъ хановъ въ Кабардѣ и части Осетіи. Татары овладѣли Кабардой при ханѣ Девлетъ-Гиреѣ. Съ тѣхъ поръ въ Кабардѣ всегда находился съ многочисленными войсками крымскій, а по покореніи Крыма турками,—турецкій паша.—Участь Кабардинцевъ раздѣлили и Осетины. Біасланов—Кабардинскіе князья, которымъ подчинялись Осетины.

[12]) Объ этой мѣстности дѣлаемъ выписку изъ дневника Клапрота: (По дорогѣ изъ Кубатіевскаго селенія) прибыли мы къ прекрасному лугу *Сурху*, покрытому отличной травою и имѣющему приблизительно версту въ поперечникѣ. Дигорцы держатъ на немъ скотъ зимой. Лугъ называется *краснымъ* (сурх) потому, что почва его состоитъ изъ красной

глины.—Лугъ Сурхъ лежитъ приблизительно верстахъ въ четырехъ отъ р. Урсдона (бѣлой рѣки), притока Терека. См. Reise in den Kaukasus etc. Nachtrag zu S. 301 des 2-en Theiles.

[13]) Записано мною въ Стыръ-Дигорѣ отъ Біаслана Хамицева. Потомки Хамица, ссылаясь на фамильныя преданія, добиваются алдарскаго званія. (См. мою статью «въ горахъ Осетіи»—въ «Русской Мысли», Сентябрь 1881 г.) Благородство своего происхожденія доказываютъ Хамицевы еще тѣмъ, что предокъ ихъ былъ женатъ на дѣвушкѣ изъ фамиліи Кабардинскихъ князей Таусултановыхъ (Ср. выше преданіе № VI въ Осет. текстахъ, Отд. II стр. 100).

[14]) Что такое *булау* разскащикъ не могъ объяснить.

[15]) Записано мною въ Садонѣ. О происхожденіи сказаній о Дарезановыхъ см. во Введеніи замѣчанія къ № XII, 1-го отд., Пасконди соотвѣтствуетъ Пакондзи въ № XII.

[16]) Записано по дигорски въ Стыръ-Дигорѣ отъ старика Айдаруко Цоппанти.

[17]) Агунда—знаменитая красавица—нерѣдко упоминается въ нартскихъ сказаніяхъ. Родство ея, какъ и другихъ эпическихъ лицъ, разсказывается различно. Въ сказаніи *Алагате* (Сб. Св. о К. Г. Вып. V отд. II стр. 5 слѣд.) сообщаемомъ г. Д. Шанаевымъ, Агунда является сестрою Хизова сына (Хізvфvрт); въ сказаніи *Смерть Созрыко* (тамъ-же стр. 9 слѣд.) бѣлый олень, преслѣдуемый Нартомъ Созрыко, превращается въ *златокосую* и *златокрылую* красавицу Агунду; въ сказаніи объ Урызмагѣ и Уарпалдарѣ (Урупскомъ владѣльцѣ) Агунда засватывается для послѣдняго его другомъ Урызмагомъ (См. Сб. Св. о К. Г. IX отд. II стр. 33).

[18]) Въ упоминаніи города Гори, осаждаемаго Нартами, быть можетъ, сохранился отголосокъ историческихъ событій. Этотъ городъ часто терпѣлъ нападенія отъ Осетинъ въ 13 и 14 вѣкахъ и долго былъ въ ихъ власти. См. Сб. Св. о К. Г. V отд. I стр. 55 и слѣд.

[19]) Записано въ Стыръ-Дигорѣ отъ того-же.

[20]) Чудесная чаша Нартовъ называется нарт-амонгä или ўасіамонгä иногда просто амонгä (отъ глагола амонvн—научить, показать); ўасі—вѣроятно тоже слово, которое сохранилось въ названіяхъ ўаскёргі Уац-ілла, Уас-хо.

[21]) Пахомпар—пророкъ, посолъ, съ персидск. peiγāmbar.

[22]) Записано мною въ Камунтѣ отъ Иналуко Дзилихова.

Стр.
III. Преданіе о великанахъ 92
IV. Преданіе о томъ, какъ пчелы явились въ Дигоріи 94
V. Туккаевская болѣзнь. 98
VI. Преданіе о Хамицевыхъ 100
VII. Преданіе о Уаскерги 102
VIII. Пѣсня Алардѣ 102
IX. Думы 104
X. Посвященіе коня. 108
Примѣчанія 117

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

МѢСТНЫЯ ПРЕДАНІЯ И СКАЗКИ, ЗАПИСАННЫЯ ПО РУССКИ

I. Преданіе о великанахъ 137
II. Преданіе о змѣѣ въ Галіатѣ 138
III. Преданіе о поселеніи Дигорцевъ въ Камунтѣ. . . . . —
IV. Преданіе о Бадилятахъ 140
V. Преданіе объ осадѣ Галіаты Сахомъ . . . . . —
VI. Преданіе о грузинской коронѣ 141
VII. Преданіе о Ногайцахъ, жившихъ нѣкогда въ Дигоріи . . . —
VIII. О Крымскомъ ханѣ и приходѣ Русскихъ. 143
IX. Преданіе рода Хамицевыхъ . . . . . —
X. Сказаніе о Дарезановыхъ 145
XI. Изъ сказаній о Сосланѣ. 147
XII. Изъ сказаній о Батразѣ. 148
XIII. Сказка о балкарскомъ и кабардинскомъ охотникахъ 150
XIV. Разсказъ о Дигоръ-Кабанѣ 152
XV. Сказка объ алыппѣ 154
XVI. Легенда о св. Георгіи 156
Примѣчанія 159

ОПЕЧАТКИ.

					Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр.	14	строка	3	снизу:	Уäд	Ў̆äд
»	16	»	1	сверху:	Ў̆äj	Ў̆äі
»	24	»	2	»	Аз	Äз
»	24	»	9	снизу:	qа́вv	qа́вv
»	26	»	12	сверху:	Та́ранцäлос	Та́ранцёлос
»	30	»	15	снизу:	ра́хсс	ра́хäс
»	30	»	14	»	ӯіі	ӯі
»	32	»	11	»	ба́кäндäнӏс	ба́кäндäнīс
»	38	»	1	сверху:	Сä	сä
»	56	»	7	снизу:	Іс	Іс
»	58	»	4	сверху:	зäхтон	захтон
»	60	»	8	»	а́лvгдvстv	а́лvг̆дvстv
»	60	»	8	снизу:	Уі	Уі
»	62	»	17	»	фа́ӵі	фа́ӵі
»	64	»	1	сверху:	хäда́г̆зäлгаjä	хäда́г̆зäлгäjä
»	64	»	10	»	зäгv	зäг̆v
»	66	»	2	»	Аз	Äз
»	66	»	9	»	Ра́іса́м	Раісом
»	66	»	13	»	заг̆īн	зäг īн
»	70	»	4	»	jў	jу
»	70	»	9	»	мä	ма
»	74	»	12	»	фäлv̆г̆дvстv,	фäлv̆г̆дvстv.
»	76	»	12	»	нv̆мäдäн	нv̆мäдäн
»	78	»	4	»	а́цvдӏ	а́цvдī
»	78	»	12	снизу:	амä	ämä
»	86	»	4	сверху:	бірӏнчӏтäм	бірӏнчӏтäм
»	90	»	7	снизу:	фäззаг̆v̆нц	фäззаг̆vнц
»	98	»	10	»	ісӏстонца	ісӏстонцä

»	100	»	12	»	мугка́е	мугка́г
»	101	»	10	сверху:	молится	молимся
»	101	»	18	»	онъ былъ милостивъ	они были милостивы
»	102	»	10	»	нä	ма
»	102	»	14	снизу:	ціцца́фта	ніцца́фта
»	108	»	3	»	равäінâі	räväінâі

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПРИМѢЧАНІЯМЪ.

Стр. 100 строка 8 сверху: Äхсäрфäмбäлдтä—называются куски легкихъ, обвернутые жиромъ и употребляемые при кувдѣ. На стр. 84 послѣ слова куідýм слѣдуетъ поставить [135]) и дальнѣйшія числа примѣчаній до 144 (на стр. 90) повысить на единицу.

Дополнительный списокъ опечатокъ и поправокъ будетъ приложенъ ко 2-ой части.